

Провал "миссии бин", или Записи капитана Вальтера

Владимир Партолин

Владимир Иванович Партолин

Провал «миссии бин», или

Записи капитана Вальтера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70512088

SelfPub; 2024

Аннотация

Подразделение спецназа, получив задание инспектировать жителей острова на предмет излишков лекарств, наличия незаконного владения огнестрельным оружием, вступает в боевой контакт со взводом местных вооружённых сил, принявших их за пиратов. После инцидента спецназ командованием оставлен на острове с заданием возродить разграбленный пиратами колхоз.

Владимир Партолин

Провал "миссии бин", или Записи капитана Вальтера

Я эту запись-ком сделал после, как покинули остров, на котором пришлось взводу оставаться шесть лет в опале.

Вторую уже зиму не пережили бы, если бы не топинамбур и не местная ягода. Тянули на одном пюре с киселём, а под Рождество прапорщик Лебедько упросил построить и отвести марпехов на дальнее от лагеря поле. Срубил сапёркой не убранный с прошлого года подсолнечник, сгрёб снег и выкопал клубень. На вид – банан. Только с одного конца – юбочка в сеточку, с другого – пузырь с цветочками внутри. Пояснил:

– Цветы называли «анютиными глазками», ягоду – «оскоминой», сеть корневую – «усами», «оскоминицей». Мы с Батей, Францем Аскольдовичем – земля ему пухом – в голод ели, только она и спасала.

Сижу, пишу о том, что оскомина – ягода удивительная, сыграла немалую роль в моих и взвода злключениях. Мне одному в четырёх стенах гауптвахты делать всё равно нечего. Рапорт, поданный сразу после ареста, у командования вызвал скептические усмешки. Но это до поры до времени – всё прояснится, поверить придётся.

Лагерь я приказал разбить на ратушной площади. Казарму, тир, госпиталь, пищеблок и галльон обмазали глиной – эти блок-модули ротной БММП нам, забрав машину с оружием и спецназовским снаряжением, на острове оставили, но одни «стены» без оборудования и брони. Полевой пищеблок я распорядился использовать под казарму, а столоваться в поселковой столовой. В целости из строений, кроме жилых юрт с чумами, осталась только эта столовая, под неё использовался железнодорожный вагон-ресторан. Наши шмели шмететниц, атаковавшие селение, вагон этот не тронули: разборчивы в «пище», им в первую очередь не просто листовой металл, оружейные стволы с дульной нарезкой подавай.

Взять, что в юртах и чумах погибших крестьян я марпехам запретил, а зря: на девять дней поселяне соседней деревни Мирное забрали всю обстановку, утварь и одежду.

Перезимовали на солдатском батоне и флотских макаронах, в полуголодный месяц – на спецназовских сливках, а по весне я вывел взвод в поле сеять. Это событие Лебедько отметил в своём трактате с названием «Сельскохозяйственная деятельность спецназа ВДВ на острове Монтекросто». Так романтично прапорщик переименовал наш остров с названием «Бабешка». Трактат он начал писать ещё в бытность свою кладовщиком колхоза «Отрадный», под началом моего

бедного дядюшки, полковника ВДВ, чья могила на воинском кладбище за околицей деревни. На обелиске надпись:

ФРАНЦ КУРТ

24.11.2034 X 09.08.**32

Воин,

полковник, командующий ВС Пруссии.

Господи, упокой душу Бати.

Хрон в печень виновникам его гибели

Здесь и могилы дядиного взвода – подразделения составлявшего все Вооружённые Силы Пруссии, государства на Бабешке. Я, командир роты марских пехотинцев спецназа ОВ-МР, погубил прусских солдат. Вместе с ними и крестьян, в чьей деревне Отрадное обосновался после полевым лагерем. Случилось всё по трагической случайности. До выяснения обстоятельств инцидента я с 1-вым взводом – 2-рой убыл обратно в ЗемМарию – был оставлен командованием на острове с задачей восстановить колхоз «Отрадный», возобновить поставки сельхозпродукции в Русь.

Марпехи все кроме старшины Балаяна, старшего сержанта Брумеля и сержантов, командиров отделений – юнцы, о крестьянском труде ничего не ведали: так что, как пахать, как сеять я показывал. Про опыт Лебедько как местного полевода я не знал, трактат его только глянул. Посмеялся, а зря. Прапорщик писал о прополке: «...ПРОПОЛКА в обыч-

ном традиционном понимании – это уничтожение сорняков и взрыхление почвы для проникновения к корням кислорода. На острове червей и насекомых нет, поэтому без тщательного взрыхления здесь никак. Но репей, единственный на острове сорняк, полевод не выпалывает, а пересаживает в междурядья. Иначе кранты: изведёт посевы. Вообще, на островных колхозных угодьях – без земли, на песке – вырастет всё каким-то чудом. На этот счёт у меня есть гипотеза: культуру к проросту провоцирует этот самый репей и воздух здесь вмеру отравленный...». Прочтя абзац, я посчитал, что автор так шутит, и засел за трактат, когда всходы – без репея на грядках (я настоял выполоть) – чуть не все погибли, и сбегал удостовериться в правоте исследователя-самоучки на поля соседнего колхоза «Мирный».

С первым урожаем не повезло, уродились разве что топинамбур и ягода-оскомина на Дальнем поле. Зиму и весну протянули на пуре «Отрада» (бараболя – другое название топинамбура – толчёная со жмыхом и ягодой-оскоминой, крупно колотая соль, «анютины глазки» поверху), а весной спасли петрушка и укроп.

* * *

Прапорщик Лебедько, ротный каптенармус, принял первую зелень, расписал на порции, и после ужина перед отбоем попросил меня зайти к нему в каптёрку.

– Тут мне мирняне предложили сделку, – доложил он, раз-

ливая по кружкам кисель.

– Кто?

– Соседи наши. Колхоз «Мирный», что в деревне Мирное. Они зимой нас жмыхом одарили. Так вот, мирняне предложили обменяться: мы им «хэбэлёнку» они нам семена, удобрения, мотыги и недостающие у нас в деревне башни.

– Нужны нам башни? Водокачку отвели под наблюдательную вышку, башни к чему? И не деревня у нас, а воинский лагерь. – Я не спешил отказать: киселя хотелось. – Носить что будем, если повседневу сменяем?

Хэбэлёнка – повседневное оно же и полевое обмундирование марпеха. Сшита из спецткани: хлопок и лён в подкладе, верх из самого редкого и дорогого ископаемого на Марсе – коралла «камуфляжный». Ткань из него не просто оригинальна по свойствам, она – суший хамелеон: мгновенно меняет пиксельные буро-жёлтые пятна на пиксели под зелень, песок или снег. Одёга из неё не только «маскировочная» в любое время года в любом месте, но ещё в ней ни холодно, ни жарко. Обменять – значит, остаться в одном исподнем, другого верхнего одеяния нам не оставили. Выходные мундиры, шинели, полушубки, плащ-накидки изъял и увёз с ротным оружием и бронёй капитан Кныш, кэп дирижабля «Распутин». Тогда, кстати, чуть прокола не случилось. Принял Кныш береты, фуражки, зимние шапки-ушанки и балаклавы – на головные уборы капитан зачем-то составил отдельную опись – после последние вернул со сло-

вами: «Чулки маскарадные можете оставить. Есть что ещё из одежды»? «Всё на нас – хэбэлёнка, ботинки с крагами, тельняшка да кальсоны», – выступил из строя старшина Балаян. Сержанты подтвердили, покивав головами, рядовые смутились, и вытянулись вструнку на выкрик старшего сержанта Брумеля: «Смирно! Не вякать в строю!». Не мог командир дирижабля «Распутин», офицер гарнизона Твердыни на Руси в ЗемМариин, высадившийся на остров с приказом разоружить марпехов после трагических здесь событий, знать, что под тельняшкой и кальсонами у нас надето спецназовское «трико-ком». Провернёшь кольца, из наручных браслетов «единичка» и «двойка» раскатаются по рукам «рукава-ком». Провернёшь кольца на ножных браслетах «тройка» и «четвёрка», раскатаются «рейтузы-ком». Отвернёшь дужку на ошейнике, выпростается и «запакует» торс от шеи до рейтузов-ком «гольф-ком». Когда в учебке полковник Франц Курт, мой дядя, демонстрировал курсантам трико-ком, опытный ещё образец, процесс просто завораживал. Старослужащие заёрзали и загудели при виде как рейтузы волнительно и соблазнительно скатывались в приёмники ножных браслетов. Новобранцы же вылупились и застенчиво отвели глаза, как только рейтузы разъехались по ногам на чулки и вывалился на волю знаменитый дядин «слон». Ткань «перчика» (так спецназовцы прозвали трико-ком: первое время ощущалось жжение по всему телу) выработана из селекционного коралла «силиконовая со ста-

лином смесь», выращиваемого на Марсе руками пациентов секретной лаборатории «Печального Дома». Кстати, из этого же материала изготавливались «свечи» – секретные спецназовские респираторные фильтры. По своим свойствам спецткань уникальна: компилирует кожу индивида – с волосиками, родинками, бородавками, пигментными пятнами, шрамами, варикозными дорожками, язвами, всем прочим. Да так точно – не отличишь. Назначение трико-ком: уберечь от переохлаждения и перегрева, не допустить обморожения и ожогов – под хэбэлёнкой. Сберечь от укусов комарья в лесу, змей в джунглях, скорпионов в пустыне. В момент ранения стянуть рану, хотя не всякие пуля и луч лазера способны силикон тот продырявить и прожечь. Известно, что кевларовый бронежилет пуля не продырявит, но нож в умелых руках пробьёт, так вот, трико-ком останавливало, и пулю, и клинок. Но главное назначение – «...обеспечить возможность скрыться». Разумеется, с поля боя. Ведь кроме всего, «перчик» – невидимка: облачённого в трико-ком спецназовца радары-бит не засекали. И всего-то и надо, повернуть кольца в браслетах и дужку в ошейнике – выпростать рукавицы-ком, носки-ком и капюшон-ком, затем, натащить из «пятёрки» на член «чехул». И... исчез боец на мониторах. Вроде сдавался стоя нагишом, с оружием и амуницией на земле у ног, а накинул капюшон на голову, чехул на «хул», – пропал. Может быть, трико-ком и не раз спасло бы жизнь овэмээровцу, но испытать в деле «спецприблуду» моим спецназовцам не

довелось. Потому как в первое же оперативное задание на Земле, высадиться на тихоокеанском острове Бабешка и до-смотреть деревню Отрадное на предмет сокрытия оружия и излишков лекарств, случился трагический инцидент боево-го столкновения моей полуроты с ВС Пруссии. Вернув ба-лаклавы, капитан Кныш добавил: «И бижутерию, браслеты с ошейником, не возьму, у меня дирижабль, а не подводная лодка – каждый килограмм на учёте. А мне ещё ветролёт со всей бронёй ваш волочь, угробили машину. Да и ушан-ки оставлю, по пути сюда три пиратских шара подрезали, у них, правда, заношенные, но отчитаюсь. Кокарды только снимите и сдайте». Так трико-ком – и ушанки – остались при нас. Носить приказал только раскатанным по телу: не пач-кался «перчик» и тело от загрязнения берёг. Мыться всему не надо, ушанку сбросил, башку в воду окунул, руки, ноги омыл (капюшон-ком, рукавицы-ком и носки-ком носить вы-простанными я запретил – странным делом для соседей бы-ло бы), – и в гамак.

– В Отрадном всегда были башни, однажды все три увез-ли пираты. У них тогда перемирие было, с ЗемМарией то-же, ни хрона не боялись, все на остров заявили, и волки, и мустанги, и драконы. Правда, разграбили только Отрадное, Мирное и Быково не тронули. Башни все три, всё металли-ческое, колокола звонницы бронзовые и те увезли. Бак во-докачки оставили, в ржавчине заготконтора не принимает. Стенки резервуара истончились от коррозии, потому-то вы и

продырявили из пулемёта. А башни новые, из запасного комплекта, что в Мирном хранились и были переданы возрождённому колхозу «Отрадный», вы – марпехи: прикололись арабы – пожгли огнебалистами. Вот только нафиг, бойцы в окопах сидели, – ответил прапорщик. – Закусите грушей.

Выдохнув в сторону, я выпил кисель.

– Этот не горчит, – похвалил, утирая рукавом губы. К закуске не притронулся.

– Пираты, – тоже выпив, продолжил Лебедько, – прилетели на воздушных шарах, сутки над куполом висели. Пили, ширялись, песни горланили. Пришлось башни демонтировать и вытащить в проход. Башни – «силосные», каркас из трубы стальной, обшивка дюралевая, в Огайо на металлолом сдают. Деактивировать на время «миску» поостереглись: пираты могли и не сдержать слова оставаться в корзинах.

– А вы, где были, Вооружённые Силы Пруссии?

– Так в то время в полку на Марсе. На Земле, бежали взводом из-под ареста, на Бабешку прибыли уже на пепелище, в деревне уже без башен обосновались. Крестьянствовали по-маленьку, а поступили на службу Пруссии, полевым лагерем стали у котлована, что на полпути от Отрадного к Быково. Служили, пока вас сюда не принесло. Упокой, Господи, душу Бати, Хрон в печень виновным в его гибели. Слава воинам по нелепости павшим. И успокоение на небесах безвинным крестьянским душам. Выпьем не чокаясь.

Одной рукой Лебедько крестился, другой разливал из

жбана по кружкам кисель.

– Грушу не помыл, хотя бы обтёр.

– Так ведь не из земли, из песка выкопана, в каком ни жучков, ни червячков. Вам, капитан Вальтер, предлагают выгодную сделку: кроме башен – семена, удобрения и мотыги. А в исподнем одном останемся... что ж, и дяди вашего вэдэвэшники пахали здесь только в матросских тельняшках, трусах да гюйсах, сам полковник в кальсонах председательствовал. Ему за бушлаты только семена и мотыги дали, а вам – семена, мотыги и удобрения с башнями! В зиму бойцов в зипуны оденем, что остались от Батиного взвода. Сообщить мирнянам, что согласны мы?

– Кисель даже сладковат. С сахаром? – спросил я, заглянув в жбанок и понюхав со дна.

– Сахар не пахнет, – поставил прапорщик на стол второй жбан наполненный киселём до краёв горла и поджёг зажигалкой вершок. – Больше возьмём семян ржи, укропа, петрушки, подсолнечника и свёклы. Свёклу на сахарный сироп пустим, подставляйте кружку. На сиропе кисель крепче и гореть будет не голубым, красным пламенем. А пахнуть – «тройным». Помните, в Хрон, когда сухой закон ввели, этим одеколоном торговали в парикмахерских и бильярдных. Тогда вы юношей и, должно быть, курсантом офицерского училища были. Что сообщить мирнянам?

– Наливай, – согласился я.

* * *

Башни хранились в ящиках из пластиковой гофры, две были обычными типовыми хранилищами для силоса, а вот третья оказалась сюрпризом не только для нас, но и для самих мирнян. Сразу и не признали «отвод» – узел из двух труб, используемый в прокладке газоперегонных магистралей. Я взять согласился. Из катаной стали трубы эти – надёжное место для ротного сейфа, в котором хранились штандарт, документы, печать, спецназовские ножи и «свечи» (респираторные спецфильтры). Боялся я, мирнянские пацаны сопрут.

Не доставало, как оказалось, ратушной башни с часами, она же звонница. Смущённые, соседи поделились колоколами.

Отвод установить я приказал не в кругу фундамента от сгоревшей ратуши, а между казармой и столовой, задействовать под командный пункт и – прапорщик Лебедько настоял – звонницу. Целые дни я проводил на КП. Сидел напротив оконца – прорези десять на тридцать сантиметров, на проделку которого два лазерных клинка спецназовского ножа угробили.

Попасть в КП составляло мне немалых трудов. Входом служила меньшая по диаметру отводная труба, проделать дверь в стенке большей трубы – ещё с десятков клинков загубить – я запретил. Торчала врезка высоко, потому как, устанавливали отвод, вырыть яму глубже не удалось: под че-

тырёхметровым грунтом наткнулись на сплошной камень. Лебедько предложил на выбор, из оставшихся каркасных брусьев ящиков (брусья и гофру пустили на нары в казарме и на заделку сгоревшей в окнах вагона-ресторана парусины) сделать мне стремянку или стол с табуреткой. Я выбрал второе. Подпрыгивал, подтягивался, втискивался в узкое для моих плеч жерло и полз. Благо, внутри не прыгивал: в трубу насыпали песка, подняли тем самым уровень пола. Сползал на стол, вытаскивал из-под столешницы табуретку, сел. Через оконце сержанты принимали наряды на работу, передавали мне нормативки, возвращали ножи после бритья. Им прапорщик для того смастерил приспособу: ходули; по очереди на них становясь и получали наряды. В тесном помещении – разведёнными руками стенок доставал – сейф я поместил по центру помещения. Уложенным на попу, дверкой кверху закопал в песок. Столом и табуреткой заставил.

На КП я и обедал, дневальный по взводу порцию приносил. Котелок в оконце не пролазил, я похлёбку через гильзу без капсюля тянул. Патрон – длинный, от подводной винтовки; рядовой Милош, дуралей, пухнул в суматохе, когда в стычке с прусаками я дал команду уничтожить из шмелетницы купол-ПпТ забарахлившего боевого щита ротной БММП. А обычно повар ефрейтор Хлебонасущенский, на ходулях стоя перед оконцем с котелком, с ложки меня кормил.

Честно признаться, оставался я весь день на КП не из-за

трудности попасть внутрь, а и потому, что не хотелось мне полоть. Но и сидеть в трубе не подарок: дневать приходилось сидя на табуретке, под столом раскорячив ноги. Потому, что на дверце сейфа ступни мёрзли, даже в ботинках с крагами. В полку на учениях каждый раз «крестил» конструктора. корпус сейфа спроектировал тот из лёгкого кевлара, а дверцу зачем-то из листа броневого. Со старшиной Балаяном и старшим сержантом Брумелем на перемену таскали. Ещё в трубе и сквозняк донимал, когда взвод уходил на прополку и купол-ПпТ на время подзарядки генераторов деактивировали. Сифонило сверху, за спиной и через оконце в лицо. Песком всю голову секло, капюшон-ком «перчика» только и спасал. Лебедько смастерил заслонку из стального листа, поначалу я ею закрывал лаз, сидел, затылком подперев, а вырезал прапорщик на ней надпись «КОМАНДНЫЙ ПУНКТ. ВХОД», – оставлял на входе. Подпрыгивал и в виси на одной руке вынимал заслонку, подтягивался, подхватывал пальцами ноги, вползал в жерло отводной трубы и за собой закрывался той заслонкой. Маята несусветная, но всё-таки это не полоть. И всё же три раза на дню меня неудержимо влекло сорваться и бежать на поля – это, когда звонил заутреннюю, обедню и вечерю. На верхке трубы уложили перекладину, подвесили к ней колокола и проволочную лестницу подцепили. Очень обрадовался Лебедько моему желанию совмещать должности председателя колхоза и звонаря: теперь мог вместо меня показывать солдатам, как сеять и полоть. Трепал

(по выражению прапорщика) я верёвки с колокольными языками, – уши закладывало. Но не это подмывало отказаться от службы звонарём – стыд: я не мог научиться церковному звону. Рядовой Мелех бился, бился, обучая меня, а подарил затычки в уши, вырезанные Лебедько из клубня топинамбура, в сердцах оставил это безнадёжное дело. «Марш овэмээровцев» – этот я всё же, хоть и с горем пополам, освоил.

Однажды и ночь просидел я на КП – киселя перебрал. Отметим день рождения рядового Милоша. Пробудившись рано утром, я просунул гильзу в оконце, но вместо похмельного киселя потянул один воздух. Стошнило. Гильзу выронил, в блевотину угодила. Присыпал песочком, благо на столе скопилось. Кликнул дневального и приказал гильзу промыть, поднять по тревоге и построить взвод.

Из казармы не выбежали опрометью, как и полагалось марским пехотинцам, а вышли неспешным шагом. Построились. Сброд, а не овэмээровцы! Тельняшки с кальсонами, балаклавы шапochкой под ушанками, ботинки с наброшенными поверх, но не стянутыми крагами, а больше следы от снятых с шапках кокард, только и выдавало солдат. Земляки казались стариками, небёны далеко не юнцами.

Проворчав себе под нос: «Зипунов не надели, клоуны», и по-командирски зычно гаркнув «слушай приказ», – вылез я из трубы. – Обувь с ушанками сдать в каптёрку на хранение... Прапорщик Лебедько, старший сержант Брумель, ефрейторы Селезень и Хлебонасущенский, выйти из строя!..

Спустить кальсоны... Каптенармус, я приказал «пятёрку» у всех изъять, почему на вас, сержанте и ефрейторах кольца остались? Молодёжь дрочит, но вам пора с рукоблудством покончить. Лейтенант Крашевский, ещё раз прочтёте взводу лекцию о вреде онанизма... во время, когда продовольственного рациона нехватка. «Пятёрку» изъять!

Приказал и поспешил прямо через середину строя к галюну. Я затем и построил взвод, чтобы меня не опередили, и не стоять в очереди перед дверью в будку. Над очком меня так выворачивало, что прибежали сержанты и выволокли на воздух. Хлебонасущенский из кухни выскочил со жбаном в руках, опрыснул мне лицо, дал испить, и я открыл глаза. И... застыл оторопев. В просвете между казармой и амбаром, за крестьянскими юртами и чумами, за стеной купола-ПпТ я увидел наблюдательную вышку (она же башня водокачки) с часовым в окне «смотровой». Водокачку, в стычке с прусским взводом изрешечённую из крупнокалиберного пулемёта, приказал отремонтировать. Следил за тем, как заделывали пробоины в резервуаре, латали обшивку, наводили крышу, но всё с расстояния, не покидая территории лагеря под «миской». Сейчас узнать водокачку не мог. Из водоналивного резервуара сквозь крышу выходила двухдюймовая труба и, обогнув башню спиралью с дюжиной витков, пропадала под фундаментом. А я знал, в подполье башни прапорщик Лебедько устроил каптёрку. Змеевик, понял сразу, но не успел рта раскрыть, как подоспевший за сержантами

прапорщик загородил собой всё, прижал животом к двери будки и, выхватив у повара жбан, плеснул остатками киселя мне в выпученные глаза.

– Это змеёвик! – отёр я кисель рукавом тельняшки и, выскользнув, став за спину великана, указал на водокачку.

– Где? – повернулся за мной Лебедько.

– Спираль вокруг башни водокачки!

– Ни как нет. Водопровод. Подаёт воду мне в каптёрку...

В самогонный аппарат. Я его из холодильника соорудил, того промышленного, что в котловане нашли... У меня всё на мази: печь сложена, газ подведён. Из бака воду напустил, брагу залил и гони. Не капать будет – течь. Бутылок нет, в бурдюки из акульих желудков – китобои мирнянские подгонят – разолью. А красиво получилось? На домну смахивает, а?

Я отнял у Лебедько жбан и понюхал оставшуюся в нём жидкость. Пил, пахло киселём, но сейчас со дна чем-то сбродившимся. Брага.

– Без моей команды домну не запускать, – отрезал я. – Стройся!

Сбегал, проверил умывальники, посудомойку в вагоне-ресторане, забежал в казарму, слил чуть воды из отопительных батарей – везде обыкновенная. После только успокоился и разрешил взводу разойтись, умыться и побриться.

За завтраком, помяв в посудине – ел прапорщик из таза – черпаком пюре, Лебедько попросил:

– Разрешите выдать спирта из личных фляг. Маюются му-

жики и хлопцы. Самогонку вчера всю прикончили, а выгнать брага не подспела. Впрочем, для поправки можно и бражки, какая есть, тяпнуть. Разрешите.

– Не мужики и хлопцы, прапорщик! Марские пехотинцы спецназа «овэмээр» . «Марские» произносите через «а», не через «о», с Марса пехота, – поправил я Лебедько. А посмотрел на ковырявшихся в пюре солдат, распорядился: – Дневальный, выдать по пятьдесят грамм. После завтрака всем на прополку. Я – на КП. И часовому належ, сменится, повар с обедом подаст. Стоп! Вчера на именинах рядового Милоша весь личный состав взвода за столом сидел, кто на вышке нас охранял? Разболтались!

– Так майор Каганович часовых подменяет, он не пьёт, у него язва, – напомнил мне Лебедько.

Вечером в каптёрке, мешая «молодой киселёк» со спиртом, я согласился с предложением майора Кагановича отменить воинские уставные отношения. Звания упразднили, имена и фамилии заменили на прозвища, обращаться друг к другу стали «мужик» или «хлопец». Збарек Крашевский назвался именем возлюбленной – Крыся; старший сержант Брумель в память о погибшем друге за прозвище себе взял его спецназовский позывной «Брут». Стрелок БММП Коба (позывной «Чук») в память о названом брате старшем сержанте Кобзоне – Геком. Меня Лебедько, представившийся Силычем, назвал Председателем, я не возразил. Других восьмерых старожилов острова: Кагановича, Комиссаро-

ва, Хлебонасущенского, Чона Ли, Селезеня и троих солдат его разведотделения звали прежними прозвищами – Коган, Камса, Хлеб, Чонка, Селезень, Мелех, Крынка, Пузо Красное. Ну и, на чём настоял бывший дядин зампотылу, КП переименовали в колхозное правление, казарму в спальный барак, каптёрку в продсклад, пищеблок в столовку, медчасть в больничку, галльон в нужник. Та оно было при дяде, Бате.

С того дня пять лет минуло.

* * *

В тёплые летние ночи я спал в колхозном правлении, да и в осенние прохладные случалось. Сейф сторожил. И не пацанов мирнянских уже боялся – своих хлопцев: а ну как, пока я у себя в закутке барака ночью, залезут и наставят в журнале себе «галочек» в графе начисления трудодней. Со временем опасался уже другого: за «свечи». Это, когда мои полеводы принялись похаживать на свиданки к мирнянским бабам и девушкам. Женщины и девицы, гуляя в сопках, сидя на завалинке у купола, дышали в гражданских респираторных масках, мои полеводы через эти спецфильтры, которые на спецназовском сленге и «макариками» называли. Зазнобе дал две штуки в нос, и хоть песни пой, хоть целуйся. Ещё за ножи спецназовские тревожился, когда зимой завхоз навешивал на столовку вывеску «ПУСТО» и запирал колхозный амбар до лета. Стащат и пойдут «гулять» по другим деревням острова. А во времена, когда Силыч не вылезал из

кладовой продсклада неделями, в колхозе голодали и «Отраду» на «валюту» – такое третье уже название спецфильтрам дали – друг у дружки меняли, я правления не покидал и зимними ночами. Киселём только запасался. Топинамбура хватало, но варили кисель только завхоз, кладовщик, да кашевар: только у них было на чём, в чём, во что разлить и где хранить. У меня в правлении и хранили. Завхоз разливал, кладовщик подносил, кашевар на ходулях в жерло отвода бурдюки пропихивал, я их принимал и под стол на дверцу сейфа складывал. После под стеной круговой закапывал. По сторонам сейфа были схоронены и две мои походные фляги, две комиссара роты и четыре нелепо погибших разведчиков. Заначку я долго, пока совсем уж не припёрло, не трогал. Кашевар, душевный парень, тайком от завхоза и кладовщика носил мне ночами спецназовский котелок (сплющенный, в оконце пролазил) с кипятком, им я и разбавлял кисель, чуть подлив в бурдюк спирта из моей фляги, – грелся, и для вкуса. Пустые бурдюки копились, пованивали, а становилось в трубе не продохнуть, колхозному истопнику Чону Ли втихаря сбагривал с наказом промыть и Когану и Силычу выдавать за новенькие, будто только что выменянные у мирнянских китобоев.

И так изо дня в день, все пять лет.

* * *

Островную ягоду ели не только столчённой в пюре, но и

так. Хлопцы сбегают на Дальнее поле, накопают, мужиков угостят, жуют на нарах и рассказывают с каким удовольствием съели бы сейчас ход-дог или гамбургер из кораллов цвета и запаха булочки, говядины, майонеза и кетчупа. Я лежал в своём председательском закутке за занавеской, слушал и слюни глотал.

Не знал я, чем всё обернётся, старожилы знали, Силыч молчал, гад! У нас зубы выросли на треть, и подвернулись, образовав щербины. Хрящи ушей набухли, а мочки «серьгами» повисли. Как у Когана, Силыча, Камсы, Хлеба, Чонки, Селезня, Мелеха и Крынки. Пузо Красное – исключение, оскомину ел только, когда с голоду начинал пухнуть, у него на островную ягоду аллергия: живот, и без того всегда красный, красной сыпью покрывался.

Начали себя не узнавать, я укрепился в своём подозрении винить во всем Силыча. Странности нас преследовали сразу после похорон дяди, его солдат и крестьян Отрадного. Не без оснований я считал, что напасти провоцировал кладовщик. Расскажу о том, но прежде об острове Бабешка.

* * *

Дружбы завести с островитянами из других двух деревень Мирное и Быково никак не удавалось. Я с жителями Мирного впервые увиделся только когда, пришёл со своими после лета и осени зимой в деревню за дарственным жмыхом. С жителями Быково вообще ни одного контакта не было.

Невзлюбить нас было за что: всё же мы, хоть и защищались в стычке с прусским взводом, по факту виновники гибели солдат и поселян-отрадныхцев.

Появление на острове Бабешка государства Пруссия – я знал, дело тёмное.

Когда после Хрона на Земле в Антарктиде создавались марсианские военные базы Твердыня (она же Крепость на территории Руси), Форт (Америка) и Рабат (Аладда), впоследствии объединившиеся в Альянс ЗемМария, Русь застолбила остров посреди Тихого океана. Откуда он появился, никому не ведомо – на картах не отмечен. Остров небольшой, круглый в плане. Представляет собой каменное образование, покрытое песчаными сопками без растительности и живности. Не водятся здесь, ни звери, ни гады, ни насекомые, и птицы сюда с континентов не прилетают. Долго не заводили островитяне и домашних животных – на острове ни травинки – пока не завезли менялы-аладдинцы в Быково ягнят с комбикормами и семена бобовых, выращивать под силос на зиму. Ключевая вода есть в пяти только местах. Кстати, по числу ключей планировалось построить на острове пять поселений, но успели только три. И потому-то, кстати, в Мирном остались храниться два комплекта башен с колоколами для звонницы. Дождевую воду не пили – понятно: заражённой, непригодной в употреблении без очистки занесена с материков ветрами через океан.

Если не брать в расчёт песчаные сопки, плато острова по

всей площади ровное и заметно наклонённое по отношению к уровню океана. С юга на низинную сушу накатывает волна, с севера берег высок и обрывист. Из кабины вертолётки остров выглядел гигантской бочкой плавающей в океане. И если затычкой в бочку представить купол «миски» посёлка Мирный, два других выстроились через центр плато в одну линию. Деревня Отрадное находится поодаль от Быково ближе к Мирному. Быково расположилось в самой верхней точке острова, граничило с обрывом.

Первооткрыватели острова посадки не совершили. Сбросили на сопки контейнер с русским флагом и гербом, в прибрежные воды опустили буй-радиомаяк, написали на карте ими придуманное название «Бабешка» (почему-то: название «Бочка», даже «Бобышка», подходило идеально) и повернули обратно к Антарктиде – керосина долететь хватало только-только.

Из Антарктиды на Бабешку попасть – лететь или плыть четыре тысячи миль. К тому же, лететь или плыть неизвестно зачем: пустая земля с частыми песчаными бурями. Остров интереса собой не представлял, поэтому русские его долгое время не заселяли. Адмиралы Америки и Аладды опасались только одного, что генералы Руси устроят там тайную военную базу. В предупреждение наблюдали за маршрутами русских ветролётов, парусников и дирижаблей, отслеживали перемещение патрульных вертолётки в направлении центра Тихого океана.

Русские всегда славилась своим подводным флотом...

Откуда на Руси – после Хрона-то! – взялась субмарина?! В Судный День Последние Старики дали промашку – не уничтожили? Во всяком случае, сие дело осталось тайной для Правительства Марса и загадкой для американцев с аладдинцами в ЗемМариин. В Твердыне знали, но очень немногие – не все даже генералы. А засекли подлодку на пути к острову Бабешка. Случайно. Не патрульные в вертолётках, а учёные-океанологи на исследовательском судне, наблюдая за косяком скумбрии. Кем-то напуганная рыба метнулась в сторону, учёные подумали, что потревожил их очень крупный хищник, поймали эхолотами и погнались... Оказалось – субмарина. Шла на глубине небольшой и тралила цугом несколько подводных контейнеров. Хоронила отходы и мусор, утопили всё на глубину семисот метров, так что партия «Зелёных» должна остаться довольной, уверяли адмиралов генералы. Поверили. Как не поверить? Как проверить, что на самом деле утоплено? Нырни-ка на такую глубину. Сомнения подкреплялись двумя фактами: отцепить контейнера капитан субмарины приказал, как только убедился, что за подлодкой следует не русское гражданское судно, а «научное» под флагом «Булатного треста»; и доложили, что к Бабешке, сменив обычный маршрут патрулирования, направилось звено русских патрульных вертолётков. Адмиралы немедленно снарядили следом объединённый патруль с приказом «верить, но проверить». С орбиты не проверишь: спутников у

Земли не осталось. А лунные базы подобной мелкотой не занимались, поддержкой радиосвязи между материками на Земле заняты, и транспортным обеспечением по маршруту Земля-Марс и обратно. В гонке русские вертолётчики от «проверки» оторвались, а на финише всех ожидал неожиданный сюрприз: Бабешка горела!

Что там могло гореть?! Один песок, да камень скальный.

Спросили у русских пилотов. Те потребовали отлететь от очага огня на безопасное расстояние и рассказали что знали. Горел природный газ. Но скоро вскрылась авантюра: Русь тайно начала обустройство Бабешки, готовилась создать на острове промышленность по добыче слюды.

Место шахте определили по центру острова. Строительную площадку обнесли защитным куполом-ПпТ, оборудовали производственными, жилыми и управленческими секциями. Грунта вынули метров на пять, дальше вгрызались в камень, благо, мягкий – сплошь слюда. Искали проходками и наверх из шахты поднимали разновидность минерала – лепидолит. В виде ровных листов он не встречается, по форме напоминает изогнутые цветочные лепестки. Цвет розовато-сиреневый, лиловый. Во время разработки такой слюды можно наблюдать, как её фрагменты складываются в сложные розетки. До Хрона лепидолит применялся в производстве стёкол для оптической техники, счётчиков Гейгера, после же Хрона в ЗемМариин освоили производство иллюминаторов для юрт с чумами Уровня – на Марс поставляли экс-

терьер и интерьер жилья украсить. Житуху скрасить. И вот однажды, когда добыча развернулась уже и в боковых штольнях, в ствол шахты на глубину в двадцать два метра упал бульдозер. По счастью – ночью. По несчастью, машина повредила дно шахты, и в каменной породе – в слюде «смесовой» – внутри металлической трубы (стояла по центру ствола шахты, в ней действовал лифт, помещались энергосиловые магистрали и воздухопровод) образовалась трещина. Ни о падении бульдозера, ни о том, что под «миску» стал поступать и скапливаться под куполом природный газ, ни кто в секциях не узнал. Встряску и грохот сочли за происки шторма, чертыхнулись и снова полезли в койки. Поутру же до завтрака смена горнопроходчиков курила, как водилось. Курили, стоя на лесах, вокруг и поодаль лифтовой трубы. По обыкновению, окурки бросили дружно, щелчком с пальцев, на дальность и в цель. Многие, не затушив окурка, добросили и попали в жерло лифтовой трубы... Проходчики по счастью не пострадали: работа аккордная, потому к завтраку из барачков вышли сразу в монтажном снаряжении – в касках и брезентовых робах, с кирками и тачками за плечами. Пламя из трубы взметнулось столбом и заняло скопившийся газ под куполом, выжгло кулера сот и увязло в плотной нейлоновой сети укрывавшей «миску». Отражённое от корпусов генераторов, пламя метнулось к земле и заняло, и дерево тачек с кирками. Робы – спасли, накануне выдали новенькие, не промасленными ещё были.

Странным адмиралам показалось обстоятельство: после, видимо, безуспешных попыток потушить факел, шахту взорвали. По центру острова образовалась огромная воронка с рукавами провалов в месте боковых штолен, и в ней осталась торчать лифтовая труба с факелом горящего газа. Ну, горел газ, и горел бы себе, когда-нибудь и как-нибудь потушили бы. Так нет, взорвали. Даже «миску» снесли, что совсем было непонятным. «Следы заматают» – первая у адмиралов версия происшедшему. Сеть нейлоновая для чего с камуфляжем под песчаные сопки и скальные камни? «Предохраняла купол от песчаных бурь», уверяли адмиралов русские генералы, но им верить... Трудногорючая, сеть некоторое время оставалась висеть на лифтовой трубе шатром, пока всё же не прогорела и не накрыла воронку. Впоследствии эти обстоятельства и подозрения в сокрытии на Бабешке «делишек» – «похоже, не слюду одну русские добывали» – послужили основанием сенсационного заявления адмиралов о действительных намерениях генералов.

Толком не поняв объяснений происходящему (у русских качество радиосвязи, не в пример подводному флоту, традиционно отставало), не посадив вертолёты на остров, объединённый патруль поспешил вернуться на базы, в Форт и Рабат. Растраченный в гонке запас топлива потребовал сброса оружия и всего боекомплекта в океан у берега. Докладывали начальству уже на пути к Антарктиде. То, что выслушали от адмиралов, пилотов тронуло, но никак не вдохнови-

ло повернуть вертушки назад к Бабашке: от начальственно-го вливания горючки в баках не прибавилось. Русские парни, ручкой помахав рабочим с управленческим и инженерным персоналом шахты (метались внизу, приглашали сесть), сбросив в океан своё оружие с БК, налегке полетели следом за американскими и арабскими парнями. Их доклад генералам прервался неожиданно, сразу после приветствия – подавили связь возникшие вдруг радиопомехи. Была версия: не сразу парни выбросили пушки, пулемёты и боезапас – устроили стрельбу по волнам и по случайности попали в буй-радиостанцию. Что-то в нём повредили – устройство затонуло, оттого и радиопомехи. Буй отремонтировать островитяне искали, но не нашли. Потому не сразу в ЗемМариин узнали о возникших на Бабешке беспорядках переросших в социалистическую революцию – не успели пресечь. Возмутителями событий – и это так же показалось адмиралам странным обстоятельством – стала компания «Мосфильм» снимавшая на Бабешке батальные сцены исторического фильма. Трудовой люд на борьбу «за свободу» с девизом «не мы рабы» подняли молодые мужчины – взвод солдат в форме РККА начала «второй мировой», вооружённых «мосинками» и «пэпэдэ». Командовал и заправлял всем политрук, один из героев по сценарию фильма, актёр с артистическим псевдонимом «Политрук Кастрица». Фигура небезынтересная – политрука впоследствии изберут первым Президентом Пруссии и первым в государстве председателем правления колхо-

за. Не без его участия – Кастрицы в президентстве – будут созданы в посёлках Отрадное, Мирный и Быково колхозы «Отрадный», «Мирный» и «Звёздный путь».

Как только о революции стало известно в ЗемМари, адмиралы экстренно собрались в только что отстроеном на территории Рабата здании филиала Большого Драматического Театра. Свару устроили такую! В конце концов, сошлись в одном – в том, что дали русским осваивать Бабешку, виноваты все. Но больше и жарче скандалили, выдвинув на обсуждение предположение: если Русь добыла где-то подводную лодку, могла достать и ядерную баллистическую ракету. Для неё, надо полагать, готовили на острове пусковую шахту, замаскировав под шахту добычи слюды.

Совещание адмиралов только закончилось, как вдруг неожиданно в театр явились генералы. Присоединившись к застолью, они сознались в том, что скрывали наличие на Бабешке залежей слюды. Заверяли, что вовсе не намеревались увеличить – втихую – поставки Марсу иллюминаторов. Минерал со сколами необработанными, собранными «букетиком икебана» в горшочках из глины японских островов, намеривались отправлять на «Звезду», чтоб жил-ячейки украсить с фикусом вкупе. «Зачали, понимаете, бизнес, да вот не свезло», сетовали генералы на английском и арабском языках и разливали по рюмкам водку «Твердыня. Экстра». Выпив, сокрушались: «Не избежать теперь проблем с «Булатным трестом»: в утопленных контейнерах кроме мусора на-

ходятся и неиспользованные ко времени, потому испортившиеся, химические удобрения для «атомных теплиц». Напившись, плакались: «С экологами порешаем, гвардейцы СИ кругами ходят; в кабинеты пока не вламываются, к стенке не ставят, но то не за горами». А протрезвев чуть, разъяснили насчёт сети нейлоновой с камуфляжем под скальный камень и песчаные сопки: «она де защищала обитателей под «миской» от солнца – лучи де слепили». Навели тень на плетень и предложили тост за дружбу.

У адмиралов, конечно же, сомнения оставались. Это, каким же необычным должен быть лепидолит островной, чтобы добывать его за тридевять океанских просторов от Антарктиды, когда залежей этой разновидности минерала на континенте предостаточно. Но никому не хотелось омрачать тоста. К тому же, адъютанты доложили о подлёте к Луне трупы БДТ с Марса. Встали из-за стола, засуетились. Арабы связывались по телефону с цветочными цехами «атомных теплиц», американцы обменивали упаковки с апельсиновым соком на штофы с водкой. Поспешая, договорились: русским добычу слюды свернуть, Бабешку покинуть.

Но воспротивились строители с шахтёрами: возвращаться в ЗемМарию, в Русь, где холодно, временами голодно и полным ходом шла очередная перестройка в экономике, мало кто пожелал. Большинство островитян, подстрекаемое председателем революционного Совета депутатов от рабочих и солдат Политруком Кастрицей (так прозвали актёра),

решило остаться на Бабешке – с тем, чтобы здесь основать независимое демократическое государство и жить, занимаясь сельскохозяйственным и промысловым трудом. Лекарства (еду) производить, рыбу и криль вылавливать. Антарктический пелагический вид ракообразных из семейства эвфаузиид (W) расплодился и в Тихом океане. Экспортировался Альянсом на Марс. На «Звезде» как еду не подавали, рачками закусывали вино из коррала «вино креплёное». Трезвенниками почитался лучшим лекарством от стрессов и хандры. Правительство Марса сразу же дало добро, выделило кредиты на закупку сельхозинвентаря и семян, выкупило и оставило на острове четыре рыболовных сейнера, несколько шаланд, китобойное судно и рыбзаводик. Русь, заполучив финансы, послала на Бабешку караван ветролётоносцев доставить приобретения колхозникам, в обратный путь забрать строительные машины и горнопроходческое оборудование. Отправленные же за людьми парусники затонули в шторм, но повторного рейса не понадобилось – не согласившиеся поначалу остаться на острове строители и шахтёры смирились с судьбой.

Придумав государству название «Пруссия», инженерно-технический персонал стройки организовал демократические выборы первого Президента. Им стал Политрук Кастрица.

Руководство Америки и Аладды появлению независимого государства под протекторатом Руси, понятное дело, вос-

противилось, но русские генералы оказались на высоте: постояли в кабинетах у стенок под дулами гвардейских кольтов и списали злополучную подводную лодку «дабы сослуживцы по альянсу не возникали». Весь адмиралитет Альянса собственноручно порезал её автогенами и болгарками на торжествах по случаю закрытия гастролей труппы БДТ. Американцев с похмелья водило из стороны в сторону, отчего рез по борту подводного крейсера у них получался змейкой. Заметно осунувшимся арабам «лазерные резак» помогали удерживать стройные русские балерины.

Так в одночасье на маленьком посреди Тихого океана островке Бабешка возникло по требованию трудящихся независимое демократическое государство Пруссия, отстроились поселения Отрадное, Мирный и Быково с колхозами «Отрадный», «Мирный» и «Звёздный путь». Впоследствии моим дядей были созданы Вооружённые Силы государства. И хотя дело это оставалось и считается в политических кругах до сих пор тёмным, много лет Пруссия просуществовала тихо, мирно, пока не случился известный трагический инцидент с участием моей полуроты спецназа. Меня успокаивало заявление Президента Пруссии (второго после Политрука Кастрицы), что полковник Курт по ошибке принял высадку марпехов за нападение пиратов; обстрелял, не ведая того, что поле, на краю которого приземлилась моя БММП, пропалывалось жителями Отрадного, всеми до одного. И мне повезло: дети отрадновцев этим днём с утра гостили в Ми-

роном, экскурсией посещали рыбзавод, смотрели кукольный спектакль.

* * *

Странности начались вскоре после похорон дядюшкиного взвода, комиссара, разведчиков и крестьян Отрадного.

Я сидел в гамаке, сгорая от желания завалиться и уснуть. Ротный врач лейтенант Збарек Крашевский, с которым занимал всю офицерскую отгородку в казарме, где-то пропал. Заявится, разбудит, негодовал я. Завтра, решил, переселю в медчасть, к нему же и его коллегу определю. Лейтенант Комиссаров служил военврачом в роте дяди, его прибытие из лагеря ВС Пруссии ожидал со дня на день. Сердился я на Крашевского, чтобы не корить себя: и в этот раз перед сном не помолился. Так вымотался. Неделю молился, а на седьмой день, падая от усталости, рассудил: свою вину в гибели отрадновцев осознаю, в миру за то наказан – колхоз восстанавливать буду. Костью лягу, а лекарства на Марс рекой потекут. Господь и простит.

Итак, я сидел в гамаке, когда ко мне в отгородку зашёл прапорщик Лебедько.

– Разрешите доложить, – приложил он, щёлкнув каблуками кирзачей, кончики пальцев к звезде на пилотке. Обратился шёпотом, чтобы не услышали за занавесью солдаты в спальном зале казармы.

Я вылез из гамака, обулся и подпоясался. Заправляясь,

рассматривал прапорщика – гиганта и силача, каких ещё поискать надо. Я роста незаурядного, но ему был едва по шею. И мощь его раз испытал, когда он в инцидент, прибежав из лагеря в Отрадное, набросился на меня. Утихомирили марпехи, вся полурота участие приняла: одни прапорщика держали, другие меня из-под него тащили. Затих он со словами: «Да если бы ты не был земляком и ему племянником... Да я б тебя». После молчал и сторонился. Но на похоронах уже никак не выказывал мне неприязни, даже обращался по необходимости через денщика. Вот чести до сего раза не отдавал, почему я и забеспокоился: привело, должно быть, Лебедько ко мне что-то неординарное.

Арестовав и разоружив полуроту, капитан Кныш изъял всю походно-боевую амуницию, остались мы в одной хэб-элёнке. Собирали береты и ушанки, Лебедько свою пилотку не отдал; распахнул, нахлобучил на лысину (по странности, пилотка великану была велика), вытянулся в строю во весь рост, откинул голову назад – подойди, забери, попробуй. Кныш подошёл, но, только, дотянувшись на ципочках, потрогал у прапорщика огромное с «серьгой» ухо и предложил улететь в ЗемМарию. Лебедько отрезал: «Куда с такими зубами и ушами? Людей смешить? И потом я и оставшиеся в живых дали клятву не покидать Бабешки, пока могилы товарищей здесь остаются».

У старожилов острова внешность действительно была странной. Шерстью заросли с головы до пят. Зубы удлинени-

лись на треть, у одних вперёд торчали, у других, наоборот, во рту к глотке скрючило. Уши – с виду не совсем как у чебурашки, но укрупнились заметно и оттопырились на стороны. Мочки набухли, оформились «бутылочками», у одних серьгами висели, у других по плечам лежали. Оторопь забирала. Такой необычной болезни, я знал, ни у волков, ни у мустангов, ни у драконов на континентах не наблюдали. Когда хоронили дядиных солдат, сержант Брумель вознамерился побрить друга сержанта Кобзона, но Лебедько не дал – убедил, что бороды положены по уставному положению, и заросшими погибшие выглядят лучше. Ну, ещё бы: лохмы на голове и бороды «девственные» все необычные «прелести» скрывали.

Довольствия на старожилков не было, поэтому я своим каптенармусу, повару, денщику, ещё пятерым пехотинцам приказал оставить трико-ком и убыть в Твердыню. Дядин зампотылу майор Каганович обратился с просьбой оставить во взводе моего денщика – он до Хрона фермером был, в колхозе агрономом поработает. Я отказал.

Дирижабль, подцепив БММП, взмыл в небо и... выбросил на парашютах мешки. В приложенной сопроводительке капитан Кныш сообщал, что Комендантом Крепости получена марсианская лучеграмма с просьбой Командующего ОВМР оставить «мудаку капитану» дополнительный из НЗ «Распутина» запас провизии, «чтоб за год не передохли». Приписка: «Год тебе, бывший майор, растить петруш-

ку и укроп – после трибунал». Отбросив оскорбительную записку, я распустил молнии мешков. Среди пачек флотских макарон оказались «укладки» с нашим спецназовским снаряжением. Вернули КНТМ, БККСКП, ФРКУ, экзоскелеты, ножи, сапёрные лопатки и комлоги! Почему и не винтовки, ракетницы, огнебаллисты и шмелетницы, я понимал: было бы слишком подозрительным, а так, сошлются на ошибку при выброске нам макарон – перепутали в спешке. Нож и сапёрка – оружие, а в руках моих марпехов-овэмээровцев – ещё какое. А комлоги! Переговорная связь, которую засечь и подслушать противник не мог. Правда, на острове она не работала из-за помех в эфире. Ну, а спецназовские «комбинезоны-ком на тушканчиковом меху» (КНТМ), шлемы-ком (ФРКУ) не всякая пуля брала, даже луч лазера в «меху» увязал. Экзоскелет надень, и кого хошь догонишь, от кого хошь убежишь. Я ликовал. Боевое снаряжение приказал хранить в ротной каптёрке, ножи запер в сейфе. Каптенармусом назначил прапорщика Лебедько.

– Докладываю, – не дождался моего разрешения прапорщик.

– Докладывайте короче – спать хочу.

– На крестьянском кладбище голоса... из-под надгробий. Людские. Лейтенант Крашевский может подтвердить.

Я распустил пояс, содрал с плеч портупею, сбросил ботинки с крагами и завалился в гамак. Ещё секунда – и провалюсь в сон. После ночи вставал отдохнувшим, бодрым, голодным,

готовым гору свернуть, а сейчас отреагировать на такую пургу не было ни сил, ни желания. Белой горячки здесь только и не хватает. Распустил дядя своего каптенармуса, но у меня не забалует.

Прибежали после боя в деревню и увидели в окопах прусаков облепленных «шмелями», я приказал старшине фляги со спиртом у марпехов немедленно изъять и опечатать. Лично принял и проверил печати на каждой. На время строительства ротной каптёрки место спирту определил в модуле медчасти – в месте со всем оставшимся у нас имуществом и провиантом. Отвечать за сохранность назначил троих: начальника медчасти лейтенанта Крашевского, и двоих из дядиного взвода – каптенармуса прапорщика Лебедько и повара ефрейтора Хлебонасущенского. Выдал нож, который полагалось передавать на посту сменщику. Каждое утро я начинал с проверки печатей – спирта из фляг не убывало. Но только после «девяти дней» тройка караульных в ужин непременно исполняла на три голоса песню «И на Земле будут яблони цвести». А так как печати были целы и во флягах булькало, я догадался, что пьют вокалисты медицинский спирт из укомплектования лазарета. Но опечатать медпеналы поостерегся, резонно предложив, что в ход пойдут пузырьки с лекарствами на спирту. А пели очень даже неплохо: все трое обладали недурственным тенором, и звучал в основном репертуар великих ТВТ. Вымотавшиеся за день пехотинцы любили послушать. Отстроились, разрешил певцам

столовую в ужин не посещать, и дал распоряжение повару – им кружку самодеятельности вместо меня снимать пробу.

И вот последствия. Хлебонасущенский на завтрак подаёт что-то такое, что в рот не лезет, двоим голоса покойников в могилах чудятся. На кладбище пьют – нашли место, раздражённо подумал я и спросил Лебедько:

– Где сейчас лейтенант? Заявится, разбудит.

– Сменил Хлеба на страже скарба.

– Отставить, прапорщик. Вы это бросьте. Ефрейтор Глеб Хлебонасущенский, а не Хлеб. Вы в воинском лагере, в расположении взвода спецназа марской пехоты «овэмээр». Не на страже, а на охране. И не скарб у нас, а материальная часть. Не в колхозе... Устав знаете, на сельхозработах воинские отношения в подразделении действуют, дисциплина и порядок неукоснительно обязательны.

– Виноват! Лейтенант медицинской службы Крашевский сменил ефрейтора Хлебонасущенского на охране материальной части. Так вот, кашевар, повар, то есть, тоже слышал, но больше лейтенанта сомневается... А то, сходим сейчас со мной, послушаете, – зазывно потянул прапорщик за горлышко флягу в заднем кармане трусов. Сценических галифе от повседневного обмундирования Красной Армии начала Великой Отечественной войны ему по размеру не нашлось, в гимнастёрку, хоть и разошлась по швам, только и влез. Вместо галифе дядя разрешил носить спортивные адидасовские брюки, но у меня в лагере после похорон не надевал

– нет, не берёг, мне назло. Ходил в трусах «знаменитых». Дядин комотделения разведчиков ефрейтор Селезень поведал мне: «Вовсе не трусы то, а бабьи шорты. Нарядили в осмотровой гауптвахты после задержания и разоружения роты в ЗемМарии, в них и бежал на Бабешку». Благо, зелёные в розовых цветочках с сердечками, шорты прапорщик надточил парашютной тканью и заправлял в кирзовые сапоги, ему, как и пилотка, большие – не по ноге, на удивление. Тот же Селезень сболтнул, что у прапорщика остались спецназовские БККСКП, которые тоже не нашлось чем заменить. Не носил, берёг. Я знал, они у Лебедько знаменитые на весь полк. Были индивидуального, непромышленного, пошива, прапорщик называл их не «берцами», а «бацулами» – по фамилии «Бацула», мастера их пошившего вручную. БККСКП – спецназовские «ботинки крокодиловой кожи с кевларовой подошвой», этими кого хошь затопчешь. Моей полуроте в компанию на Землю такой обуви не досталось, экипировали ботинками с крагами под ношение экзоскелета.

– Э-ээ-ээ-хх!.. – затяжно зевнул я. – На кой на кладбище ходите?

– Ужинаем. Пробу снимаем. Неудобно в медчасти, до того как принесут ужин больным.

– Так нет, ээ-хх, во взводе госпитализированных.

– Будут.

– Вот тогда и будете ходить, зачем сейчас... э-ээ-хх?

– Т-ээ-к... за этим, – щёлкнул Лебедько пальцем по шее.

– Зачем, зачем?! – отметил я выразительный ответ, куражом в отместку мне попахивающий.

– Попеть.

– Э-ээ-хх!.. Кто ротное имущество охранял, пока вы там пели?

– Проход в «миске» один, охраняется, а из наших кому нахрон нужны доспехи – вы же сменили коды их активации. Продукты? Так поём мы в ужин, морпехи в трапезной все сидят, жуют.

– Э-ээ-хх!.. Марпехи, не морпехи... Бросьте уже эти ваши вэдэвэшные закидоны. Идите, прапорщик, ложитесь спать. Завтра до подъёма лейтенанта с ефрейтором ко мне. Сами не приходите, без вас споют про голоса на кладбище.

– Таким разом, разрешите отправиться за Камсой.

– За камсой? Закусывать?

– За лейтенантом медицинской службы Комиссаровым. Его в лагерь приведу к утру, майор Каганович и ефрейтор Селезень с отделением придут к вечеру. Сварочный аппарат принесу, ребятки ранцы доставят.

– Второй комплект? Ранцы-то на погибших были, Президент распорядился забрать вместе с оружием и мобильниками.

– Наши ранцы, не армейские. «Школьные». У менялы выменял ваш убиенный дядя.

– Селезень. Кто таков? Почему не знаю?

– Ефрейтор Селезень – начальник разведки Вооружённых

Сил Пруссии, командир разведотделения. Был оставлен в лагере, нести караульную службу. До утра останется базу за-консервировать.

– А... Ну да... Можете идти. Пойдите. Старшина Бала-ян и вы – старые друзья, почему не уважите? Доложил, что бороду вы сбрили, а по всему телу волос оставили. Вшей за-вести?

– Хлеб... насущенский уважил, теперь чешется. Но не от вшей: живность, кроме людей, на острове не водится. Зуд, опрелости.

– Ошейника и браслетов не носите. Я приказал трико-ком надеть и активировать.

– Мне эти цацки малы. Хлебонасущенскому, Батюшке и Чону Ли выдали браслеты и ошейник не индивидуальной по запястьям и лодыжкам подгонки, тоже чешутся. Нет, знаю, к размерам самого трико-ком претензий нет – эластичное, из коралла «силикон». Надо, усядется, надо, вытянется – ляжет по фигуре. Браслеты – не по рукам и не по ногам, ошейник душит.

– Каптёркой занимаетесь?

– На водокачке только что не ночую.

– Каптёрка в башне, вне расположения лагеря под купо-лом-ПпТ?

– Вы распорядились найти подходящее место, я и нашёл. В подполье, тайной будет. Пираты на шарах прилетят, где нас, думаете, запрут? В башне водокачки. Чтоб в ней, вне

«миски», поздыхали. А мы там спокойно оденем экзоскелеты, доспехи, вооружимся ножами и сапёрками. И продсклад там же, с каптёркой определяю.

– Разумно... Продовольственный склад... не лучше ли в подполье столовой, в вагоне-ресторане, разместить, где при колхозе вашем был? Ладно, закончим обустройство лагеря, решим. Священник на вас, старожилов, рапорт подал: перед сном не молитесь.

– Это Батюшка-то? Да он сам будучи и колхозным бухгалтером по совместительству все молитвы позабыл. На службе в лагере спорол лычки младшего сержанта и во всученной ему мосфильмовской поповской рясе стал выёживаться, лишь бы в наряды не заступать, караульную службу не нести, тот ещё перец.

– Придать кого из пехотинцев? Идти на базу ночью.

– Мне провожатые только обуза.

– Старшине передадите моё распоряжение вызвать утром лейтенанта с ефрейтором.

– Слушаюсь.

Лебедько ушёл, и я завалился в гамак. Уснул, ботинки с крагами только сбросил и голову приткнул к импровизированной подушке из свёрнутой в валик хэбэлёнки с крагами.

Утром разбудил старшина с докладом о прибытии лейтенанта и ефрейтора. Я с трудом разлепил веки и увидел длинного, худого как жердь лейтенанта Крашевского и высокого, но всё же на полголовы ниже офицера, неполного, но с

животиком, круглолицего ефрейтора Хлебнасущенского. Он стоял в стойке «руки по швам», прятал пальцы за «крыльями» красноармейских галифе – почёсывал, заметил я, тайком бёдра.

Доложились.

Подал команду «кругом», я поднялся и уселся. Из котелка на столе достал и вправил в рот бюгель. Развернул подголовный валик, оделся. Выставил из-под гамака ботинки, обулся, краги на ногах стянув только наполовину. И, не удосужившись повернуть подчинённых к себе лицом, спросил в спины:

– Кто матчасть охраняет!

– Прапорщик Лебедько! – отрапортовал лейтенант.

– Он же ночью ушёл на базу, в лагерь.

– Вернулся.

– Один?

– С Коганом, Камсой и Селезнем.

– Что такое?

– Привёл зампотылу майора Кагановича, лейтенанта медицинской службы Комиссарова и ефрейтора Селезня с разведотделением!

– Кру-у-гом! Вчера вы... не пели. На кладбище не ходили. Без прапорщика не смогли? Или голосов замогильных боитесь? А, лейтенант?

На этом моём вопросе Крашевский ссутулился, а ефрейтор насторожился и прекратил чесать исподтишка бёдра. Не

дождавшись ответа ни от одного, я скомандовал:

– Слушайте мой приказ: на плац – и по сто тридцать кругов сделать, чтобы всю дурь выветрить. Бегом... арш!

Позёвывая, запросил у комлога время. До подъёма осталось ещё восемнадцать минут. Переусердствовал старшина. Прodelав манипуляцию с ботинками, крагами, хэбэлёнкой и бюгелем в обратном порядке, улёгся в гамаке на живот и крепко уснул – так крепко на острове в последний раз.

* * *

До завтрака я зашёл в модуль лазарета. На охране матчасти стоял Крашевский. По углам процедурной спали Каганович, Лебедько и Комиссаров. Проверил печати на фляжках, одну взял в карман. Распорядился майору стать в караул, лейтенанту спать, через десять минут разбудить прапорщика и направить с Комиссаровым на воинское кладбище, и по пути захватить в столовой три кружки.

Комиссаров – тщедушный, небольшого росточка мужичок, одет в медхалат и телогрейку, в которой из пропалин торчала вата, обут в кеды. Видимо, в одних трусах: ноги под медхалатом, ему ниже колена, голые. Икры шерстью, как у макаки, заросли. Не шёл – еле плёлся, уцепившись за резинку адидасовских брюк прапорщика (приоделся на кладбище). Только подойдя близко и услышав звук свинчиваемого с фляжки колпачка, поднял голову, оживился. «Свечи» из носа высморкал, сменные в ноздри не заправил. Я этому не

подивился, знал об этой странности у старожилков.

– С «макариками» не пьёт, – пояснил Лебедько, подставив мне под фляжку три кружки. – Хвораёт фельдшер. Разрешите поселиться ему в больничке, Крашевский присмотрит, вылечит.

Я прапорщика не остановил – не возмутился с требованием доложить по форме, «свечи» не называть «макариками», не по-уставному. Разлил спирт молча.

Прежде чем выпить поминальную у дядиной могилы, Комиссаров не сводя с меня глаз запустил пальцы себе в усы и бороду, вырвал резец и положил поверх надписи, вырезанной по дну армейского котелка. Котелки и алюминиевые миски применили наверху обелискам. Обожгли столбики огнебаллистой и на верхушки насадили эту самую посуду с надмогильными по дну надписями.

Этот доходяга мстить будет не на живот, насмерть, воспринял я так церемонию медика.

Ветерок откинул пряди волос с висков, и я увидел мочки ушей лейтенанта – бутылочками настолько крупными, что, видимо, боясь обрыва плоти, Комиссаров воткнул их «доньшками» в раковины ушей.

Выпили.

– Помянем и комиссара с разведотделением вашей полуроты, – занюхал лейтенант высушенной банановой кожурой, прежде им вымоченной в кружке со спиртом: – Погибли они по недоразумению, но держались молодцами.

Прошли к братской могиле разведчиков, выпили и здесь.
– А теперь пойдёмте, помянём крестьян.

Обогнули наблюдательную вышку, купол-ПпТ и вышли к крестьянскому кладбищу.

Лейтенант подвёл к одинокой могиле в углу погоста, дальше от башни водокачки.

Готовились к похоронам, я к холмику тому подходил. Обелиска тогда не было – дощечку и крест из мотыжных тяпниц забрал Лебедько, заменить на столбик и скопировать эпитафию на дно миски. Мне сказали, что покоится здесь экс-президент Пруссии, основатель и первый председатель колхоза «Отрадный», умерший от неизлечимой болезни. Сейчас прочёл мельком окончание надписи:

**Основатель и первый председатель
колхоза "Отрадный".**

Биохимик, нейрохирург, академик

– И твою душу, да упокоит Господь, – явно двусмысленно, глядя мне в глаза, произнёс Комиссаров и подставил кружку под флягу. Будет мстить. Но дурак, похоже. Рисуется, строит из себя героя. Что алкаш, то к бабке не ходи, дал я оценку личности дядиного офицера медслужбы.

Помянули и крестьян-отрадновцев.

Лейтенант назююкался так, что прапорщик под «миску» и в медчасть нёс его на руках.

После отбоя я – спокойно, теперь не таясь от Крашевского – опустил «челюсть» в котелок, завалился в гамак и

уснул. Но ненадолго, разбудили удары в стену снаружи казармы. Оказалось, шалило разведотделение ефрейтора Селезня. Их, как прибыли в Отрадное, разместили отдохнуть с дороги в медчасть, а ночью Комиссаров объявил, что карантин закончен, сказал, что клизмы он весь вечер и полночи ставил по приказу ротного медика лейтенанта Крашевского, который сейчас спит в один в офицерском притворе казармы. Селезень намёк понял, и все четверо по стене офицерского притвора молотили кирзачами дружно и вдохновенно. После этого случая, считал ефрейтор, я на его отделение «не зуб – весь бюгель заточил».

Я выскочил из гамака, оделся, обулся и тоже принялся молотить по стене. Гремело, пока разведчиков не остановил лейтенант с нашивками медицинской службы. Крашевский после дневной смены на охране матчасти весь вечер проспал в офицерском притворе, а после отбоя я его досыпать отправил на новое место постоя, куда он и направлялся со своим гамаком, прежде зайдя в галюн. О прибытии отделения Селезня он не знал, и карантина никому не назначал.

Этой же ночью после построения марпехов «по тревоге» и раздачи нарядов вне очереди мне приснился сон – похороны прусских солдат и крестьян Отрадного. После снился каждую ночь. И всегда до мелочей одно и то же – будто ленту кино кто мне крутил.

Хоронил я один. Президент Пруссии, члены следственной комиссии адмиралы с генералом, капитан Кныш, его ко-

манда и моя полурота наблюдали за всем, расположившись на крыше гондолы дирижабля «Распутин», под прикрытием зонтообразного корпуса. Снаряд ЧНП (в Хрон проходил госиспытания; маркировочное название: «Человека Не Поражает») блуждал по воздуху между кладбищами через центр разрушенной и сожжённой деревни. «Миску» пруссаки перед артатакой деактивировали. В бою этот снаряд в виде развёрнутого «ковра» парил над местом скопления противника в поиске солдат-роботов, а засекал кого, испускал «платки» и «простыни», которые, спикировав тем на головы, пеленали по рукам и ногам, пленили. В трагический же инцидент на острове с участием моей полуроты, ЧНП спеленал отрадновских крестьян, которые и были «ковром» приняты за этих самых солдат-роботов, потому как дышали через респираторы гражданского образца, одеты были в одеяния с набивным цветастым рисунком – сошёл за камуфляж. В добавок, бейсболки василькового цвета повернули козырьками назад – сошли за «вэдэвэшные» береты. Сейчас же снаряд ни кому не угрожал, только мне одному.

Я разносил гробы и «мумии» (крестьян хоронили в «простынях»: гробов на всех погибших не хватило) по могилам. По паре трупов в саване или в цинковых ящиках на плечах таскал. Нести к крестьянскому кладбищу – под гору – ещё куда ни шло, а вот на воинское – в гору с гробами – требовало сноровки и стоило мне немалых усилий, даже будучи облачённому в экзоскелет. В комби-ком на тушканчиковом

меху потом исходил: аккумуляторы системы охлаждения почему-то не подзаряжались, даже от быстрого бега.

Изредка удавалось взглянуть на зрителей. Адмиралы и генерал наблюдали за мной в бинокли на козырьках фуражек – руки их были заняты бубнами. Мои марпехи прильнули к прицелам ракетниц, шмелетниц, огнебалист и «М-36», кнышевцы не отрывались от «колашниковых» с прицелами без оптики. Президент Пруссии сидел, высоко задрав голову с волосами чернее вороньего крыла, тогда как я его помнил слепым и седым как лунь. Он играл на флейте, дул почему-то не сбоку основания «трости», а в торец.

Управившись с гробами и мумиями, я волок к крестьянскому кладбищу труп лошади, и тут начинался обстрел «лазерной дробью». «Умки», артиллерийские установки шарового лазерного огня, стояли вдалеке на высокой сопке, одни сиротливо – сами без боевых расчётов стреляли. Как ни спешил, «лазерная дробь» всякий раз отсекала лошадиную голову по самый хомут. Откуда-то взявшиеся коты и кошки шли за мной строем шеренгой по шесть, им дробь, накрывавшая каждый квадратный дюйм земли, и мне трепавшая доспехи, нипочём. Коты время от времени покидали строй помочиться у юрт, и почему-то по-собачьи, и точно так, как это проделывал мой дог Цезарь, который в стойке задира не только заднюю, но и переднюю ногу. Коты поднятыми ногами на стену юрты не опирались, ловко на двух балансировали.

Когда я спихивал труп и следом бросал лошадиную голову в яму, коты с кошками следом гурьбой туда прыгали. «Ковёр» повисал надо мной и пускал в меня «платок», после «простыню». Пелёнатый, я валился в могилу. И в этот самый момент осознавал, кого ещё я видел под дирижаблем. У гондолы стояли солдаты в обмундировании РККА, при винтовках Мосина, автоматах ППД образца 1940 года и поставленных на ножки перед строем противотанковых ружьях; по сторонам от строя сидели гурьбой крестьяне Отрадного – мужики и бабы. Председатель колхоза «Отрадный» бинтовал голову моему ротному комиссару; рядом отделение разведки у кобылы Маринки роды принимало. В центре же всей этой сцены, по-татарски поджав под себя ноги, сидел мой дядя Франц. В руках он держал тубик с тушёнкой. Скручивал колпачок. Большой в размерах, чем обычно тубики с синтетической пищей, круглый в сечении, охристо-красного цвета, с колпачком по форме в половину шара, туб этот напоминал знаменитого «слона» – в состоянии демонстрации своей наилучшей формы. Резьбу заклинивало, и дядя откусывал колпачок. У его ног в ожидании угощения крутился выюном дог-поводырь слепого президента Пруссии.

Как так! Ведь все они в могилах!

Кого же я похоронил?!

Звучали бубны и флейта, все смеялись, с козырька крыши гондолы опускался занавес...

Просыпался я в поту на полу, с болью в бюгеле – «фантом-

ной»: протез лежал в котелке с водой. Поднимался и снова валялся в гамак. И сон снился заново...

Той ночью, когда похороны приснились в первый раз, я понял, что если оставшиеся в живых дядины подчинённые и не намерены мне мстить, то козни всякие строить будут. Вот, похоже, взялись. Майор Каганович посоветовал отменить уставные отношения, рассказав, как всё было у полковника Курта в бытность его председателем колхоза «Отрадный». Он же поведал про странность с «макариками».

Лебедько Крашевского к пьянству совратил, а медик ведь спиртного в рот не брал. Не втянул бы и небёнов-мальчишек. Хлебонасущенский кормит – лучше голодным ходить. Теперь вот Комиссаров с Селезнем присоединились. Первый, хоть и слаб с виду, но зуб одними пальцами выдрал, второй – та ещё, видно, птичка. На очереди Мелех, Крынка, Пузо Красное – и эти что-нибудь да отчебучат.

* * *

Утром я вызвал Крашевского, Лебедько и Хлебонасущенского.

Вошли в отгородку и построились по ранжиру: лейтенант во главе шеренги, прапорщик в центре, ефрейтор крайним; первый стоял, прикрывая на бедре ладонью оттопыренный карман, от второго разило перегаром, третий не почёсывался тишком, что меня удивило.

– Что в кармане, лейтенант?

– Клизма.

– Какая ещё клизма?

– Обыкновенная. С поста по охране ротного скарба я.

– Материальной части, лейтенант.

– Виноват! Материальной части.

– Медконтейнера на месте?

– Так точно. В процедурной заперты.

– Код замка?

– На ушко могу сказать.

– В рапорте по должной форме доведёте. Что в клизме?

– Усыпляющее.

– Для чего?

– Мирный близко, да и Быково недалеко... ночами мужики заявляются. Старшина пока спроваживал без эксцессов, но вот пацаны шастают кругом, часовой на вышке не раз от «миски» отгонял. Вам не докладывали, будить не хотели.

– Я на охрану имущества нож выдал.

– Нож у прапорщика Лебедько.

– Нет, я как распорядился? По смене передавать. Прапорщик, приказать надо?

– Сегодня матчасть и припасы в лазарете последний день, – вместо прямого ответа докладывал Лебедько, – к вечеру в каптёрку и в продсклад перенесём. Ножом я стеллажи украшаю: узор режу. Из эстетических и практических соображений: узор клинковый – магический.

– Какой-какой?

– От затопления, пожара, обвала оберегает, воров отваживает, пиратов с цели сбивает.

– Бросьте, прапорщик. Назначаетесь вы не только каптенармусом, но и бессменным часовым... А по чему режете? Откуда дерево? В посёлке все сгорело. Да и было ли что здесь деревянное? Юрты и чумы пластиковые. Леса на острове нет – ни кустика.

– Стеллажи из глины, газовой горелкой обжѐг. Сварочный аппарат и ранцы я принѐс. Ефрейтор Селезень с отделением полихлорвиниловые трубы приволок. Остались на базе ещё обрезки – надо бы и за ними послать. А то пацаны уволокут. У нар в казарме второй ярус устрою, из труб сварю.

– Трубы ж не стальные, как сваришь? Матрасы Президент Пруссии оставил?

– Я сварю. Вместо матрасов гамаки нацепим, настилы из листовой гофры соорудим, чтоб не поддувало, да и задницу над собой не видеть.

– Ладно, прапорщик, режь свой магический узор от воровства. Нары двухъярусные нам не понадобятся, так год перекантуемся. Да и ранцы школьные ни к чему, храни в каптѐрке. Ефрейтор Хлебонасущенский, вспомни какую-нибудь фразу, что слышал на кладбище из-под надгробья.

Повар вздрогнул и замер, уши его (в полблина размером), дѐрнувшись, затряслись, как пружинные. Как будто не поняв вопроса, невинно улыбнулся, полностью показав передние зубы. «Прекрасней» улыбки я ещё не видел. У него зубы

скрутило, нижние наружу, верхние под зоб. Говорил внятно.

– Когда на крестьянском кладбище пели, – помог я ему вспомнить, и уточнил: – Пили.

Повар воровато закосил на меня, сидевшего на ящике низко. Прежде чем ответить, затравленно покосился в сторону – видно, хотел встретиться взглядом с Крашевским, но выпуклая грудь и необъятный живот каптенармуса скрывали лейтенанта.

– Это приказ! – поторопил я.

– Из-под чьего надгробья, там их много?

– Понимаю, пели-пили в каждый очередной раз у другой могилки, в надежде, что в этом месте покойник голоса не подаст. Докладывай!

– «Придёт час, и мы в-восстанем, б-братья! И первым, кому не поздоровится, будет м-майор!» – выдавил из себя.

– Ну, поверить можно, покойники ведь не знают, что меня разжаловали в капитаны. Лейтенант Крашевский!

– Эта фраза звучала чаще всего, и всякий раз как пили на посошок.

– Иронизировать изволите, лейтенант?

– Никак нет, товарищ майор!.. Виноват – капитан... Доложил, как есть.

– Прапорщик Лебедько, – обратился я к каптенармусу, – погоны майорские вы забрали, где капитанские? Вы слышали эту фразу? – Рывком поднялся я и стал близко к великану, грудь в грудь.

– Разумеется. Все слышали и я не глухой, – невозмутимо ответил Лебедько. – Насчёт вашего разжалования – загвоздка вышла: звёзды малые в наличии есть, но шесть только штук к погонам старшего лейтенанта. Вы капитан. К тому же, погон младшего офицерского состава в наличии не имеется вовсе... Есть петлицы с капитанскими ромбами – красноармейские. Выдать?

– И что же, ни кто эту замогильную угрозу не догадался записать на комлог?

В офицерском притворе повисла тишина. Я вытягивался, стараясь заглянуть Лебедько в глаза, но тот запрокидывался всё дальше и дальше назад.

Лейтенант и ефрейтор молчали.

– Я записал, – сдавленным фальцетом выдавил из себя прапорщик.

– Прокрути! – отступил я назад и сел на ящик.

Лебедько нехотя достал комлог и, поколдовав кнопками, вытащил фразу: «Слышите, братья, кто-то чокается там наверху? Но не за наш упокой пьют».

– Комлог сюда!

– Пошутить хотел маненько. Скучота же.

– Прапорщик Лебедько!! – Привстал я с ящика. – Какой пароль? – Сел с отданным мне аппаратом.

– Резьба клинковая.

– Резьба клинковая, – проговорил я пароль на доступ и распорядился: – Комлог, найди в записях фразу со словами:

«И первым, кому не поздоровится».

Из аппарата прозвучало: «Придёт час, и мы восстанем, братья. И первым, кому не поздоровится, будет майор. – Я тут же потребовал назвать время записи: – Пять часов, сорок восемь минут, пятьдесят четыре секунды».

– Лейтенант и ефрейтор, вы не только в ужин, но и ранним утром до подъёма поёте на кладбище? Не слышал. Чья идея там петь? Пить!

Крашевский и Хлебонасущенский стояли, вытаращив глаза в потолок: они припоминали и начинали всё понимать. Прапорщик упредил.

– Разыграл я. От скуки ж помереть можно. Не замечали, что комлог у меня не на нагрудном кармане висит, в кирзач за голенище заправлен, – смеялся на последних словах Лебедько и расталкивал локтями стоявших по бокам.

Я положил комлог на ящик, встал, одёрнул хэбэлёнку без погон и ту же затянул на талии ремень.

– Балаян!

– Слушаю! – вскочил в притвор старшина Балаян.

– Доложи, чего хотели мужики.

– Да какие мужики. Очкарики. Представились докторами, кандидатами наук и полезли с дурацкими вопросами, не привезли ли мы случаем с Марса периодику последних лет из области кибернетики, квантовой механики и робототехники. Я пошутил, сказав, что рефераты и журналы из области подрывного дела прихватили. Так заинтересовались. Пред-

ложили сменяться на жмых. Я не понял, попросил пояснить. Оказывается – вы сейчас умрёте со смеху – жмых это отход производства растительного масла из подсолнечных семян. Каково?! Жмых их нам нужен! Остыли, когда растолковал, что записи у нас сделаны на комлоги-ком, военного образца. У них они – откуда. Стояли, ай-пады в руках вертели – задавались. Вот пацаны, те досаждают. Намедни Чона Ли отметили, за ворванью в Мирное ходил – не, умереть не встать – камин в столовой топить. Ворвань, если не знаете, китовое сало.

– Строй взвод.

– Слушаюсь. У Чона Ли на кителе – выходном, с плеча лейтенанта Комисарова – погоны младшего офицерского состава.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, – встрял Крашевский.

– Разрешаю.

– Можно лейтенанта Комиссарова куда-нибудь в другое место определить? Как военный медик он потерял квалификацию. Из лагеря принёс засушенные корки, утверждает, что они не банановые, а с островной ягоды слуплены, и просит в пеналах процедурной хранить. Знахарством, похоже, занимается. Неопрятен, разит от него, один медхалат под ватником носит. Воняет камсой, ей-богу.

– Он офицер медслужбы, потому место ему в медчасти. Корки пусть хранит, где хочет, только не в лазарете. Погоны

у Чона Ли, старшина, спороть и отдать каптенармусу, звёзд нацепит... С этого дня норма расходования дезинфицирующего средства – одна клизма в сутки... На троих! Для вдохновения. За гальюном в ужин тяпните, и петь на плац.

– Клизма на троих? Да мне одному, что слону дробина.

– За гальюном внутричково примешь – ранит, – предложил выход прапорщику лейтенант.

– Уксусу и перцу дам подмешать, – пообещал злорадно ефрейтор.

– Не слышу «есть»! – рявкнул я.

– Е-е-есть!!!

– Ефрейтор, если ещё когда на завтрак подашь филе белуги с компотом и мороженым на десерт, одного заставлю всё съесть. Вообще тебе надо переучиваться готовить. Скоро забудешь консервированные кораллы – на натурпродукты перейдём. Созреет пшеница, уберём, зерна намолотим, муки смелем – хлеба настоящего выпечем. Не мы, правда, пахали, сеяли, но не пропадать же урожаю. Разживёмся снастями, настоящей, не из кораллов, рыбы поедим. Кстати, истопник Чон Ли в Мирное за ворвань ходит, почему бы ему не принести свежей рыбы на жарёнку. Можем обменять на коралл «белуга», выгодно.

– Не дадут и не обменяют, – сокрушённо вздохнул повар, – жмых, да ворвань китовую предложат, но есть кто захочет. Сало. Жир.

– Ладно, урожай соберём, на хлебе с пайком перезимуем.

Колпак поварской не размазывай по башке, всё равно ушей не скрыть.

Лебедько хмыкнул и пробурчал в нос: «Ага, на хлебе перезимуем. Жмых с ворванью сниться будут».

– Разрешите идти, мне завтрак приготовить успеть надо.

– Что на завтрак?

– Эта... Белуга и компот. Но мороженого нет – кончилось.

– Иди, ефрейтор, с глаз долой.

– Провизию экономить надо бы.

– Старшина, это почему? Разве до лета не хватит?

– Капитан Кныш располовинил, втихую, это вместо того чтоб нас снабдить из запаса «Распутина». Правда, флотских макарон не пожалел. Перед самым вылетом и загрузкой в дирижабль поставил меня в известность, я посчитал с вами согласовано. Ну, сухпайки с «энзе» ещё остались, до лета протянем. Кругом поля с поспевающими овощами, год протянем.

– Ну, ну, – пробурчал прапорщик.

– Ладно, прорвёмся. Ефрейтор, если чешется, можешь на время скатать трико.

– Боюсь, поздно.

– Это почему же?

– Не чешется уже. Щетина в трико проросла. Просил старшину Балаяна, что не надо обривать тело, после убеждал успеть, пока волос в «силикон» не проклюнулся, скатать трико, а он отказал. У плиты, специально на кухню тишком при-

ходил, ловил и заставлял раскатать.

– Немедленно скатать!

– Боль я стерплю, но трико попорчу: с волосом в браслетах и ошейнике заклинит.

Я повернулся к Лебедько:

– Как быть, прапорщик?

– Выход один, прикладывать примочки из отвара тех корок, что у Комиссарова есть, волос и отомрёт.

– Яд?

– Ягода.

– И цветочки будут?

– И цветочки будут. А как же.

– У Чона Ли, надевал трико, я на теле меха такой густоты, как у старожилов, не заметил.

– Ему оскомина «ударяет» в ногти и яйца.

– Как понимать?

– А так и понимать. Ногти на руках и ногах он подстригает каждый день до и после сна. Мошонка у него, видели, в жбан не влезет. В яйцах по жбанку «белка». Показал как сдаиваться, так китаец такие глаза сделал. Тёмный народ.

– Ладно, прапорщик... Лейтенант Крашевский, вам задание: проследить, чтобы у пехотинцев подобных рецидивов не возникло. Вообще исключите из рациона эту ягоду. А ту, что Комиссаров принёс, запереть в шкафу процедурной, когда от замка ему не давать. Отвар приготовить Хлебонасущенского лечить, видимо и Батюшку тоже, сами лично ото-

прёте. Прапорщик Лебедько, после построения зайдёте ко мне с капитанскими погонами и предложением, на что мотыги выменивать будем. Надо, что полоть?

– Пшеницу.

– Пшеницу? Полоть?

– Ну да.

– А другие культуры?

– У подсолнечника корень зачах и цвет опал, свёкле давно кранты. Топинамбур, но его полоть не надо, так растёт.

– Пшеницу часто полоть?

– Не чаще раза в три дня. Топинамбур с маком ежедневно.

– На том дальнем поле у которого мы высадились и где атакованы были? Там мак вперемежку с топинамбуром растёт.

– Дальнее поле, так и называем «Дальним полем». Полоть, да, мак. Мирняне сейчас обрабатывают, осенью уберут, варенья из липестков с грушей наварят... им детишек отрядновских кормить надо.

– Что ж, на «энзэ» протянем. Порцию, старшина, урезать. Лейтенант, стяните краги, ботинки зашнуруйте. А вы, прапорщик, эти как их?... кирзачи носите, так носки почаще меняйте.

– Портянки у меня.

– Чего-чего? Заменить на носки.

– А есть моего размера?

– Ладно. А ты, ефрейтор, дрочишь – «чехул» постиры-

вай. Кру-гом! В строй марш... Кто матчасть охраняет?!

– Селезень!

– Селезень!

– Селезень!

В утреннее построение я запретил марпехам посещать крестьянское кладбище. Приказ был не совсем понятен – никто туда не рвался. Прибирать могилы? Надобности не было: холмики скоро занесло песком, остались одни столбики. Цветы возложить? Не растут на острове, и венков из «искусственных» здесь не сделать. Сам я ходил только на воинское – к дяде, комиссару и разведчикам.

* * *

Старший лейтенант Витольд Мацкевич, военный врач гарнизона Твердыни, на Бабешке делал строителям, впоследствии и дядиным солдатам прививки, этой навигацией прибыл на остров с задачей привить нас. Но целью, как я выяснил, у него был поиск мест произрастания оскоминицы. Ягода-оскомина заинтересовала его с подачи коллеги Комиссарова.

Когда экспедиция в составе Мацкевича, семерых погонщиков, дюжины лошадей и буйволов, навьюченных плугами, боронами и тюками комбикорма и прессованного сена, входила в деревню, я сидел в тенёчке и молил Бога: «Пронеси, Господь! Мужикам разглашать запретил, хлопцам не дай прознать или самим догадаться, что говядину и конину мож-

но есть, что на высадке, прополке и уборке урожая можно использовать лошадей и буйволов, плуги и бороны».

Мацкевич попытался посвятить меня в свои изыскательские намерения, но я его, занятый своими заботами, остановил – не дослушав махнул рукой.

А после обеда произошёл неприятный инцидент.

Во время мёртвого часа ко мне в председательский закуток зашёл Мацкевич – принёс коробку тушёнки. Извинялся за то, что не сразу отдал – забыл в суматохе. Я, высасывая из тюбика мясо, укорял старлея за то, что не прихватил для нас в Антарктиде одежды – эту просьбу Коменданту Крепости всякий раз оказией слал. Свинчивая колпачок со второго мне туба, медик клялся:

– Оббегал все инстанции, знакомых, но не дали почему-то. Слышал, что Комендант Крепости лично запретил.

– Курева можно ж было привести из Руси, – возмутился я.

С едой и одеждой на Бабешке туго, но с куревом – совсем никак. Мацкевич, намётанным глазом подметив, что я «разогреваюсь», вызвался сбегать стрельнуть папироску у погонщиков. И вдруг стукнул себе по лбу:

– Я же вам письмо от жены привёз!

Я тушёнкой поперхнулся, а он положил на коробку флешку и дёру.

...Раз за разом слушал я послание жены, прокручивая флешку в комлоге, а Мацкевич, тем временем... перепахи-

вал поля с занявшимися всходами. Прошли плугами – с углов через центр «крест-накрест».

Пахали по всходам!

Вожак табуна, породистый тяжеловоз по кличке Донгуан бегал за начальником экспедиции, пытаюсь заглянуть тому в лицо. Мацкевич прятал глаза, и всё тыкал в конскую морду жетоном «Булатного треста», на котором значилось: «Мацкевич Витольд Остапович – старший лейтенант медслужбы гарнизона Твердыня, специальный уполномоченный и поверенный Администрации БТ, начальник научной экспедиции. Всем неукоснительно оказывать всяческое содействие». Естественно, Донгуан читать не умел, а красный цвет жетона его как самца раздражал. Лягнув на пути упряжку буйволов-тупиц, жеребец бросился искать председателя хозяйства. Ворвался в спальный барак – и галопом по гулкому помещению, прямиком ко мне в председательский закуток, где... получил по морде и свалился с копыт. Это я успел стать в бойцовскую стойку и двинуть радетеля колхозного добра мастерским ударом каратэ. За занавеской не мог я видеть того, что несётся по спальне конь. Подумал – Силыч. Прознал о поступившей тушёнке и теперь по долгу службы кладовщика спешит оприходовать «прибыток». Я чуть ногу не сломал! Хорошо, удар пришёлся по мягким лошадиным губам, и силу рассчитал на массу, как у коня. Взъярился, готов был измолотить Донгуана в отбивную, но остолбенел, вдруг увидев в зрачках его глаз «кресты» по «зелёнке».

Обратно по гулкому помещению Донгуан проскакал аллюром со мной на спине. Разбуженные полеводы не могли понять, что за переполох. Коня пронёсшегося туда-сюда по проходу меж рядами нар они не увидели: потолочные люки по случаю мёртвого часа были закрыты, а площадка на тумбочке дневального была им же – его задом – затушена, как только жеребец ворвался в барак. Переждав «обратный ход», мужики сплюнули и улеглись на места, хлопцы полезли назад на второй ярус.

Обскакав все уголья, уже отмеченные «крестами», на Дальнем поле я сыскал-таки Мацкевича, а с ним Крысю и Камсу.

Подъехал тихо. Сидели медики кружком на корточках у кучки оскоминыцы с редкой и чахлой ягодой. Двое «чистили» третьего за то, что не предупредил вандализма. Ведь знал, что растёт оскомина только на одном этом Дальнем поле, на других этой ягоды нет.

Камса чуть не плакал:

– Да поймите, на плуги я надеялся.

Донгуан рванул с места, и я, не удержавшись за холку, угодил в кучку.

Поднялся – всё исподнее вымазано в «гуталине». И в лыч – одному, второму, третьему. Разъярён был так, что на людях не остановился, принялся за скотину, мирно стоявшую в ожидании корма.

Прекратил я махать руками и ногами только когда поло-

жил обе упряжки, включая и Донгуана. Оплошал в азарте.

Уставший и остывший, я с тоской поглядывал на поверженных. Лошади встать боялись, буйволы лёжа засыпали. Донгуан один поднялся – ему, жожаку, валяться в пыли не пристало. Смотрел на меня пугливо, с укором и обидой, покачивал из стороны в сторону мордой с безобразно распухшими от моего торнадо-кика губами.

Хлопцы, выбежав из барака и кинувшись за мной вдогонку, по пути перехватили погонщиков шедших за сеном, и, завидев издалека как я расправляюсь с буйволами и лошадьми, принялись тех мутузить. Мужики, следом подошедшие, еле вызволили. Остались приводить погонщиков в чувство, хлопцы, прибежав ко мне, глаза отводили: им небёнам было неловко – нокаутировали неспешных, рассудительных и пожилых русичей, настоящих крестьян.

Я сел на землю осмотреть пятку, вспоротую рогом буйвола. Подошёл Брут и поставил на землю рядом мои ботинки. Силыч присел осмотреть рану. Из подсумка достал ягодину, оторвал от клубня пузырь, вывернул наизнанку и, соскоблив ногтями «анютины глазки», скатал. Презерватив. Не отличишь, если бы не был таким прозрачным, а был цвета, например, персика, и исходил от него персиковый же аромат. Оно и от свежей, только что сорванной ягоды пахло гуталином, а от этой подвявшей несло, как из нужника. Оторвал Силыч кусочек от кожуры, вложил в «кольцо», и все это, помазав чем-то из пенала, приложил к ране. Приклеилось. Такую же

операцию проделал и с пальцами на ногах, руках, коленях. Ботинки помог надеть. Краги связал и повесил мне на шею.

Не я вас уберегу, думал я о лошадях с буйволами, наблюдая за тем с каким энтузиазмом хлопцы помогали оклемавшимся погонщикам поднять упряжки, а то спасёт, что полеводы ещё с неделю-другую будут сыты батонами и флотскими макаронами. А там прикроют экспедицию, потому как нет в этот сезон оскомины, не родит оскоминица.

Костяшки на кулаках и коленках саднили, пятку жгло огнём, хотелось тушёнки.

Подвели начальника экспедиции. Не встав, сидя на песке, из-под лба взирал я на Мацкевича.

Хрона ты забыл сразу отдать тушёнку, и письмо жены специально попрдержал, чтобы мне всучить во время мёртвого часа, а самому без опаски искать оскоминицу на полях с посевами, не сомневался я.

Военврач с трудом поднял руку и сплёвывая кровь сунул мне жетон стороной с надписью МАНДАТ и строчками: «Предъявителю сего дозволяется производить на угодьях колхоза «Отрадный» научные изыскания любыми методами и средствами». Потом подал свиток пласт-паперы из коралла «хруст писчей бумаги», с водяным знаком Правительства Марса и сургучной печатью.

– Контракт, – сказал, пошатывая пальцами зуб.

Я прочёл. Документ был странным, суть содержания сводилась к тому, что колхоз «Отрадный» освобождался от обя-

занностей поставок на Марс топинамбура – как подчёркивалось, на все шесть лет. Требовалось только значительно увеличить сбор и поставку островной ягоды. Прочтя документ, я, мужественный офицер спецназа, ныне стойкий председатель колхоза и ищущий с творческой жилкой агроном, впал в несвойственную мне меланхолию. Остаться на острове ещё шесть лет! На Земле! Лично я никак не рассчитывал. Лучше под трибунал и провести остаток жизни изгнанником в «найденной норе», но – в Метро на Марсе. С женой и детьми, с друзьями на одной планете.

До ночи не находил себе места. А утром полеводы, обеспокоенные неявкой председателя в правление на распределение нарядов, нашли меня в амбаре. Здесь их руководитель сидел, обалдело уставившись на скульптуру. Ночь я месил островную глину и к утру выдал.

* * *

Урожай зимами хранился в амбаре обогреваемом буржуйками на газу, который доставляли от котлована сжатым в баллонах. К вентилю подсоединяли отвод трубопровода распределявшего газ по печкам, вот такой не задействованный отвод я и использовал. Почему и нашли меня в амбаре: Хлеб, пришедший заправить кухонный баллон, застал меня за лепкой лошади – на отводе-каркасе. Труба трёхдюймовая в два с половиной метра длиной, с концом загибавшимся к низу, была прислонена к стене, я её выволок на середину пустую-

щего помещения и закрепил на двух, из труб таких же, «козлах». Отличный каркас для скульптуры. Лошадь, почему вылепил? Под впечатлением все ещё был: упряжки положил. Как живая, стояла лошадь... нанизанная на трубу. Скульптор из меня ещё тот, а тут получилось, и не просто хорошо – довольно реалистично. Лепил я лошадь – не конкретно коня или кобылу, последняя получилась как-то сама собой. Жеребьих гениталий под брюхом не сделал; хвост получился коротким, подрезанным, задранным вверх и в сторону, аккуратно над обрезом трубы торчащей под хвостом между ног над заднепроходным отверстием. Другая часть трубы, загнутая к долу – шея – обрывалась сплюсненным концом в открытой пасти. Обмазал глиной, оправил – получился язык. Пасть открыта широко, язык высунут, голова склонена, губами чуть копыт недостаёт. Ноги передние вытянуты, отставлены далеко вперёд, прямые, как палки, задние же поджаты глубоко под брюхом. Будто летела во весь опор, резко в страхе затормозила и, неистово заржав, упёрлась передними ногами и мордой в землю. Дома мой дог Цезарь в такой позе потягивался по утрам, научился у дружбана попугая Гоши. Попка, имея только две ноги, упирался как-то плечами и клювом в пол клетки, топил лапки в перьях под брюшком, зад, распушив хвост, задирал высоко, выше головы. Показывал самочке ему в пару купленной, как себя вести, но та так и не поняла ухажёра, так и сбегала в форточку девственницей. Статую хлопцы, разрезав надвое по хребту, шее и голо-

ве, освободили от трубы-отвода, оставили для устойчивости козлы-ноги. Силыч половинки сложил и стык обжёл газовой горелкой. После прошёлся пламенем по всем частям и членам животины, отчего глина спеклась, стала мутновато-прозрачной, гладкой с глянцем. Получилась... кобыла – от живой не отличишь. Потому видать, что когда упряжки загнали в амбар и последним туда вошёл вожак Донгуан, жеребец через минуту весь табун выгнал во двор. Всю ночь модуль, некогда бывший ротным пищеблоком, сотрясался, сползал по глинистому склону, пока не упёрся в вагон-ресторан, колхозную столовку.

Трое медиков в расстройстве подытожили и прослезилась: за пять лет взвод, из-за отсутствия профессионализма в выращивании ржи, подсолнечника, нелюбви к топинамбуру, слопал, в пюре подмешав и в тюльку, всю ягоду-оскоми-ну. Днём Мацкевич ушёл с упряжками в сопки искать удачи там. Крыся, не поверивший в успех, запил. Пил и ссорился с Камсой. Оба клянчили у Хлеба киселя, у Силыча бражки, у полеводов тюльки. К вечеру Крыся выглядел, как Камса – таким же алкашом со стажем. Всем до чёртиков надоели, только завидев их в обнимку, ретировались и разбегались по сторонам – прятались.

* * *

Что делаю, самогонка в объёмах промышленного производства, мучился я. Земмари́йцы проклянут. Но жить как-то

надо. Только бы согласился мирнянский председатель. Как он ещё отнесётся к моему предложению? Совместный бизнес организуем, мечтал я, с определённым разграничением сфер деятельности у компаньонов. Самогон будем гнать и продавать в ЗемМарию. А как прикрытие – торговать семечками. На полную мощь запущу Силычеву «домну».

Идею заняться бизнесом я не вынашивал, пришла она мне в голову после ознакомления с контрактом – в амбаре за лепкой кобылы. Ещё шесть голодных лет – нет уж в жопу сельхозтруд, только бизнес. Чем конкретно займусь, решил чуть позже, когда голодный пришёл в столовку, оставив в амбаре гогочущих мужиков и смущённо похихикивавших с сальных шуточек Камсы хлопцев. Фельдшер по плечо засунул руку в трубу под хвостом моего творения.

В столовку я вошёл через тамбур кухонной половины и стал невольным свидетелем таинства: Хлеб ложкой помешивал на сковороде... «свечи». Жарил! Без спирта очищает! Ноу-хау Силыча, от Селезня слышал о том. А я-то всё гадал, как, на чём спирт экономился. Мне в затребованном рапорте прапорщик раскрыл своё изобретение, но я прочёл тогда как-то без внимания, чистит фильтры не одним спиртом, а каким-то ещё и своим способом, ну и ладно. Принимая в своё ведение каптенармуса взводную каптёрку с продскладом, доложил, что готовит валюту к передаче меняле Зяме – по контракту заключённому дядей, по смерти которого он Лебедько теперь является ответственным за поставки.

Названию «свечам» «валюта» не подивился, их и «макариками» во взводе дядином называли: по-своему маркировали. Прапорщик попросил выдать ему к передаче Зяме наши, моего взвода, фильтры – те, которым вышел срок использования и подлежат списанию. Я не отказал. Не знал я ещё тогда что за «валюта» такая – на самом деле.

В сковороду кашевар подкладывал китовое сало и из жбана подливал что-то. Сок оскомины определил я по запаху прокисшего гуталина. Опасаясь напугать увлечённого реаниматора, лёг на пол проползти до разделочного стола с горкой пшёнки, да так и остался лежать, вспомнив вдруг фразу из весточки жены: «Как-то раскошелилась: купила на чёрном рынке кулёк семечек подсолнечника и пузырёк подсолнечного масла, земных. Пожарила... Вкусные!». Жаренные на подсолнечном масле семечки... Смутно, очень смутно помнил что-то из своей дохронной жизни. Учился в военном училище, лузгал на каком-то городском празднике, и в детстве бабушка угощала, но чаще большими белыми – сушёными гарбузными. А маленькие чёрные – жарила на чём-то жидком, я видел, но по малости лет не знал что на подсолнечном масле. А оно у нас будет – мирняне им в придачу к жмыху одаривали.

Так и не поклевав пшёнки со стола, не утолив голода, я тихонько покинул столовку и поспешил к себе в правление. По пути зашёл в барак и, составляя дневальному на тумбочке список, мучился мыслью, а что как в Мирном и Быково

семечки жарят-таки.

Вызывал в правление одного за другим зlostных самовольщиков и спрашивал односложно напрямик:

– Чем девка угощала? – Ошарашивал я хлопца, только что ставшего на ходули и узревшего в щели оконца КП лик Председателя.

Увидев недоумённые глаза, уточнял вопрос:

– Давала... семечки?

Получив утвердительный ответ (с не меньшим недоумением в выражении лица: дескать, что давала как не семечки), я спрашивал:

– От наших отличаются? – Хлопец непонимающе пялился, а я уточнял вопрос: – По вкусу?

Ответ «такие же» приносил мне ликование.

Допрашивая, я посматривал на телефонный аппарат. С прибытием экспедиции «Булатного треста» моё Отрадное стало деревней цивилизованной – появился телефон. Во время складирования тюков прессованного сена подошли ко мне двое парней, увешанных какими-то катушками и коробками через плечо. Представились телефонистами и доложили, что на остров прибыли провести связь между тремя посёлками, но провода, по прикидкам на местности, хватит связать Отрадное только с одним Мирным. Почему телефон, а не радио, меня не удивило: в акватории острова продолжал действовать источник радиопомех. Я телефонистам в помощь предложил любезно бригаду с сапёрками, но

те отказались, мотивировав тем, что зарывать кабель в этой пустыне нет необходимости – повредить здесь некому. Животных нет, а человеку провод сгодится разве что удавиться. Попросили проводить к ратуше и сторожевой вышке, где установят телефонные аппараты. Я, спросив, где они ратушу видят, указал на колхозное правление и убедил: «Там без моей помощи точно не обойдётесь». Установили четыре аппарата: первый в правлении колхоза «Отрадный», второй в ратуше деревни Мирное, и по одному на сторожевых вышках обеих деревень. Предназначенные для Быково два аппарата и остаток кабеля поделили между абонентами. Меня поблагодарили за помощь – лезть в отводную трубу ни кто из телефонистов не отважился.

Позвонить мирнякам – узнать жарят ли они семечки? У пацанов, поди, под девичьими-то взглядами, слюна сбегалась в предвкушении «жарёнки». Им я доверял, но подстраховаться не мешало: может быть, тем только казалось, что семечки по вкусу «такие же».

Отправил очередного самовольщика в барак и придвинул к себе телефон. То, что аппарат военный «полевой» времён ВОВ не вызывало никаких сомнений: на стенке металлического корпуса выштампована пятиконечная звезда. Ниже чьей-то варварской рукой выцарапан по зелёной краске знак – зигзаг на молнию похожий. Поставил аппарат на стол, подсоединил концы проводов (пропущены в оконце) к контактными клеммам. Телефонисты аппараты без подключения и

проверки оставили, заявив, что испытывать этот «лом» незачем, надёжен. А позже самому проверить связь у меня не было случая, да и надобности куда-либо позвонить. Как таким телефоном пользоваться представлял, в кино видел.

Поднял с корпуса трубку и крутанул рукоятку, торчащую с боку.

– Пост номер один слушает! На проводе рядовой Кондор, – зашипело с потрескиванием. Так неожиданно громко, что я испуганно отнёс трубку от уха, и возмутился рьяно:

– Какого черта?! Ты бывший рядовой Кондратьев с позывным Кондор, ноне полевод Кондрашка!

– Не разберу, говори в трубку! Поднеси ко рту поближе нижнюю её половинку. То, что ты держишь в руке у уха, трубкой называется. Да не перепутай, к уху прижми не тем концом, что с прорезьями и проводом, а тем, что с дырочками. Рукоятка, которую крутил, – от редуктора. Понял? Приём.

– Так разберёшь? – перевернул я трубку проводом вниз.

– Ну, разберу. Кто на конце? И что говорил? Приём, – спросил часовой с недовольным в голосе раздражением.

– Ты полевод Кондрашка, а не рядовой Кондратьев, не Кондор. А говорит с тобой Председатель. И не ори так, оглушил.

– Вот хрон! – спохватился часовой и попытался оправдаться: – Разводящий старший сержант Брумель, то есть бригадир Брут, меня инструктировал, так и сказал: «Рядовой

Кондратьев, к охране границ Отрадного приступить». Ты что-то хотел, Председатель?

– Не хроникайся, небён – не земляк. Как позвонить в ратушу Мирного?

– А ты крутани рукоятку четыре раза.

– А если три?

– Это вызов твоего телефона. Два раза – вызов сторожевой вышки мирнян. Понял?

– Ладно, конец связи.

– Надо сказать «отбой».

– Ладно, отбой. Подожди... Если ты сейчас крутанёшь ручку два раза, я с ратушей смогу связаться?

– Неа, линия будет занята, пока я у себя не дам отбой.

– Так вот... Рядовой Кондратьев, приказываю положить и полчаса трубки не поднимать. Ясно?

– Так точно!

– Выполнять.

– Есть!

Я опустил трубку на рычажки аппарата, но, против ожидания, шум из неё не прекратился. Поднял и снова приложил к уху.

– Так дайте же, товарищ капитан, отбой! – услышал я.

– Отбой! Сказал же уже.

– Сказали, теперь произведите.

– Это как?

– Крутаните раз рукоятку редуктора... товарищ капитан!

– Сам ни в жизнь не догадался бы. Отбой, рядовой, – ядовито пробурчал я и крутанул рукоятку. В аппарате что-то дзынькнуло и треск в трубке прервался.

В оконце возник хлопец, вытянувшийся в струнку и отдающий мне честь. Всё в нём ликовало – слышать такое! Узнал его. Чёрная словно смоль курчавая голова, из бороды и усов глаза чёрные же блестят, да смуглый нос торчит. Небён Милош, рядовой с позывным «Цыган».

– Кто таков?! – спросил однако я. Рука потянулась невольно к виску, но успел смазать эту непроизвольную для самого себя реакцию, виска только коснувшись скрюченными пальцами. Отдёрнул руку и больно зацепил ногтями острый край гофрированной столешницы из прочнейшего пластика.

– Товарищ капитан, рядовой Милош по вашему приказанию прибыл! – отчеканил чернявый во всю силу своих лёгких.

– Чего глотку дерёшь, полевод Милой? По строю соскучился?! Не честь положено председателю отдавать, а чулок снять. Шапку ломить. Помнишь обязанности колхозника?

Милой, приложивший руку к курчавому виску в воинском приветствии, ей же стянул с копны волос балаклаву скатанную в шапочку. Сгорбился.

– Я вызывал? Ах, да. На завалинке чем девчонка угощала? Давала семечки? От наших отличались?

– На вкус – один хрон, – прогудел в бороду полевод.

– Болван!

– Так я пойду.

В голосе молдованина было столько разочарования и горечи, что у меня невольно вырвалось:

– Свободен, рядовой.

– Слушаюсь!!

Полевода выпрямил, вмиг он преобразился в марпеха. Водрузил на голову балаклаву и раскатал отточено по лицу до шеи. Сверкая в прорезях для глаз зрачками, лихо отдав честь, развернулся на ходулях кругом. А спрыгнул и щёлкнул босыми пятками, у меня заняло в пальцах под ушибленными об стол ногтями. Первые пять шагов рядовой Милош проделал строевым.

– И передай дневальному, марпехов по списку больше ко мне не направлять!

– Есть!!

А что, если возродить-таки воинские уставные отношения? Порядка больше будет. Хлопцы, да и мужики, ждут, не дождутся, думал я, откусывая обломанный ноготь. Взвесил все за и против и решил, что нет, не ко времени, закончится прополочная страда, там посмотрим.

Сплюнув огрызок ногтя, сел за стол и крутанул рукоятку телефона два раза.

В ухо прозвучало:

– Да-а.

– Я Вальтер, председатель колхоза «Отрадный». Пожалуйста, назовите имя вашего председателя правления колхоза.

за.

Только четыре раза за шесть лет руководители соседних колхозов виделись во время передачи дарственного жмыха, но так и не удосужились представиться друг другу. Мне предстоял первый официальный разговор, да ещё по телефону: надо было как-то обращаться и называть абонента.

В ответ в трубке прозвучало неожиданно озорное:

– Ко-ондо-орчик! Я только что поднялась на башню... Зачем спускалась? А догадайся. Даю подсказку, наружной обзорной площадки силосная башня не имеет, оконца есть только под стрехой крыши, выше моего роста.

Женский голос взволновал. Когда приводил своих в Мирный за жмыхом, мирнянские парни девушек, мужики жён и подростковых дочек прятали по домам. Шесть лет женщин не слышал и не видел. Сразу даже не уловил, что голос не мужской, посчитал, пацанский.

Опешил и повторил представление:

– Я Вальтер.

– Вальтер – красивое имя. А то все Кондор, да Кондор. Ну, хватит дурачиться, мордашка.

Девчоночий голос. Как там, на Марсе, мои дочки.

С навернувшейся на глаза слезой я постарался сказать мягко:

– Вы говорили с полеводом Кондрашкой, сейчас на проводе Вальтер, председатель правления колхоза «Отрадный».

В трубке долго шумело и потрескивало, потом растерян-

ное с заиканием:

– Т-тарасович Ольги Т-тарас Ев-втушенко. Доктор физико-м-м-матиматических н-наук, п-п-профессор. Извините...

Услышав этот испуганный голосок, я смутился. Лет тринадцать-четырнадцать. Моей Анке было шесть, когда покинул Марс, сейчас ей столько же.

Сел и, припоминая нежные интонации, спросил:

– Годков-то сколько тебе?

– Пя-пя... четырнадцать.

Из детей не самая старшая, но должна помнить, предположил я. В ЗемМарию детей погибших отрядновцев не увезли, мирняне у себя оставили, усыновив, удочерив.

– А звать тебя как?

– Стешей. А-аркадьевна Светланы Степанида М-морозова.

– Стеша. Уй, какое имя красивое.

– Если бы Степанидой звали, мне бы больше нравилось.

Искал, что бы ещё такого спросить, возникла долгая пауза – девочка кашлянула, я ляпнул:

– Кондрашку семечками угощала?

– Кондрашку? Не знаю такого.

– Кондор – Кондрашка.

– А-аа... угощала. А что?

Девочка успокоилась и даже осмелела, в её ответе на мой вопрос чувствовалась игривость взрослой девушки.

– Семечки на масле?

Спросил впопыхах, неосторожно. Ведь я намеревался заручиться у Тарасовича Ольги Тараса Евтушенко соглашением на право первенства в получении лицензии на реализацию жареных семечек, не сушёных. А тут, возможно, такая промашка: не оказалась бы девчонка сметливой – догадается, всё председателю расскажет. А тот, не будь дураком, заявит, что они все восемнадцать лет на острове семечки со сковородки лузгают.

Однако на другом конце провода прозвучало с ещё большей игривостью в голосе:

– На каком масле? Из кулька сушеными клевал.

Пронесло, успокоился я.

– А своими Кондрашка угощал? Чьи вкуснее?

Стеша хихикнула, отвечала бойко, но закончила невесело:

– Мои. Мои крупнее, твердее, на зуб хорошо ложатся, – сказав это, девочка добавила: – Мамина подруга из Отрадного, царство ей небесное, завсегда приносила, когда приходила погостить. Мастерницей была высушить.

И я поспешил разговор прекратить:

– Ладно, Степанида. Прости, коли напугал своим солдафонством. Даю отбой. Мне к твоему председателю дозвониться надо, так что повремени накручивать Кондрашке... Если что – обращайся прямо ко мне.

– А может «что» случиться? Мне пятнадцать лет – постоять за себя сама смогу.

Вот бесовка! Я – обалдуй! Было бы тебе, девонька, лет эдак за восемнадцать, я бы тебе ответил так: семечки с Кондрашкой хлопать из одного кулька, оно хорошо, но может получиться и дитё.

Подумал так, а вслух сказал:

– Да это я так... По-стариковски.

– Если вы насчёт жмыха, так вам надо к дяде Балаяну обращаться – с этого года он им заведует, потому, как избран секретарём сельсовета. Только он сегодня в плохом расположении духа... Жена на сносях, никак не разродится. Очередной её муж дядя Гиоргадзе, наш кузнец, по этой причине страшно лютует. Условие им – ну, дяде Балаяну с тётей Клавой – поставил: чтоб к вечеру завтрашнего дня к нему переехала жить, даже если и к тому времени не родит. Утром привёл – ну, дядя Балаян – меня на смену, показал, как пользоваться телефонным аппаратом, и как гаркнет! Стешка! На защиту, кричит, священных рубежей коллективного хозяйства «Мирный» приказываю заступить. И чтоб в оба мне. Названивать буду, проверять. С башни скатился и потрусил к Клавке. А мне пописать спуститься, – телефон не на кого оставить. Ой!.. Как его – Кондором или Кондрашкой зовут?

Слушая этот лепет, ощутил, как по щекам прокатились две слезы. Одна сорвалась и упала на эбонит телефонной трубки, другую слизнул с уса.

– Зови Кондратом. Счастья тебе, Степанида. Даю отбой. Дзынькнуло.

Выдержав паузу, рукоятку крутанул четыре раза. Ответили сразу:

– О каких таких семечках ты допытывался у малолетки, майор? Капитан, то есть.

Я узнал голос прапорщика Балаяна, ротного старшины.

– Ты всё слышал? Каким образом? Линия же была занята.

– На водокачке, что у нас в порту, пост оставили за морской акваторией следить, я здесь сижу за телефоном. Телефонисты кабель от вашей вышки до нашей проложили через всю деревню, вывели из-под «миски» и уложили по берегу к башне водокачки. Я что сделал, к телефону подсоединил подаренный лишний провод и продлил, проложил линию в обратном направлении через деревню до силосной башни за околицей. Теперь у нас две сторожевые вышки, одна «силосная» со стороны Отрадного, другая, башня водокачки, в порту Мирного. Тылы обезопасили.

– Подслушивал Кондратьева со Стешей. Не стыдно? Седина в бороде. – Мне только одного хотелось: отвлечь Балаяна от заданного мной и им подслушанного вопроса девочке о семечках жаренных на масле. – А не боишься, прапорщик, того, что отвечать придётся? За дезертирство.

– Я, капитан, грузин, а грузины ничего не боятся.

– Фамилия у тебя армянская и в штатном списке роты ты значишься армянином, – немедленно отпарировал я. Вопрос национальной принадлежности у старшины всегда был большим, а сейчас, когда жена Клава должна была перейти к

другому мужу – кузнецу Гиоргадзе, надо полагать, особенно. Ещё я понял, что вопрос Балаяна о семечках был праздным: он, хоть и земляк, но о жарке на масле не помнил.

– Капитан, миллион раз тебе твердил: грузин я! Мама у меня гру-зин-ка.

– Стало быть, папа армянин.

– Капитан, мне противна твоя ирония с душком. Стешке ещё четырнадцати не исполнилось, а ты ей, про что... с маслом? Впрочем, сексуальная озабоченность обитателя Отрадного мне понятна. Я же половой неудовлетворённостью не страдаю, и как настоящий мужчина по утрам и на ночь бреюсь: так что, ни бороды, ни седины у меня нет. Что касается моей мамы, она была женщиной двухметрового роста и папашу моего водила у себя подмышкой. А стыдно тому – у кого видно.

Не угадал ты, прапор. Хрона ты, дезертир, чего у меня увидишь, отстранился я на табурете от стола и посмотрел на залатанные в паху кальсоны. Они у меня некогда ладные, пушистые, истёрлись вконец, латал парашютной тканью.

Отнеся от губ трубку, я произнёс:

– Высоковато будет.

– Как? Как, как ты сказал, капитан? Высоковато будет? Намекаешь на то, что мою маму грузинку... папа, армянин... с заду?

В голосе Балаяна прозвучали нотки раздражения предель-

ной степени. На «Звезде», бывало, заслышав их, я, сославшись на зубную боль, покидал казарму или тир, где старшина распекал роту.

– Твою маму, Жан-Поль, я знал. Красавица женщина, величайшая шахматистка всех времён. Ты её любил. А сказал я так: «Высокая, да». Тебе послышалось другое потому, как телефон плох – искажает речь... Или трубку ты держишь проводом у уха – говоришь в динамик, а слушаешь через микрофон. Говори в трубку. Поднеси ко рту поближе нижнюю её половинку. То, что ты держишь в руке у уха, трубкой называется. Да не перепутай, к уху прижми не тем концом, что с прорезями и проводом, а тем, что с дырочками. И папашу твоего знал. Достойным был мужчиной. Рекордсмен мирового чемпионата «носовиков», в ноздри успел – пока не чихнул – засунуть шестьдесят четыре горошины чёрного перца.

Балаян дышал громко и часто, но молчал.

Мат позабыл, недоумевал я, и поспешил прекратить раскрутку бывшего ротного старшины: вспомнил Стешино сообщение о том, что теперь он будучи секретарём сельсовета заведует жмыхом. А если и всеми съестными припасами Мирного!

– Ладно, Жан-Поль, – грузин, так грузин. Я всегда, если ты помнишь, с этим соглашался.

После такой раскрутки, которой я испытывал нервы старшины обычно на привалах во время марш-бросков по «крас-

ным канавам» Уровня, тот смягчался, если предложить угощение – что-нибудь острое, солёное или сладкое. Обычно угощал сахарным петушком на палочке, искусно приготовленным женой из пудры коралла «сахар диабетический».

– Послушай, – и сейчас я нашёл, чем успокоить старшину, – телефонисты мне тоже подарили лишний телефонный аппарат и провод к нему... Будешь меняться?

– Капитан, миллион раз просил не называть меня по имени, папаша о Париже грезил, потому назвал французским именем. Я Балаян, – смягчился и спросил: – На что?

– На нашу повседневку – обратно. Ты секретарь сельсовета, решишь этот вопрос.

– Нет, не в моей компетенции. Хэбэлёнка на складе хранится под печатью председателя. Пацаны подрастут, отделение ополчения оденем; через пару лет – взвод наберётся. Мечта Тарасовича Ольги.

– Пока подрастут, мы поносили бы. А? Уговори Евтушенко.

– Называй председателя, как он того сам хочет – Тарасович Ольги. Он дохронный, паспорт себе выправил. Земляков не жалует, небёнов презирает.

– Ждёте, пока пацаны подрастут, мужиков в Мирном нет?

– Мужиков? Одна интеллигенция хлюпатая, все – свихнутые кандидаты, да доктора наук сдвинутые. Очкарики сплошь. Половина из них «шахматисты», с небёнами взвода твоего дяди за партейками ночами засиживались. Я знаю,

раньше сюда из Быково бегали – там народ покрепче: бетонщики, монтажники, сварщики, трудовой, словом люд. А бежали на остров вэдэвэшники полковника Курта, твоего дяди, спецназрвцы приохотились по сопкам и на завалинке блудить. А погибли, снова быковцы похаживали, пока твои марпехи не принялись. Очкарики, да и мужики-рыбаки, твоим отдали предпочтение: знают, что на Бабешке срок отбываете, рано или поздно, но с острова уберётесь. Бетонщикам холки почистили, теперь твои в сопках гуляют, на завалинке песни с девчатами поют. Нормальные мирнянские мужики – рыбаки; рыбачат в океане, неделями в посёлке носа не кажут. Пробовал из очкариков ополченцев сделать, да плюнул на эту затею: «сено-солома» даже усвоить не могут. Вот пацаны – те пылят, ногу тянут. Им – лишь бы не на прополку. Сам знаешь, без сдачи строевой подготовки ни о каком ополчении и думать нечего... Аппарат, говоришь?

– И восемь кило провода.

– Восемь километров или восемь килограмм?

Я чертыхнулся, попробовал напрячь память. Камса как-то заметил, что у меня первого среди колхозников, как и у дяди моего, начался побочный рецидив от долгого употребления оскомины – забывчивость; а Силыч съехидничал, сказав: «По бабам надо бегать. Или доиться почаше».

– Чем длину мерят? – спросил я.

– Метрами.

– Километров.

– Что-то с памятью стало? Это от несбалансированного питания, капитан... А, может быть, от оскомины: эта ягода нигде больше на острове не растёт, только на вашем Дальнем поле. Попробую посодействовать, но предупреждаю, вся хэбэлёнка на складе в личном ведении председателя. А твою он носит.

Я живо представил себе Евтушенко, одетого в мою парку. Хоть и высокий, но щупленький мужичонка моих лет: должно быть, висит, как на вешалке.

– Укоротили, ушили. Из лишнего материала Остапу жилетку скроили... На днях заявился председатель с этим козлом ко мне в дом... припёрлись Клаву – жена моя – поздравить с началом родов. У неё срок подошёл. По этому случаю первый раз вырядились в обновку. Тарасович Ольги в перешитом – с иголки, Остап – в жилетке. Оба – на рогах... Пошутить хотели! Вошли в юрту – строевым, копытами щёлкнули... Клава и напугалась. А у неё как раз минутой раньше воды начали отходить. Третьи сутки разрешения от бремени ждём, мучается бедняжка схватками. Ладно, мою хэбэлёнку возьмишь, не ношу, в цивильном хожу. Как новая – сносу ей нет. Коротковата только будет... да тебе полоть, рукава и штанины закатывать не надо. Аппарат-то новый? На нашем здесь чья-то паразитская рука букву «И» под звездой нацарапала.

Балаян был дюж, невероятно широк в кости, с поразительно огромными руками, обувь носил пятьдесят шестого раз-

мера, но ростом в отца, чуть выше среднего. Надточу рукава и штанины материалом от жилетки Остапа. Выменяю у него на комлог, мирнянину, а если он ещё и кандидат наук, такой калькулятор сгодится, с облегчением строил я планы.

– Мы, старшина, об этом с тобой ещё потолкуем, ты председателя уговори... Послушай, что-то я ни разу не видел мирнян одетыми в бушлаты и обутыми в рыбацкие сапоги, или боты как их десантники называли. Полковник Курт, дядя, обменял на семена.

– Понимаю, куда клонишь. Облом, капитан: рыбаки и китобои в бушлатах и ботах.

– А-а... Сам-то, как думаешь дальше жить: мне рапорт на твоё дезертирство составлять?

Отвечал Балаян голосом тихим, приглушенным:

– Ты, капитан, с заданием наводить контакты в Мирном меня посылал?.. Посылал. Срока не установил, вот я и действовал по обстановке. Не спешил, зато доверие завоевал – стал секретарём сельсовета. Домик мне отвели, жену. Ребёнок у меня, второго вот жду... Одно здесь плохо: жены переходящие. Но я с этим свыкся. Так что, на Марс не вернусь. Ты, капитан, думаешь Тарасович Ольги тебе эти пять лет жмых и ворвань дарил? Так, из альтруизма. Как же. У этого жмота песка на сопке не выпросишь. Я подсуетился.

– Выменять нашу хэбэлёнкуку твоя идея! Я, старшина, подзревал, но сомневался.

– А что с вас ещё можно было взять? Голь. А мне надо

было как-то в доверие войти. Учти, капитан, время идёт – плотину может прорвать, а я, глядишь, и постараюсь чтоб не затопило вас.

– Ты это о чём?

– Жена у меня, Клава – единственная из взрослых жителей Отрадного в живых осталась. Она тогда детишек отрадновцев увела в Мирный кукольный спектакль посмотреть, сейчас – главный воспитатель детсада и школы. Так вот, её воспитанники выше всех ногу тянут. Старшим пацанам вот-вот по шестнадцать стукнет. Каких мне трудов стоит, чтобы она их в узде держала?.. А родит, перейдёт к этому Гиоргадзе?.. Кузницу. У «миски» вашей пацаны больше не крутятся и по полям не шастают только благодаря твоему истопнику Чону Ли. После, как пацаны его отметили, увлёк единоборствами, в кумирах теперь ходит. И знаешь, чем увлёк? Кунг-фу и айки-до обучает, ещё каким-то «крестам», не знаю такого стиля. Не на беду бы вам, на завалинке когда-нибудь накостыляют твоим хлопцам. До звона с колокольни выходят на околицу, становятся лицом к Отрадному, послушают марш «овээмээр» и поют: «Родительский дом – начало-начал...». Кстати, звонарь твой одно время услаждал наши уши, мы, бывало, у себя вечерю не отбивали, его звон слушали. Теперь другой кто-то звонит? Этот марш марпехов как зарядит, и тумкает-тумкает. Кто такой?

– Не из наших, из уцелевших дядиных солдат. Разведчик Мелех, – соврал я. – Ладно, старшина, оформим твоё дезер-

тирство, как разведздание. Могу я переговорить с председателем? У меня дело к нему.

– Да плевать мне, капитан. Я – секретарь сельсовета, за свою деревню буду радеть, чего бы мне это ни стоило. Снова под ружье не стану, на Марс не вернусь. Живу я хорошо, дом, дело есть. Дитё, второго жду. Жена – переходящая, так я с этим смирился. Кстати, здесь я представился грузином, грузином и считают. Думаешь, рискнул бы председатель сельсовета, мой предшественник, армянину и грузину отвести на смену одну жену. Правда, кузнец ушлый, не проведёшь, меня армянином считает. Клава, жена наша, ко мне после года возвращается выжитой как лимон. Козы есть... Сам дою. Любят они меня. Осел я, капитан.

– Ну, зачем же так о себе?

– Что?

– Ослом себя называть.

– Я говорю, осел я – в смысле одомашнился, под ружье больше не стану. На Марсе у меня никого нет, в полк не вернусь.

– Говорю тебе, телефон речь искажает. Пригласи председателя, – поспешил я замять свою выходку.

– А Тарасович Ольги баньку изволят принимать, не велели беспокоить, – подобрел голосом Балаян. – После кушать будут и опочивать... Шучу я, капитан, шучу, подожди чуток, схожу за ним.

В телефоне громыхнуло, то Балаян положил трубку на

стол. Затем громыхнуло ещё. Дверь... на пружине, с завистью подумал я, повернулся и с тоской посмотрел в лаз – «дыру на выход». Заслонкой не заставлял. Не потому, что ленился – за день металл отвода нагревался солнцем, в правлении становилось жарко и душно, сквозняк через отвод только и спасал.

Я сбросил ботинки, ослабил затяжку в крагах и положил ступни пятками на стол подошвами в оконце.

Наконец в телефонной трубке раздался всё тот же дверной на пружине грохот, послышалось чьё-то кряхтение и сап кого-то ещё вошедшего. Через пару секунд дверью снова хлопнули, и голос Балаяна:

– Где это мы с вами разминулись, Тарасович Ольги? Вам звонят: у председателя колхоза «Отрадный» к вам дело... Может, Остапу выйти?

– У меня от него секретов нет. – Трубку взяли с затяжной зевотой: – Ээ-ыых. Слушаю вас.

– Здравствуйте, господин Евтушенко. Беспокоит вас Вальтер, председатель колхоза «Отрадный».

– Называйте меня Тарасовичем Ольги. А вы – не Вальтер... Курт Франц Геннадьевич. Не спрашивайте от кого знаю. Покойному командующему Вооружёнными Силами Пруссии Курту Францу Аскольдовичу вы случаем не родственник?

– Нет! – выпалил я, рывком убрав ноги со стола. Моё настоящее имя и фамилию в ОВМР знали немногие, на Бабеш-

ке – только Каганович, Лебедько, Брумель, да Балаян. Гад, армяшка!

– Из каких же немцев по роду будите? Из «петровских», аль «поволжских»?

– Поволжский. Из Сталинграда родом. – Мне ничего не оставалось, как признаваться.

– Но детство и юность провели на Новой Земле. Ага... Я почему спрашиваю. Нам старикам и взрослым безразлично какой вы немец, но вот молодёжь подрастает – интересуется... Остап, выйди, погуляй. Козами займись... Отлынивать ты стал от своих прямых обязанностей, заболел что ли?

Остап молчком поспешил на выход: слышал его скорые шаги.

– Я в школе историю преподаю... Прислушают детки урок и в конце обязательно спросят из каких, стало быть, вы немцев... Обменяете портупею? На двух коз.

– Тарасович Ольги, ну зачем коз обещаете: Остап, зверюга, взбесится! – встрял Балаян.

Председатель недовольно и приглушённо отрезал:

– С Остапом поделюсь, наплечные ремни дам жилетку украсить.

Что на это предложение мог ответить, я сам надеялся устроить обмен – вернуть взводу повседневку, в том числе и свою. Офицеру носить её без портупей срамно, поэтому отказал уклончиво:

– Подумать надо.

– Меняйтесь, Курт, – хороших коз дам, молодых, дойных.

– Непременно подумаю. У меня к вам дело. Вы знаете, в Отрадном на постое научная экспедиция Администрации «Булатного треста», испытывают способность лошадей и буйволов пахать в респираторах. Попробовали на колхозных угодьях, теперь совершенствуются в сопках – на целине... Так вот, лошади и буйволы после испытаний останутся у меня в колхозе, – врал я, – за доброе отношение к нам я намерен передать вам упряжку с плугом и бороной... На прощание погонщикам семечек хочу подарить, одолжите мешков... тридцать? Кстати, подскажите, как это вы их так готовите? Вкуснее наших, по-моему. Угощали как-то нарушители трудовой и общественной дисциплины.

Евтушенко долго молчал. Поверил, похоже, предстоящему пополнению отрадновского хозяйства тягловой силой и теперь переживал за участь животины. И вряд ли поверил в передачу ему обещанной упряжки.

– Дам, но в подсолнухах из фуража козам. А рецепт приготовления семечек один – сушим на солнце. У вас этим занимаются мужики, у меня женщины – потому вкусней.

Видел бы мирнянин, как я самозабвенно отбивал чечётку по дверце сейфа. Тридцать мешков! В подсолнухах, вылушим, мешков пять семечек нажарим. Своего подсолнуха в колхозе посажено с гулькин нос, а с бизнесом до конца лета, до будущего урожая, не резон тянуть – будет с чего начать. Не жарят – сушат на солнце! А мы пожарим!

– Премного благодарен, уважаемый Тарасович Ольги. Я вам вечерком позвоню, и мы обсудим всё детально, а сейчас с вашего позволения даю отбой.

– Не забудьте подумать насчёт портупеи, – напомнил Евтушенко и накинул цену: – Двух дойных коз и ещё одну покрытую дам.

Я, распираемый восторгом от удачи, крутанул рукоятку редуктора и чечётку по дверце сейфа завершил «ключом».

* * *

Позвонить вечером я Евтушенко не смог по причине обрыва телефонного провода. Авария внесла коррективы в мой план.

Телефон на наблюдательной вышке установили в «смотровой», кабель спустили вниз, обернув по змеевуку, чтобы ветром не носило, и потянули в сторону Мирного напрямиком через крестьянское кладбище. Постовой увлёкся телефонным аппаратом, поэтому внимания на то не обратил. Телефонистов не предупредили, сами они не знали и догадаться не могли, что прокладывают провод по кладбищу: могилы без земляных холмиков, без крестов и оградок. Несколько десятков столбиков рядами стоят, кто мог предположить, что это обелиски? Надолбы противотанковые – вот на это похоже. А нахлобученных по верхушкам столбов мисок из пищевого алюминия с набитыми по дну надмогильными надписями они попросту не заметили. За годы песок посёк алюми-

ний, царапины по металлу стали еле различимыми.

Хлопцы поужинали и перед отбоем развлекались: тягали по посёлку борону. Половина впряглась, другая с хохотом и улюлюканьем погоняла. Мужики на крылечке барака наблюдали за этим понуро, сплёвывая, потягивали из кружек чифирь.

Я же продолжил сборы, готовясь к тайному походу в Мирное. То что связь оборвалась, оно к добру: договариваться с Евтушенко по телефону было опрометчиво – могли подслушать, тот же Балаян «ссученный».

В планшетку уложил тубики с тушёнкой. Мешок с двумя экзоскелетами, двумя парами ботинок с крагами был уже спрятан, зарыт в насыпе под стеной башни водокачки – в «мёртвой зоне» от глаз часового. Этим добром собирался задобрить Евтушенко и его, видимо, заместителя, дружбана и собутыльника Степана. В мешке же находился комплект спецназовского походно-боевого облачения – в нём намеревался заявиться к мирнякам, не в зипуне же и кальсонах. Побрился. Попытался и «шубу» обрить, но оставил эту затею. У меня за зиму, не как у всех, волос на теле отмирал не совсем, а за весну к лету мех возвращал себе густоту и блеск. У полеводов такой шуба бывала только в сытную осень. Меня из-за этого комплексовало: ведь мужики могли думать, что объираюсь я круглый год. А это не так. Питался со всеми одинаково, только когда к Силычу на водокачку ходил ягоду ему помочь «потрепать», объедался оскоминой. От неё,

думаю, такая шуба моя. Ночами в правлении подстригал, а сейчас решил обрить совсем. Под трико-ком волос не виден, но толстил неестественно. На запястьях, на щиколотках и на шее вырастал объёмистей и пышней – сниму браслеты и ошейник, за пуделя сойду. Не идти же таким к мирнякам.

Спецназовским ножом скребанул по груди выше соска, Кожа оголилась и враз покраснела, залоснилась, будто тонкой плёнкой покрылась – раздражение пошло. Силычева мазь лежала в сейфе, забежать в правление времени ещё хватало. В трубе обреюсь, заодно Евтушенко позвоню, договорюсь о личной встрече. Только так решил, как услышал через открытый потолочный люк, что шуточные понукания хлопцев сменились на возбуждённые крики.

Набросил на плечи накидку и поднялся на крышу. Оказалось, вернулся Донгуан и бегал по ту сторону «миски» в поисках прохода. Видимо, дезертировал он давно, блуждал в сопках, фильтры респираторные сменить было некому, от того «осоловел». Ржал и бешено перемальывал воздух, попадая копытом в стену купола-ПпТ, отчего та обсыпалась искрами. Бесился жеребец больше, я догадывался, по другой совсем причине: вернулся к «инструменту похоти» а тут преграда. Иначе как «инструментом похоти» я, видевший, как жоака после бурной ночи силой вывели из амбара возглавить табун, называть свою скульптуру не мог.

Как только Донгуана впустили под купол и сняли респиратор, он стремглав понёсся к амбару. Вломился в приот-

крытую дверь, в которую через секунду вылетел пулей ошалевший кашевар Хлеб с газовым баллоном. Тогда я, окрикнув старшего бригадира, распорядился «инструмент похоти» вынести и установить у вагона-ресторана, холкой упереть в стенку и ноги передние заправить в колёсную тележку, чтобы устойчивей была. Хлопцы вмиг всё выполнили, предстоящее зрелище их занимало больше, чем борону по деревне таскать. Хотя потехи и тогда было немало: под стеной купола подрывались на «минах», старых, «поставленных» дядиными десантниками. Перед кобыльей головой у колёсных ободов сделали выборку нескольких камней, чтоб уместились и остались на виду губы и язык. Предвкушая развлечение, смущались. Мальчишки. На «Звезде» с младенчества в «суворовском», а на Уровне Марса, в учебных лагерях, жили все больше по «красным канавам». Сверстниц не знали. Что дети берутся не только из крио-тубусов, узнавали зачастую, сменив погоны суворовца на курсантские военного училища. Делали ставки, за какое время ямка под губами и языком кобылы наполнится «соком» жеребца.

Обратно я спускался к себе в закуток, решив не наблюдать за действием безобразным (Донгуана уж подвели к «станку», сняли с глаз шоры), но не успел: под «миску» впустили Кондрашку. Завидев меня на крыше, он подбежал под стену барака, вытянулся по стойке смирно с пальцами у виска. Хотел доложить по форме, но я его упредил:

– Шапкуними! Чего надо?

– Связь с Мирным нарушена, – стянул Кондрашка с головы балаклаву.

– Сломал-таки аппарат.

– Я со сторожем Мирного переговаривался, вдруг шум в трубке пропал. В правление позвонил, но тебя, Председатель, там не оказалось. Спустился в каптёрку к Сильчу за советом, он сказал сильно крутило в сопках и потому, возможно, кабель оборвало.

Я спрыгнул с крыши:

– Взвод, стройсь!!

Хлопцы растерялись: услышали забытую и так всеми желанную команду. Или оттого, что увидели меня нагишом под распахнувшейся, когда с крыши приземлялся, накидкой. Мужики, те среагировали мгновенно: оставили кружки с чифирем и первыми стали под руку Брумеля. Из барака вылетел Селезень со своими разнорабочими. Из кухни столовки вышли Хлеб, Крыся и Камса; мою команду они не слышали, но заинтересовал переполох в колхозе. А докладывал старший сержант об отсутствии в строю лейтенантов Крашевского и Комиссарова, прапорщика Лебедько и истопника Чона Ли, поняли, в чём дело и опрометью понеслись к строю.

– По порядку рассчитайсь! – прервал я доклад Брумеля. Подбегавшие земляки меня не интересовали, я высматривал небёнов – все ли в строю.

Рассчитались. Все. Вытер со лба холодный пот. Я чего испугался? Хлопцы бегали по ночам на завалинку в Мирный,

но не всех девчонки там ждали и привечали. Кто-то из отвергнутых воздыхателей висит сейчас на телефонном проводе по ту сторону башни водокачки. На змеевике.

– Столпились! Рано радуетесь: официально здесь – колхоз, вы – колхозники. Бороны соберите и уложите под стенами амбара. Воняет. Подрывались у стены купола, так воронки песочком присыпьте. Донгуана огородите листьями гофры, скройте с глаз, смотреть противно. Селезень, примись за уборку. Ах, да! Боронами, воронками и Донгуаном займётесь после, а сейчас... сто грамм спирта тому, кто найдёт обрыв телефонного кабеля. Дневальный рядовой Милош, можешь участвовать. Селезень, к тебе и твоим это не относится, продолжай уборку.

Ни кто из понуро разбредавшихся полеводов прыти не проявил потому, что знали: спирт из личных фляг весь выпит, а тот во фляжках, что полагался на очистку «свечей» – у Силыча Председателю даже не выпросить.

Нестерпимо зачесалось под шубой, но почесал я только обритую грудь под запахнутой накидкой.

– Из фляги комиссара роты выделю, – уточнил я, – Слукавил: оставалась у меня со спиртом одна из двух моих фляг. Фляги погибших комиссара и разведчиков пусты.

Враз стрекача задали. В проходе из-под «миски» пробку устроили. Только когда поднимали пыль далеко за водокачкой и крестьянским кладбищем, подумал, что кабель мог

быть повреждён копытами Донгуана и на территории среди могил. Свистнул в след, но не услышали, бежали, только пятки сверкали. На кладбище – ни ногой: помнили мой приказ. Обогнули погост с двух сторон, не догадались потянуть за провод – проверить на обрыв. Ладно небёны, но и земляки не смекнули.

Я взобрался на крышу барака, пролез в люк и спустился в закуток. Снял накидку, раскатал из браслетов и ошейника трико-ком, надел зипун, подпоясался и раздвинул створку занавеси. В общем помещении спального барака бывшие дядины разведчики мыли пол.

– Слушай, звеньевой, – вышел я из закутка, – по пятьдесят грамм спирта каждому выделю, если сейчас пойдёшь на крестьянское кладбище и отыщешь обрыв телефонного кабеля.

Селезень выпрямился.

– Дудки, Председатель, – отказал дерзко. – Полоть на самых трудных участках – Селезень, уборка – Селезень, стирка – Селезень, посуду мыть – Селезень, полы драить – Селезень. Чуть что – Селезень! Да загнусь, но на кладбище не пойду!

Я подскочил к нему и... закашлялся в кулак. Мыли пол Селезень и хлопцы в трико-ком под трусами, обутыми в кирзачи, растоптанные и разбухшие от воды. На красных в ранках руках и ногах блестели кристаллы соли. Облачённые в «перчик», внешне показались бы истощёнными до невозможности – кожа да кости – если бы не мех под «силиконом». Про уши с серьгами промолчу, драили усердно пол швабра-

ми, мотались те от затылка к носу и обратно. Завидев меня Мелех, Крынка и Пузо Красное – уставшие, только что с ног не валились – стали по сторонам звеньёвого с видом полной решимости тут же с ним загнуться.

Остывший, я сказал с былой командирской непреклонностью в голосе:

– Ефрейтор, вот тебе мой приказ! Марш на кладбище, найди обрыв телефонного кабеля, восстанови связь. Провода необходимо зачистить и скрутить – красный с красным, синий с синим: техника древняя, капризная. Вернётся дневальный рядовой Милош, передашь ему, меня до утра не беспокоить. Я всю ночь проведу в «капэ», приказ о восстановлении воинских отношений надо подготовить, написать, завтра на утреннем построении прочитаю. Замогильные голоса на крестьянском кладбище – брехня. Если прапорщик Лебедько этого тебе не докажет, я лично стану рядом с тобой полы мыть. А знаешь, можешь среди могил не искать обрыв, на краю кладбища потяни за кабель, и всех-то делов.

Селезень выронил тряпку и вытянулся по стойке смирно, трое рядовых выстроились в шеренгу у плеча ефрейтора.

– Слушаюсь!

– Наконец-то, – прошептал Мелех.

– Дождались, – согласился Крынка

– Неужели? – чуть не плакал Пузо Красное.

– И вот что, ефрейтор, передашь мой приказ старшему сержанту Брумелю – завтра после утренней поверки до зав-

трака стрижка всех наголо. Трико-ком до моего распоряжения больше не активировать. На запястьях, щиколотках мех оставить – истощали, спадут браслеты, утратите на грядках.

– Есть! Разрешите трико-ком сейчас скатать – почесаться.

– А не заклинит в браслетах?

– У нас не щетина, волос, на пару сантиметров только и проклюнулся. Едим петрушку да укроп. «Отрады» неделю не видели. Майор Каганович на один прошлогодний топинамбур посадил, рядами за нашу пахоту награбил.

Я запахнул на груди зипун, чтобы не видели эти доходяги моих округлостей.

– Закончилась оскоми́на, и запас сушёной ягоды на исходе. Камса утверждает, что скоро оскоми́ница снова родит. Хорошо бы. – Я вздохнул: без оскомины «Фирмы» не выго́нишь, выгонка из одного только топинамбура не самогон, наказание одно. – Почешитесь, – разрешил и вышел из барака.

Проходил мимо вагона-ресторана, остановился. Донгуан – в кругу поваленной им ширмы из листов гофры – стоял с кобыльего заду... на коленях, голову оставив на крупе. Губы с пеной и язык на «стекле» подрагивали. Дышал жеребец часто-часто, как собака, тогда как бока в мыле расширились и опали совсем не часто. На меня смотрел пугливо: боялся Председателя – этого верзилу с крепкими коленями.

– У-уу! Онанист ненасытный!

* * *

Пригрозив Донгуану кулаком, я поспешил в правление. Здесь на всякий случай крутанул рукоятку телефона четыре раза:

– Кондрашка слушает, кого надо?

– Ты что, рядовой, в смотровой не один? Или готов в каптёрку спуститься за прапорщиком Лебедько – пост бросить?

– Ни как нет! Один я. Прапорщику Лебедько, ему звонят, стучу в змеевик.

– Ему звонят? И кто же?

– Старшина Балаян.

– Доложи обстановку.

– Не нашли, не исправили ещё, товарищ капитан!

– Если с тобой у меня связь есть, чего под «миску» прибежал?

– Я докладывал, звонил в командный пункт, но вас там не оказалось.

Чертыхнулся про себя: забыл, и в очередной раз убедился в том, что не там установил телефон – в казарме надо было, на тумбочке дневального.

– Оповести майора Кагановича на посту подменить, прихода его не жди, немедленно отправляйся вслед пехотинцам. Проверь за ними телефонный кабель. – Я боялся, узрит часовой с вышки моё передвижение в сторону Мирного с мешком за плечами. А пока Каганович в столовке заметит сигналы флажками, придёт, подымится на вышку, успею метнуться к башне за мешками с дарами. – Видел, как толкались?

Затоптали поди, новые могли обрывы сделать.

Часовой сразу потускневшим голосом высказал своё предположение:

– Товарищ капитан, а не Донгуан ли повредил провод? Он и через кладбище мог пройти.

– Через кладбище. Прошляпил? Со Стешкой болтал.

– А... Чего с ней болтать? Говорит, говорит... Скажет «хочу пи-пи», трубку положит и дрыхнет сама. Я то, слышу, как почмокивает во сне. Малолетка – не целованная... Тараторила, я Донгуана слышал, мимо башни проскакал. Наверное, через кладбище. Следов не осталось: пурга.

– В голове у тебя пурга! Выполняй приказ, рядовой!

– Слушаюсь! Наконец-то, вы отменили гражданку! Разрешите «перчик» скатать – на сквозняке постоять.

– Разрешаю. Ножи для стрижки оставлю в оконце «капэ», скажи старшему сержанту Брумелю или дневальному. Без меня стригитесь и брейтесь, я перед рассветом на Дальнее поле отправлюсь – проверю, как отпололи.

– Есть!

Я дал отбой, достал из сейфа ножи и свечи. Выбрал самую «долгоиграющую», зажёл и примостил на столе перед оконцем. Ножи собрал в «сноп», обмотал бечёвкой, конец выбросил наружу. За ночь не хватятся, а к раздаче нарядов после побудки, бритья и завтрака рассчитывал вернуться.

* * *

Выполз из трубы, прыгнул на землю и набросил на себя прихваченную накидку. Зипун хоть и выцвел, из коричневого буро-песочного цвета стал, но в сопках далеко видать, а в накидке, сплетённой из корней оскомины, длинной по щиколотки – маскировка отличная. Поспешил к проходу под «миской» и стеночкой-стеночкой купола-ПпТ вышел к воинскому кладбищу и дальше стеночкой-стеночкой кругом купола вышел к водокачке – под стену башни, где спрятаны мои подарки Евтушенко и Степану. В обед я Когана, часового и кладовщика отправил в столовую поесть, после, наказал остаться на кухне помочь кашевару слепить пельменей – предстоял праздничный ужин по случаю дня рождения старшего бригадира Брута... да чего уж там, старшего сержанта Брумеля. Тогда-то и взял в каптёрке... да чего уж там, выкрал экзоскелеты с комплектом спецназовской амуниции. Рассчитывал в накидке, под прикрытием поднявшейся к удаче песчаной пурги обогнуть стороной Дальнее поле и уже на подходе к Мирному облачиться в КНТМ. Явлюсь мирнякам весь «красавец». ФРКУ вот только зря прихватил, лишний груз, да и красы шлем-ком не придаст.

С мешком через плечо направился было к крестьянскому кладбищу, да услышал отдалённый гомон пехотинцев. Что мне оставалось делать? На башне спрятаться? Так она наверняка закрыта на замок, а кода открыть, я не помнил. Бежать под «миску», в правление. Поздно. Под прикрытием тени от башни пробежал по краю погоста и залёг у крайней могилы,

накидкой укрывшись с ног до головы.

Прошли первые пехотинцы. Впереди всех шёл задом наперёд Милой. Тряся кудрями, молдаванин что-то вдохновенно рассказывал и показывал. Раскатывал по лицу балаклаву, козырял и поднимал пыль босыми ногами, ступая чётким шагом. Понятно, с ходуль прыгивал и вышагивал строевым. У меня заныли ушибленные об стол пальцы. Всё, всё, хватит, завтра постригутся, побреются и в строй. На прополку строевым и с песней, откусывал от ногтя и сплёвывал я.

Возвращались пехотинцы усталые, некоторые хромали. В проходе под купол устроили пробку – всем не терпелось завалиться на нары. Из барака вышел Селезень, из столовки Силыч, переговорили о чём-то с Брутом. Что-то замышляют. Кагановича не видать, до сих пор не покинул столовку на призыв часового – везёт мне.

Я поспешил подняться и продолжить свой путь, а забрасывал за плечи мешок, зацепил и сбил со столбика миску с надмогильной надписью. Намерился водрузить её на место, но услышал голоса. Звено Селезня приближалось к водокачке, шли на крестьянское кладбище мой приказ исполнить, найти обрыв линии. Различил голоса рядовых Кирилла (Крынка) и Святослава (Пузо Красное). Припрячу миску в сопках с зипуном и накидкой, а возвращаться буду из Мирного, верну на место, на обелиск надену – так решил. Сунул миску за пазуху и побежал короткими перебежками, припадая к земле.

Не замедляя бега, я высморкался. Полез в пенал заменить в носу фильтры, но в отделе для очищенных нащупал только две «свечи» – забыл пополнить! Ну, что оставалось делать, не возвращаться же. Повернул назад искать высморканные. Вьюжило, но нашёл, отёр от песка и с кулака втянул в ноздри. Последние два чищенных «макарика» заправлю в нос на подходе к проходу под «миску» Мирного, и на обратный путь. Не отравиться я боялся – собственного невольного смеха, после хохота, от какого не удержаться. Не поймут мирняне, и председатель не захочет с сумасшедшим дел иметь.

На бегу обдумывал план переговоров с Евтушенко. Прежде, напомнил себе, я – офицер спецназа, поэтому должен быть краток, точен, уверен в себе и в своих намерениях. После размышлял.

Первое: идея, с какой иду к коллеге, базируется на трёх китах: колонии ЗемМариин; самогонка; семечки.

Второе: рынки – в Форте и Твердыне, на них будет сбываться самогонка под прикрытием продажи жареных семечек. В Рабате продажа только одних семечек, естественно.

Третье: семечки компаньона, жарка... тоже за ним. Самогон выгонять и с семечками продавать – это моё.

Четвёртое: потребую пятьдесят один процент с прибыли. Можно пойти по пути более выгодному: не посвящать мирнян во всю полноту идеи – самогон сбывать в тайне от партнёров по бизнесу, мирнянское участие только в предо-

ставлении нам семечек. Но понимал, провалы неизбежны: полиция альянса дремать не будет – рано или поздно застывает. Вот тогда и пригодятся связи Евтушенко, должны же у него быть прикормленные генералы в Твердыне и адмиралы в Форте. Так что, сделку замути «по-чесноку».

Попутный ветерок приятно обдувал мне затылок. «Серьги» на бегу мотались, били по шее, подбородку, щекам. Перешёл на шаг.

Первые три сотни метров прошёл по следам пехотинцев. До Мирного те, видать, бежали гурьбой, наперегонки, с подножками. А возвращались, не спешили – шли вразброд, кучками, часто приседали передохнуть. Десяток километров и выдохлись. И это без боевой выкладки! Совсем сдали. Это уже время спустя, узнал я, что не просто подустали тогда мои марпехи. Их на околице Мирного встретили местные детишки всем составом секции восточных единоборств. Завидев несущихся к их деревне трёх десятков человек, девочки приняли стойки айки-до, мальчишки каратэ. Марпехи детей даже не заметили, бежали ручейком (так кабель лежал), склонившись над проводом. А умницы, какие! Детишки. Пропустили. После догоняли и укладывали с конца «ручейка», одного за другим по очереди. Медитировавший и в себя пришедший от топота, тренер Чон Ли остановил юных спортсменов, те уже, перейдя с карате на «кресты», до сержантов-земляков добрались, которые во главе кавалькады без лошадей гарцевали.

Кабель неожиданно прерывался, пропадая в песке, снова возникал и змеился дальше. Кабель – из скрученных проводов красного и синего цвета. Ведь делали же люди, простой кабель для обеспечения связи на фронтовой передовой, а красивый, думал я о предках.

Дальше бежать не рискнул. Отрадновская вышка с наружи, не под «миской», поэтому из-за выюги меня на таком расстоянии не видели, но мог столкнуться с Кондратьевым, потому свернул в сторону и перебежками спустился по склону сопки. А миновав стороной Дальнее поле и различив вдалеке сторожевую вышку Мирного, под приметным камнем вырыл в песке ямку. Опускал в неё кладбищенскую миску дном кверху, в глаза бросились слова ПАУЛЬ КАСТРО. И... я прочёл всю надпись:

ХАРИТОНОВИЧ АННЫ

ПАУЛЬ КАСТРО

01.10.2151. X 16.02.**24

**Основатель и первый председатель
колхоза «Отрадный».**

Биохимик, нейрохирург, академик

– Кастро?.. Актёр Политрук Кастрица, вице-призидент Пруссии, основатель и первый председатель колхоза «Отрадный»!.. Марго! – вырвалось у меня. – Сумаркова! Биохимик, нейрохирург, академик... Она!

Сумаркова Пульхерья Харитоновна до Хрона, Хизатулли-

на Полина Харитоновна в замужестве во время Хрона, Кастро Пауль Харитонович после Хрона на Марсе... В бегах на Земле, выходит – Харитонович Анны Пауль Кастро в бегах. В школьные годы звали Марго. Моя одноклассница. Среди имён разыскиваемых контрразведкой Марса, в списке-оперативке по «миссии бин», значилась под фамилией деви-чьеЙ. Число, месяц – её дата рождения, родилась она первого января, я десятого. Год рождения с моим не совпадал, но это обычное дело: земляки пережившие Хрон и бежавшие с Марса обратно на Землю списывали года проведённые в анабиозе на пути к Красной планете.

– А ведь тебя ищут, наверное, до сих пор, – сел я с колен на камень...

Взмок весь. Пот со лба по лицу и шее за ворот зипуна и ошейник катил ручьями. Под «перчиком» в шубе – сущий ад. А тут ещё и отравление почувствовал: поташнивало, вот-вот смех «вступит». Но действовал.

Первым делом расширил и углубил ямку. Рыл скоро, вы-гребая песок на стороны. Пальцы запускал в землю с остер-венелой силой, как это когда-то проделывал с грудной клет-кой манекена в тире на тренировках по рукопашному бою.

– Хх-э!.. Ни каких семечек... Хх-э!.. «Домну» разорю. Хх-э!

Тошнота подпирала горло, в голове молотила тысяча мо-лоточков.

– Тушёнка – мерзость!.. х-э!.. Ягода – зараза!.. х-э!.. В рот

не возьму!

Накатила слабость в плечи и спину, ноги отнимало, но «свечи» не менял. Вонзал ладони в песок клинками.

– Хэ! Хэ! Хэ!

Наконец, сел и, опустив в яму ноги, перевёл дух...

Рассуждал и строил исходя из изменившихся обстоятельств новые планы. Если такой степ, не нужен никакой самогонобизнес... пожалуй, с жареных семечек одних прибудет. Евтушенко кочевряться не станет – продавать семечки будет мой колхоз. Женщин своих он на континент не пошлёт: это ж идиотом надо быть. И очкариков не отправит, этих в поля полоть даже не допускает, а на базаре их враз объегорят. «Шахматистов». Коней и буйволов сдам в аренду колхозу «Мирный» – пусть кормят табун; плуги и бороны отдам – пусть пашут и кормят нас. Про фураж козам Евтушенко говорил, значит, в Мирном есть домашние животные. Ловко скрывал: мои самовольщики ни о чём таком не докладывали. Вот бойцам молоко и мясо будет... Колхозников, справных крестьян из нас не вышло – пуцу мирнянских полеводов на наши угодья. Хрон с ними... Пусть пашут, сеют, пропалывают, а у меня на первом плане воинская спецподготовка. Действительно, в конец опустились: поставь сейчас нас спецназовцев против обыкновенного армейского взвода – сделают. Урожай собрать – это поможем, в ранцах поносим.

С завтрашнего дня подъем засветло... Эта... Как её?..

Физзарядка? Ну, да. И пробежка. Исподнее – в стирку и в ремонт, совсем исхудилось. В одном «перчике» потренируемся. Ну, гюйсы повяжут на манер передников – чтоб женщин сторожих мирнянских и быковских не смущать. А там с помощью Балаяна и хэбэлёнки возверну. Физзарядку, пробежку сделать – и в поле. Одному отделению – полоть, двум – окапываться. Хотят воинской жизни. Получат. Так с божьей помощью и подтянемся, наберём форму.

Связь с Салаватом необходима. Ведь ищут Марго, а она здесь на острове похоронена. На Марс вернёмся. Все сорок девять человек. Балаян тоже: не променяет же он, в самом деле, «Звезду» на Бабешку. Здоровые, готовые выполнить любой приказ командования.

* * *

Мешок с экзоскелетами и комплектом спецназовского облучения зарыт и камнем привален. Миска на груди под зипуном.

– Марго мертва, – сдавленно проронил я. На Марсе получал задание найти и устранить Сумаркову, в уголке души затаил желание найти бывшую подругу в беспамятстве, а то и мёртвой – руки поднять на неё я бы не смог.

Стошнило. В носу щекотало нестерпимо, но фильтры не менял. Побегу. Назад к могиле Марго. Встал с корточек.

– Вот башка беспамятная! – стукнул себя по лбу. – У меня же «фээркау» есть!

Раскопал яму, распустил завязку мешка и достал шлемом ФРКУ. С виду – шлем мотоциклетный, но значительно больший в габаритах, значительно массивнее, и вмонтирован в заспинную раму. Вещь изрядная, такого шлема ни у кого нет. Снаряжение опытное, секретное, выдали на Земле испытать. Слышал, изобретение, разработка устройства проделана не безучастия Сумарковой – на основе научного её открытия оглавленного: «Подчинение механизмов «камню» оператора».

Манипулируя кнопками внутри оголовья, протестировал электронику.

Сбросил накидку, свернул и засунул запазуху к миске. Затем заправил за плечи раму и защёлкнул на груди и в паху карабины. В боевых условиях ФРКУ крепился к комби-ком с кирасой, на мне же зипун. Решил не облачаться в КНТМ, недосуг, да и рассчитывал быстро обернуться. Для случаев задействования ФРКУ без КНТМ предусмотрены специальные подмышечные прихваты в раме и скобы-ручки по оголовью шлема с ремнями на запястья.

Яму закопал, камнем замаскировал.

Прокатил двенадцати килограммовый шлем по салазкам рамы и, удерживая над головой, наспех прочёл наполовину позабытую молитву. Опустил на голову, затянул резинку на шее. Перекрестившись, надвинул на лицо пуленепробиваемое забрало и, просунув руки в ремни, ухватил скобы-ручки.

На прозрачном экране в разделе меню ВИД выбрал

(взглядом с подмигиванием) опцию **СОВМЕСТИМЫЙ** – в затылке содрогнулось и шлемофоны издали звук похожий на характерный от стыковки вагонных буферов. Значит, «есть контакт» и произошло подсоединение моего «камня» к «кому» ФРКУ. Выбрал иконку **АГРЕГАТ**, верхушка шлема приподнялась, и из образовавшегося разъёма выдвинулись концы венчика из лопастей, как у кулера, только с несметным их числом и сделанных из коралла «стрекозьи крылышки» – тонюсеньких, прозрачных с прожилками. Команда **ПУСК** – и агрегат заработал. Из перекладины в раме извлёк дрона и запустил округу сканировать. Наконец, выбрал иконку команды **ОТ ВИНТА** и оторвался от земли.

Дух захватывало: раз только и летал, в учении на Уровне.

Завис на высоте двадцати метров и осмотрелся. У околицы Мирного различил человеческую фигуру – рядовой Кондратьев подымал телефонный кабель. Повернёт назад, не заметил бы меня.

Почувствовал себя совсем плохо. Пальцы, если бы не ремни на запястьях, сорвались бы со скоб. Ноги отняло – казалось, внизу на песке их оставил. Рассудок мутился. Щекотало в носу нестерпимо. Критическое состояние, требовалось сменить фильтры.

Наконец, выбрав иконку **ЦЕЛЬ ДОСТАВКИ**, подвёл на схеме местности и установил перекрестие прицела против обозначения крестьянского кладбища. Назад, к могиле Марго полечу...

...У обелиска я приземлился похикивая.

– Прости, Марго, – вонзил я пальцы в песок – удостовериться необходимо. Хе-хе-хе, – начал я копать и тут услышал отдалённые выкрики. Что-то невразумительное:

– Но-оо! Пошёл!.. Опять засадил, падла!

Я взмыл и завис на высоте метров тридцати, включил режим бесшумной работы «крылышек», сам слышал негромкий их стрекот. С такой высоты пылевой смог затруднял обзор, и я приблизил дрона к идущей группе из нескольких человек. Установил устройству режим скрытного преследования на высоте пятнадцати метров, и сигнал его скана на экране в шлеме перевёл в режим выделения контуров. Включил фокусатор звуков. Ожидал я увидеть звено Селезня, возвращавшееся с поиска обрыва телефонного кабеля, а увидел... Донгуана. Жеребец ржал и трахал на ходу творение рук моих, Заю. Кобылу нёс Силыч. Следом плелись Чон Ли, Камса и Крыся. Во главе гуська определил Селезня, а замыкали процессию разведчики. Шли от прохода в «миске» к водокачке.

Заю кладовщик нёс на спине, согнувшись в три погибели. Стеклом ему натирало в загривке, потому, свернув голову набок щекой к плечу, видел только свои ноги и следы Селезня, по которым и ориентировался. Время от времени скульптура копытами зарывалась в землю, и тогда Донгуан, всхрапывая, наваливался на её зад всем своим корпусом жеребца-тяжеловеса. Силыч, ойкнув, пятился чуть назад – вытас-

кивал копыта из песка. Донгуан, оставаясь на дыбах, в ходке запаздывал, отставал и ржал недовольно. Тогда кладовщик, крякнув, приостанавливался – давал тем самым жеребцу нагнать предмет своей похоти. На дыбах нагоняя, вышагивая на задних ногах, жеребец вилял задком, подметал хвостом песок. Догонит и снова навалится на Заю. Семенивший рядом китаец сноровисто помогал жеребцу совершить соитие – руками заправлял, что надо во что надо.

Силыч ворчал и ругался. Косил от плеча глазом – высматривал, чтобы не наступить на мутно-серые «сопли», падавшие из-под языка кобылы.

– Ефрейтор! – позвал он. – Я тебе приказал промыть Заю!

– Я собрался после ужина. Шланг, помните, товарищ прапорщик, у вас в каптёрке взял, а пришёл к вагону, – Донгуан спит, Зая чиста как стёклышко. Кто-то уже промыл. И затычка под языком пропала.

– Под хвост ей надо-бы затычку.

– Наш Донгуан – половой гигант, каких поискать, – подал голос лейтенант Крашевский.

– Какой производитель пропадёт, – согласился сокрушённо с военврачом коллега лейтенант Комиссаров.

Прапорщик Лебедько поскользнулся. Да так, что кобылы ноги по колена и морда по глаза зарылись в землю. Донгуан, окаменел на дыбах. Не всхрапнул, а заржал трубно. Прапорщик же не ойкнул, не крякнул, а застонал сдавленно: «Зашиб, падла». Прошёл вперёд, стеная и ругаясь матом, оста-

новился от жеребца поодаль и выпрямился, опустив по спине Заин зад в песок. Стоял и неистово тёр себе затылок.

– А чтоб ты сдох, гад! Угомонись!

Донгуан упал на передние ноги, затих и застыл без движений

Крашевский и Комиссаров взяли его под уздцы, понукали, но бесполезно.

– Отойдите, – отстранил их Чон Ли. Китаец обошёл жеребца кругом и в прыжке заехал с обеих ног ему в промежность.

Донгуан взвился на дыбы и застыл памятником. На передние ноги падал со стоном, будто человеческим. С места, как не тянули под уздцы уже вчетвером, шага не ступил.

– Сделали ишаком, теперь он хрона стронется, – высказал опасение Селезень.

– Ладно, скотина! На, иди, всади! – Лебедько присел под брюхо скульптуры, взял на спину и развернулся, призывно приподняв кобылий круп.

Но Донгуан оставался памятником.

– Теперь у него не стоит, – заметил скорбно Комиссаров.

– Неужели! – поразился прапорщик.

– Ефрейтор, оботри Заин зад – жеребец брезгует, – приказал Крашевский Селезню.

Ефрейтор снял с себя тельняшку, но труд его пропал даром: Донгуан на вихляние и подвскидывания кобылей «мишени» не реагировал. Прапорщик, пятясь, упёр кобылий

хвост жеребцу в храпаку. Но тот, закатив глаза в небо и роня с губ пену, бездействовал – оставался стоять памятником.

– Ой, что с тобой, – позлорадствовал Лебедько.

– Селезень, друг, – подскочил и ухватил ефрейтора за плечи Комиссаров, – лезь под жеребца, помастурбируй. Пропадёт производитель. Я бы сам, но мне он не дастся. И Чона не допустит.

– Полоть на самых трудных участках – Селезень, уборка – Селезень, стирка – Селезень, посуду мыть – Селезень, полы драить – Селезень, на кладбище идти связь восстановить – Селезень, Заю промыть – Селезень, чуть что – Селезень! Теперь ещё и коню драть! Да я здесь загнусь, костями лягу, но...

– Остынь, – перебил истопник, поднял и всучил ефрейтору тельняшку, брошенную им в сердцах оземь. – Есть у меня средство.

Полез в пенал на поясе, достал и развернул тряпицу...

Скоро группа из офицеров, прапорщика, разведчиков, истопника и жеребца на кобыле продолжила путь.

– Чонка, что за порошок у тебя такой? – спросил Лебедько китайца. – Да он у мёртвого подымет... Ни как доишься, сушишь! Ну, ты гигант. Жаль оскомины закончилась, ягоду тебе и Донгуану одним бы скармливали. Да вы на пару столько порошка произвели бы, бизнес открыли: импотентов в Зем-Марии хватает. И почему молчал? Ребятки наши – царство

им небесное – столько семени перевели. Потолок в бараке, помнишь, по утрам весь в «соплях» был.

– А я знал? У Камсы спроси, он с потолка всё соскабливал, высушивал. Порошок заныкал. И Заю, думаешь, кто промыл? – огрызнулся китаец.

– Камса! Ну, ты жучара!

Процессия обошла башню и вышла на тропку, что вела в Мирное. Здесь свернула, миновали кладбищенские обелиски стороной и вышли к могиле Марго.

Что такое? Зачем?

Лебедько вылез из-под скульптуры, жеребец с кобылы не слез, продолжал «молотить».

Чон и лейтенанты у обелиска могилы Марго выкопали и вытащили хомут с упряжью и лопаты. Вытаскивали столбик, Силыч заметил, что нет на нём миски, но видимо посчитал ветром снесло.

Ямку углубили и опустили в неё карабин с упряжи, к чему-то там подцепили. Донгуан было заупрямился, уворачивался от ярма, пока китаец не дал ему слизнуть с тряпицы ещё порошка и не сказал что-то на ухо. Лебедько помог коню. Великан, пыхтя, и ломовой тяжеловес, похрапывая, сдвинули плиту накрывавшую саркофаг. В нём гроб каменный.

Сняли крышку. Труп плавал в чем-то жидком, маслянистом и прозрачном.

Половых органов на теле не наблюдалось, в промежности

– татуировка. Занимала она и живот, бёдра, ягодицы. Изображены пираньи, пожиравшие пингвинов. Её, Марго, тело, убедился я. Как-то в ночь бдения с ней в интернете показала это тату, похвасталась. Только губы половые на месте тогда были, пол на мужской Марго сменила после уже развода с Салаватом. А сошлась с мужем, снова стала женщиной с намерением зачать и родить от супруга. Лицензию на ребёнка давали только при условии восстановления с ним брака. А получила от Салавата отказ, снова поменяла пол на мужской, а после и вовсе присоединилась к «протестантам», сотворив обряд «обреза члена с яйцами по корень».

Селезень, Комиссаров и Крашевский надели на руки медицинские перчатки и перевернули труп на живот. Подняли с затылка волосы. Не видел я, что делал Крашевский – он, склонившись, закрыл собой от меня голову покойницы.

Чем экзугуматоры были заняты, я не видел, но решил не менять положение дрона, ничего бы это не дало – все над трупом сгрудились плотной гурьбой, что там за головами и спинами увидишь.

– Ну что? – спросил Лебедько.

– Всё, закрываем гроб, зарываем саркофаг. Не Капитан бин Немо это, – заверил всех Селезень. – Действительно Политрук Кастрица, экс-президент и председатель колхоза. Товарищ прапорщик, впрягитесь с Донгуаном. Товарищи лейтенанты, подсобите коням. Чон, установи на место обелиск, разведчики, заметите следы.

Команды, раздаваемые Селезнем, вызвали у меня предположение, что определённо он был инициатором и руководителем эксгумации. Но зачем, откуда он, ефрейтор, мог знать о задаче найти и уничтожить Капитана бин Немо? Впрочем, Селезень – разведчик дядин, от него мог узнать.

Удивление и поиск ответа прервал собственный смех – глухой внутри шлема. Увлёкшись увиденным, я допустил оплошность: упустил момент, когда хихиканье сменилось смехом.

Повиснув на одной руке, отвернул забрало ФРКУ, высморкал в ладошку обе «свечи» и сунул их за пазуху зипуна во внутренний карман. А доставал из пенала свежие «макарики», зацепил неуклюже пальцами миску... выронил. Хорошо, ветром снесло – не упали на эксгуматоров. Сдерживая смех, я нашарил в кармане зипуна «свечи» и засунул их обратно в нос. Отдал команду дрону отлететь на два километра от водокачки, зарыться в сопку и самоликвидироваться, после набрал высоту и полетел от кладбища в сторону Мирного. Последнее, что видел и помнил: Кондратьев с задранной головой и ладонью козырьком у лба.

* * *

В себя пришёл я лежащим под простыней укрывавшей до подбородка.

Узнал Балаяна и Евтушенко, сидели по сторонам на табуретах. Над спинкой кровати у ног нависала морда козла – с

огромными рогами, с окладистой бородой и пышными патлами на щеках под ушами. Копытом он норовил стянуть с меня покрывало.

– Оставь! – прикрикнул на козла Евтушенко.

– Отойди, – потребовал Балаян, – дай человеку чистым воздухом дыхнуть.

– Посмотрите, Жан-Поль, какой прекрасный мех. Ни у одного, когда за жмыхом приходили, я такого не видел... Выбрит зачем-то на груди. Вы утверждаете, что это ваши спецназовские штучки? Для сохранения тепла под доспехами и для маскировки в джунглях? Под горилл, что ли... А мне сдаётся, приобретённое здесь на острове. Мутация. – Евтушенко поднял простыню выше. – Ха! И в причинном месте мех! А кольцо на члене и браслеты на руках и ногах, ошейник зачем?

– Звиняйте, секретность не снята.

Заметив, что я очнулся, Балаян прищурил глаз и скосил взгляд чуть в сторону. На жестах спецназовцев это означало: «Есть конфиденциальное, важное сообщение».

Я, чуть прищурив глаз, показал, что понял.

– Принесите горячего молока. – Евтушенко проверял пульс, придавив пальцами мне артерию на шее.

– Мигом, Тарасович Ольги, – встал с табурета Балаян.

Моя рука свесилась с края кровати и легла на что-то округлое, прохладное. ФРКУ, догадался я. Зипун нащупал под шлемом, свёрнутым и перетянутым портупеей. Три-

ко-ком оказалось скатанным в приёмники, лежал я голым – с одними на теле браслетами, ошейником и «пятерочкой», наудачу видимо забарахлившей – «чехул» не скатан.

Боднув дверь, козёл вышел следом за Балаяном. Евтушенко поднялся с табурета со словами: «Лежите, лежите», – и отошёл к столику с хирургическим инструментом.

Балаян вернулся скоро, нёс перед собой кружку с молоком. Козла не впустил. Удерживая ношу двумя, разжал и растопырил пальцы остальные – развернул ладонь мне в глаза и я увидел в ней надписи фломастером.

– Не обожгись, дарагой, – предостерёг старшина тоном добросовестной сиделки. Сказал с явным акцентом грузина и я, не знаю почему, понял, что предостерегает меня бурно не реагировать.

ТАРАСОВИЧ – МАРГО

СТЕПАН – БИН НЕМО

ПРЕЗИДЕНТЫ – НЕ ЧЕШУТСЯ

Прочёл я.

Отпил молока, но проглотить не получалось. Оттолкнул губами кружку, захлебнулся, закашлялся.

ТАРАСОВИЧ – МАРГО.

Плетёт старшина. Тарасович Ольги – Марго? Ты что, дезертир, смеёшься, издеваешься? Марго – в облике Евтушенко. Да не в облике – в теле. Обалдел. Хотя... Труп Марго – в саркофаге. Её «камень» вполне могли подсадить в мозг Евтушенко!

И тут передо мной, как наяву, встала картина: Евтушенко с ухмылкой и взглядом кобры, обходя строй, пожимает руку каждому моему марпеху в момент заполнения тому школьного ранца дарственным жмыхом. Я ещё тогда подумал, что он кого-то мне напоминает. А той же ночью приснился сон – Евтушенко в образе одноклассницы Сумарковой-Марго, известной своим кредо: «...выкреслять у паскудников охоту на корню». Девчонка с садовыми ножницами проходила вдоль шеренги голых, дровичших в «чехулах» хлопцев и оставляла за собой бьющие кровью и спермой фонтаны. Я тогда этому сну, когда каждую ночь снился кошмарный с похоронами отрядовцев и дядинового взвода, не придал значения, теперь прыснул молоком на шприц, залил хэбэлёнку под расстёгнутым медхалатом у Евтушенко. Сон – в руку.

– Поперхнулись, коллега? Жан-Поль, остудите молоко.

Заходясь от кашля, я стянул простыню с груди, вытягивая руку к ногам, оголил «чехул». Хорошо, «молоко», «чехул» не «взапуске» – не прозрачен. Евтушенко как раз подходил от столика, заметил наверняка, но ни как не отреагировал, бровью не повёл. Показалось, один уголок рта вытянулся в полуулыбку. Неужели в самом деле Марго? С её подачи одноклассницы дали мне прозвище «Покрышкин», после как в восьмом классе прекратил посещать бассейн на физре, стеснялся своего «слона» в «клёвых плавках».

Что это?! Вдруг сработала «пятёрачка»: «чехул» скатался и упрятался в кольцо! А да, смотри-смотри Марго, но преж-

него тату на «слоне» – ответочку твоим пираньям с пингвинами – не увидишь, жена собственноручно вывела вертушку-«троглодита», заменила на бегемота: убрала винты, наколола четыре ноги, на голове уши, глаза, ноздри, и хвост не забыла, колечком изобразив на нижнем кубике пресса.

Пока Балаян дул в кружку, а Тарасович Ольги делал мне укол в плечо, я лихорадочно соображал, как быть, что делать. Ведь Тарасович-Марго могла если не знать, то догадываться, с какой целью прибыл дядя на остров. Если меня не узнала, когда за жмыхом приходил, то сама сегодня в телефонном разговоре призналась, что знает, что вовсе не Вальтер я, а Курт Франц Геннадьевич, её, Марго, одноклассник, во время Хрона – друг даже. Не одну ночь в Интернете, переписываясь, провели. В любви ей как-то в шутку признался, что стало причиной разлада с другом Салаватом, мужем её, они тогда только сошлись после развода.

СТЕПАН – БИН НЕМО.

Этот козёл патлатый – Капитан бин Немо?! Простыню с меня тянул. Козла Степаном зовут! Вот оно как! А я представлял себе Степана мужиком неразговорчивым, в жилетке скроенной из обрезов моей хэбэлёнки. Думал и ему экзоскелет с комлогом подарить. А он не мужик – козёл... с «камнем» вождя Хрона... Где тело Немо?! Думай, думай, офицер, спецназовец.

ПРЕЗИДЕНТЫ – НЕ ЧЕШУТЬСЯ.

Балаян этим явно что-то мне подсказывает...

Эврика! Президент Пруссии на похоронах чесался! Постоянно был в перчатках, руки никому не подавал, даже в тёплую погоду носил. Я тогда посчитал, крапивница у старика, но скоро узнал, что не так. По ночам Президент уединялся в сопках, сбрасывал всю одежду и расчёсывал себя ожесточённо, до крови. Собака-поводырь ему в этом помогала, расцарапывая спину. После старик онанировал...

Есть! Тело у Президента Пруссии, на самом деле, – тело Капитана бин Немо. Тело – чужое, потому чесался. Слепой – потому, что Марго зрение намеренно заблокировала, ведь вторым после Политрука Кастрицы президентом государства был избран слепой проходчик, его окурок поджёг в шахте газ, он один и пострадал... Глубоко законспирировала Немо! Он – козёл Степан, он же телом – Президент Пруссии. Не докопаешься! Заодно и себя «закопала». «Камень» её в мозгу Евтушенко, а тело её упрятано в могиле первого председателя колхоза «Отрадный»... Замела следы, попробуй, докопайся. Разбираться надо. Думай, думай, офицер, спецназовец.

Всё, всё, отдохнуть, восстановить силы, чтобы разобраться и составить план по исполнению «миссии бин» – ликвидации Капитана бин Немо и захвату Марго... Убить козла, во сне не приснилось бы. Захватить, арестовать Марго – Евтушенко... кто б подумал.

Балаян поднёс к губам кружку с молоком, но я уже проваливался в сон. Последнее, что я услышал:

– Жан-Поль, вы мне так и не ответили. Припоминаю, когда за жмыхом приходили, на всех были такие же браслеты и ошейники... На одном только великане – Силычем помниться звали – их не было. Зато в знатные берцы обут, тоже спецназовские?

– Бацулы. По фамилии Бацула, обувщика. Сшил вручную. Браслеты и ошейник – прибуды секретные, звиняй, разглашать не в праве.

Слышал, как гроыхнула дверная пружина, меня уносили на носилках. Снаружи ожидал Степан, показалось что лыбился. Козёл – Немо, вождь Хрона! Сатана рогатая!

Из последних сил, проваливаясь в забытьё, я облизал ладонь.

* * *

Очнулся разбитым и с болью во всём теле. Сообразить не мог где я.

Темно. Лежу. На сене!

Запах сена, который я ни с чем не спутаю, совсем сбил с толку.

Мои внутренние часы определяли, что с момента как Балаян напоил меня горячим молоком, и я забылся под улыбкой Степана, прошло часа три-четыре – время вполне достаточное для сна. Но отчего боль по всему телу?

Я один? Почему так темно? И не звука. Потолка не различить, одна темень, чернота.

Страшась того, что окажусь связанным, подвигал, перевозимая боль, руками.

Нет, свободен... Шлем где!

Развёл руки в стороны и пошарил безрезультатно по полу, а отвёл вверх за голову, дотянулся до чего-то твёрдого, холодного. Рама ФРКУ, обрадовался я. Подался плечами выше, потянулся – нащупал шлем.

«Свечи» в носу?.. Нет!

И голый? Так и есть, ошейник, браслеты... кольцо на мне, но не «взапуске»: трико-ком скатано.

Пяткой ощутил что-то склизкое. Ощупал. Осторожно надавил, потянул носом и сообразил – навоз. Вспомнилось, возможно, не совсем слизал с ладони фломастер, остались Балаяновы надписи. Сунул руку в слизь и тщательно поелозил.

Под пальцами что-то пружиняще-упругое. Не земля, под сеном что-то тёплое. На ощупь шагреновое, ощущение – как от каучуковой вставке в бакелитовой подручнице шмелетницы.

Вдруг почувствовал еле уловимое колебание пола. Расслабился и глубоко, с лёгким вдохом через нос и долгим бесшумным выдохом через рот, подышал. Попытался сосредоточиться на запахе сена, хотя и запах навоза, не скажу, чтоб был мне противен.

Взаперти, что ли, я? В забытьи проговорился про «миссию бин», Евтушенко и запер... Он – Марго! А Степан – Немо!..

А не причудилось мне всё?.. У околицы Мирного обнаружили меня без чувств или Стеша с вышки заметила, позвонила по телефону, тревогу подняла. Я, наверняка осоловел, хохотом заходился. Подумали, с катушек съехал. Сопrotивлялся – избили. Балаян один понял, в чём дело, что с засорёнными «макариками» я в носу, вызволил. Провалил операцию, гадал и боялся я, что всё так и есть.

Прислушался. Звуки только от ударов сердца. Негромко произнёс «раз, два, три». Помещение не гулкое, без окошек – значит, не хлев. Тесное – эха нет. Будто в склепе. Посчитал до двадцати, как учил дядя, чтобы в подобной ситуации успокоиться и выждать.

Успокоившись, принялся делать физические и дыхательные упражнения, чтобы не забыться ненароком. На выдохе вдруг почувствовал кожей выбритой груди движение воздуха. Ни звука открываемой двери, ни света в кромешной тьме я не услышал и не увидел, но ощутил всем нутром, что кто-то в помещение проник.

Замер и сжал немеющими пальцами раму ФРКУ. Испуг мобилизовал мой организм: боль в теле пропадала, уступая место силе. Не прошло и десяти секунд, а я ощущал себя способным без помощи рук вскочить на ноги и огреть шлемом любую тварь, какая сюда пробралась.

– Вы пришли в себя, господин председатель?

С вопросом зажегся фонарь и я в прорезях подрагивавших век различил две фигуры. Стояли в двух метрах, не

двигались, смотрели на меня и ждали ответа. Я молчал и всматривался сквозь ресницы, стараясь определить, вооружены ли. Нет. Ни автоматов, ни пистолетов. Два парня лет по двадцать пять, одного роста и телосложения. Причёмски разные: у одного волосы ниспадают на плечи, у другого, видимо, стянуты в конский хвост. Лицами схожи, будто близнецы. Андроиды-самура!

Производство андроидов прекращено и запрещено международным соглашением – в Хрон ещё – и контролировалось «Булатным трестом». Знал, что созданы были и жили те на Аляске, но однажды в одночасье покинули её. Нанялись работать на «Ёлку» – космический плот, доставивший на Красную планету переселенцев с Земли. На Марсе андроиды и остались, работали в забоях по добыче коралла. Эта пара, должно быть, плод самых последних достижений генной инженерии и нейрохирургии – творения Сумарковой. Андроиды-самура и андроиды-пирани.

Я вытянул ноги, разжал занемевшие на раме ФРКУ пальцы и положил руки ладонями на бедра. Отражённый свет фонаря немного осветил всё помещение со сводчатым потолком, похоже из того же материала, что и пол. Да в Мирном ли я? На острове ли, вообще. Спросили по-русски, не по-арабски. «Машинки» – американские: форма на них морских пехотинцев.

Чего запаниковал? Пришли просто узнать, оклемался ли, ругал я себя. Хорошо «самура», не «пирани». Перед девуш-

ками голым, в навозе – «красовец». Глянул в ладонь. Преренье Хрону и Слава Богу! Фломастер стёрт.

– Да! Мне лучше! – Ответил нарочито громко, выкрикнул: проверил на испуг. И бровью не повели. Самура, так и есть.

– Сами встанете, или помочь? – спросил второй. В руке перед собой он держал прозрачную чем-то наполненную миску. Аромат перебивал запах сена и навоза. Ананасы, определил я.

– Сам.

– Хотите ананаса? В сахаре.

Я поспешно поднялся на ноги. Хочу ли я ананаса! Ах, ты ублюдок, возмутился я про себя и тут же обеспокоился подозрением: ананасы я любил, объедался в детстве и юности. Немногие из моего окружения об этом знали. Балаян, Брумель и Лебедько не знали. Марго знала!

– Так хотите? – протянул мне миску чуть ли не к носу.

Я молчал, парни невозмутимо ждали.

Нарезанный колечками ананас в миску положили, видимо, только что: сока не пустил и сахар-песок не весь впитал. А пахло! Запах навоза затмил.

Все же чувство предосторожности взяло верх. Съем, – стану козлёнком. И я поблагодарил, проглотив слюну:

– Нет, спасибо. Натощак я фруктов не ем.

– Как хотите, – парень, взял колечко, отправил в рот и предложил товарищу: – Будешь?

Тот подцепил два колечка, стряхнул с них сахар. Я изошёл слюной, сглотнул три раза.

– Зовите меня Альбертом, – представился патлатый.

– А меня – Алексом. С вашего позволения шлем и свёрток я понесу. Пожалуйста, проследуйте на выход.

Андройды-самура, как есть, утвердился я в своём предположении: имена на «А» начинаются. Эти не с Марса, земные, послехронные. Немо, козла, выкормыши. Марго рук дело.

За спинами парней беззвучно разошлись по сторонам створки овальной по форме двери. Что за ней, различить было невозможно, но зато я расслышал отдалённое мерное гудение. Подводная лодка, предположил я. Если так, то чья?

– Хорошо, – согласился я, – возьмите шлем. Мне, я полагаю, представляться нет необходимости. Как следовать – впереди или за вами?

– Следуйте, пожалуйста, за мной – вы дороги не знаете, – предложил Альберт и вышел в коридор. Алекс предупредительно посторонился, пригнув под сводом потолка голову. Оба были одного со мной роста.

Скажите, пожалуйста, какие мы вежливые, съехидничал я, расценивая поведение моих – я в этом не сомневался – конвоиров.

В проёме люка я обернулся. Алекс, оставив миску с ананасами на сене, подхватив свёрток из моей одежды, свободной рукой поднял за раму ФРКУ – будто соломинку какую, легко оторвал от пола и уложил себе на плечо. Шлем взмыл

вверх по широкой дуге и отскочил, ударившись об свод потолка, отчего салазка в раме парню в плечо прямо-таки впечаталась. Тот, не поморщившись даже, в замешательстве от своей неловкости улыбнулся мне.

– Поосторожнее, молодой человек, – попросил я, про себя подумал, вот так, сзади даст по черепу...

– Господин Курт, – позвал Альберт, – пожалуйста, поторопитесь...

Двинулся я за Альбертом просто ошеломлённым: назвал меня Куртом! И знает, что ананасы люблю. От удивления даже приостановился: Марго сдала, на подлодку уpekла.

– Я освещу вам путь, – поторапливал Альберт.

Ты осветишь... Ты и прибьёшь, когда Марго прикажет, подумал я. Она и самим Немо заправляет, этим козлом Степаном.

И ступая в высокий проём второй двери, я опустил подбородок на грудь и заложил руки за спину – как это проделывал некогда курсантом Рязанского училища ВДВ, выходя из камеры гауптвахты.

В коридоре поднял голову и в слабом, отражённом от стен свете фонаря различил изображение на спине Альберта: астероид, летит на фоне звёзд, в «носу» строение с египетской пирамидой схожее.

Куда мы направлялись и куда пришли, не знаю – меня оглушили. Вряд ли шлемом, свёртком из хэбэлёнки и ботинок с крагами.

Очнулся я лицом в гладкую белую стену. С кольцами на руках и ногах, то были не браслеты трико-ком – зажимы в подлокотниках и поножах массивного металлического кресла. Осмотреться мне не давал вмонтированный в подголовник спинки обруч, больно стягивающий мне голову.

За спиной вспыхнул яркий свет и на стене появились силуэты двух фигур, отчётливо-чёрных, будто упрятанных и подсвечиваемых за белой простынёй. Женщина: полусидела на спинке кресла, в руке держала длинный тонкий мундштук с сигаретой. Другая фигура, развёрнута ко мне в профиль: я присмотрелся... да нет, не козёл. Силуэт восседал в кресле по-человечески, копытом подпирал голову чрезмерно патлатую, с поразительно массивными в лобной части и в баранку закрученными рогами. Под брюхом между задними ногами, под повязкой плохо скрывающей причиндалы самца выпирало овечьё вымя с двумя сосками.

Через отверстия в стене на меня взирали глаза, настоящие, живые! Нечеловеческие. Животного, у козла Степана такие. Это было бы занятным, если бы не жутким.

– Кто ты, рогатый?! – вырвалось у меня.

– Зови меня Муфлоном.

Глаза моргнули. А прозвучало сзади. И говорили человеческим голосом!

– Шутка. – Я не спросил, а как бы констатировал факт –

этим попытался не подать вида, что ошеломлён, и показать, что со мной подобные номера не проходят.

– Не желаешь звать Муфломом, зови Капитаном бин Немо.

Я закрыл глаза. Отвечали мне голосом, похоже, смоделированным, значит, не факт, что сам рогатый говорил. И ни какой он, ни Капитан бин Немо. Ведь козёл Степан – Немо. Степан – самец, здесь же, не понять кто. Гермафродит.

Перейдя на игривый тон, я попытался пошутить:

– Реинкарнация. Величайший террорист всех времён и народов Капитан бин Немо после своей кончины от рака не стал раком, воплотился в... барана. Причём, в барана необычного – муфлона, не понять какого полу.

Меня остановили:

– Прекрати отнимать у нас время, Франц... Ты согласишься. С тобой действительно говорит Капитан бин Немо. Только он не величайший террорист всех времён и народов, а Спаситель Земли и человечества. Я Марго.

– Ну, конечно. Ха-ха. Спасителя я никогда не видел, но то, что он козёл подозревал, тем грешен. Оказалось – баран. Но вот в то, что за спиной сидит Марго... возможно, поверю, когда меня в этом кресле начнут поджаривать.

– А сейчас согласишься?

Стена превратилась в зеркало, глаза в отверстиях – в черные провалы. Моя тень преобразилась в моё отражение. Силуэт слева – в барана в кресле. Теневой профиль справа в...

– я присмотрелся...

Я сплю!

Ущипнуть себя не удалось: рука осталась в зажиме.

Женщина села на подлокотник кресла и закинула ногу за ногу. Красное вечернее платье, диадема с крупным рубином в ослепительно белокурых волосах, красные выше локтя перчатки, сигарета в длиннющем набранном из рубинов мундштуке. На лице вуалька до губ, красного же цвета, но я узнал Мальвину. Младшая сестра Марго и подруга моей сестры Катьки. Она была любимицей городка, где мы жили. Прекрасно читала стихи Цветаевой, на дискотеках заводила мальчишек потрясающим степом. После школы уехала жить и работать моделью в Париж, Катька поддерживала с ней связь через Интернет. Редкой красоты фигура, Мальвину в нарядах самых знаменитых кутюрье сестра мне показывала на самых престижных сайтах. Хрон не пережила, умерла от неизлечимой болезни. Похоронить покойную сестру Марго увезла из Парижа в Нью-Йорк. «...за нарушение запрета создания андроидов Сумаркова Пульхерия Харитоновна преследовалась законом во время Хрона»; «...проводила исследования после Хрона на Марсе и бежала с секретными результатами на Землю к Капитану бин Немо»; «...все попытки найти и арестовать, безуспешны...»; «...предположительно способна скрываться в чужом облики, т.е. не в своём, чужом теле» – всплывали у меня перед глазами строчки оперативок и отчётов по «миссии бин».

– Степ сбациаешь? – держался всё же я.

Женщина стряхнула пепел в пепельницу.

Мальвина, она. Марго в её теле! Выходит, не в теле Евтушенко. А может, и Степан не Немо, а этот баран с выменем.

– Могу и Цветаеву прочесть и степ сбациать, а могу напомнить, как в инете показала тебе тату с пираньями и пингвинами. Первые пожирали вторых. О том, что и ты похвастался вертушкой-«троглодитом», тату на голове «слона», Салават не знает. Веришь? – затянулась сигаретой Марго.

Поверил, она, Марго! Зажмурился, посчитал до двадцати и надтреснутым от волнения голосом спросил:

– Чего ты хочешь, чудовище?

– Ну, положим, чудовище я, – вмешался баран, или овца, – Пульхерия же – гениальный медик, прекрасной души человек. Она спасла жизнь сотням, двух-трёх только зарезала на операционном столе. Пользует тело сестры, но этим себя спасла и ей жизнь продлила. Мою вот в баране обещает устроить полноценной... человеческой. Хотя, по правде сказать, теперешнее тело меня вполне устраивает – особенно в сексуальном плане. Я – баран, но у меня есть и овечьё вымя. Хочешь попить молочка – моего собственного производства?

– Я хочу, – не дала мне ответить Марго, – твоего согласия отдать – с лёгкой, подчёркиваю, душой – своё тело Спасителю. согласишься, операция пройдёт гарантированно успешно и впоследствии не будет рецидивов на отторжение.

– Почему донор я? – Подскочил бы в кресле, если бы не оковы. От испуга перешёл снова на игривый тон. – Я не молод – зубов нет. Не здоров – лицо землистое и под ногтями «камни». Есть же, покрасивши меня!

– Кто, например? – выказал интерес муфлон. – Из мустангов, волков или драконов кого предложишь? Я их на дух не переношу. Так же, как андроидов и небёнов. Соглашусь только на земляка. Есть на примете?

– Селезень! – выпалил я. – Он земляк. Вырос на «Звезде», но родился на Земле. Молодой. Его воином воспитали, в «вэдэвэ» служил. Мужественен, работающ, спортивен, восьмой дан. Разведчик.

– Зубы тебе вырастим, макияж, маникюр, педикюр сделаем. Шерсть оставим, и уши не тронем: в волосе и «серьгах» у тебя накопились микроэлементы ягоды-оскомины, антине-кродика. Только отмоем, надушим, а то, не при Спасителе будет сказано, воняешь овчиной. Сделаем, сделаем из твоего тела, Франц Курт, мужчину «клэсс»... Ладно, Франц, я вижу, ты недопонимаешь своего положения. Трусишь?

– Моим новым телом, чьё станет?!

– Гарантированно удачно подсадка «камня» для возможной в перспективе переподсадки в тело человеческое удаётся животному. Вон, Спасителя чуть уговорила, теперь не могу уговорить очеловечиться. Кого предпочтёшь, – коня, буйвола?.. Через пару-тройку лет получишь тело человеческое, с мозгом чужим, но с «камнем» – сознанием – своим. Ре-

шишься на «прямую подсадку», сразу в тело человека, подышем тебе донора. Кстати, сейчас из людских тел подготовлено моё. Саркофаг на кладбище вскрыли проверить состояние трупа, нарушений консервации не выявлено. Решишься, используем. Я ухажу делать операцию, после договорим. И, надеюсь, договоримся.

Я онемел.

На экране викама за спиной у Марго появилось изображение человека – хирурга, по всей видимости: в облачении нейрохирурга, с маской на лице, руки в резиновых перчатках «перед собою».

– Госпожа, Донгуан подготовлен. Ждём вас. Освежёваны двенадцать овечек.

– Все гладко прошло?

– Да.

– Снимите маску.

Я вскрикнул, узнав Селезня.

– Только не в Донгуана, – тихо, сдавленно попросил я, но только затем, чтобы слышать свой голос, контролировать свои мысли, поверить в происходящее, понять, что мне всё это не снится.

– Ты соглашаешься? – услышала меня Марго.

– Нет! Нет! – закричал я.

– Хорошо, просьбу твою учту. Честно сказать, и на Донгуана я имела виды. Не знаю, какой дурень формировал табун для экспедиции Мацкевича – ни одной кобылы... Из маток

овечек скомпонуюем одну большую и подсадим жеребцу, будет он нам лошадок рожать.

– То есть, я рожал бы?!

– Ну да. Я так не планировала, но идея вызревала. Не нравится, советую выбрать моё тело. Рожать, сам видел, не сможешь, не чем. Станешь знаменитой и симпатичной сподвижницей Спасителя.

– Завербовала Селезня? – нашёлся я, как бы сменить тему.

– Ты же драл его как сидорову козу. На самом деле, сейчас перед тобой известный до Хрона, я у него училась, нейрохирург, и мой пациент, один из первых кому мне удалось подсадить «камень» напрямую – от человека к человеку. Тело у него новое, десантника Селезня, действительно, разведчика. После оперировать не смог – тремор, поэтому был внедрён в роту полковника Курта. Эксгумацию, проверку сохранности моего тела, он провернул. Мотивировал тем, что, на кладбище, тянул телефонный провод в поиске обрыва, услышал под обелиском голос, взывающий: «Захоронен здесь не первый председатель колхоза «Мирный», а Капитан бин Немо». Лебедько смеялся, но убедил прапорщика, показав в комлоге фото раскопанного угла саркофага. О саркофаге и найденном в нём тебе доложить не успели, моя «команда А» – Алекс и Альберт – выкрали тебя на пути к Мирному. Ты летел «стрекозой», от хохота заходился, парни и словили тёпленьким.

– Лебедько ваш человек? – спросил я, вспомнив, что

в формировании моей роты не только лейтенант Комиссаров мне не понравился, но ещё и ефрейтор Селезень. В собеседовании усомнился в их квалификации. Разведчик, не все обычные в проведении боевых операций спецназовцами условные знаки и жесты знал. Путаюсь, показывал, мои подсказки не улавливал, и я помнил, исподтишка разглядывал у меня на столе листовки-методички по оказанию первой медицинской помощи при ранении в голову. Это я до него лейтенанта Комиссарова «гонял». Подал рапорт и обоих медика и разведчика вернули в штат дядиной роты.

– Работал на Изабеллу – нашу с тобой одноклассницу, теперь мужчину, коллежского асессора, Помощника Командера Сохрана Исхода и куратора «мисси бин». Лебедько – неосознанно, у него так получалось – лил воду на нашу мельницу. Завербован сохидами, но не при полковнике Курте, в твоём уже подчинении. Сейчас у нас... срок мотает. Кстати, Балаян тоже... Иза Белл и Хизатуллин проиграли, как ты теперь понимаешь. Мы и ты с нами покинешь Землю. Не с пустыми руками – примерно с половиной крио-тубусов Колумбария Исхода. Эмбрионы доставим в иные миры – туда, где детишки вырастут счастливыми. В этом помощь нам окажет твой дядя... Он жив.

Ну это ни в какие рамки!

Вольготно развалившись в кресле, я вперился глазами в потолок, говорил решительно с чувством облегчения – старался не выдавать всю обречённость, что накатывала лави-

ной.

– Всё ми-сти-фи-ка-ция... Я знаю, кто на самом деле Марго и Капита бин Немо – в чьих они телах, но вам самозванцам не скажу. Вы мне ещё имя Коммандера Сохрана Исхода назовите, в строжайшей тайне держится, Иза Белл один в том сведущ, и то не факт. Хизатуллин, вряд ли. Я не знаю, хоть попытайте. А дядя... я его похоронил.

– Не финти, Франц, знаешь. Дама Вандегельде, Рыжая. Не веришь тому, что дядя жив, покажу тебе трансляцию из нашего тира.

Из подголовника кресла мне через голову выдвинулся к глазам монитор.

В сводчатом из «каучука» помещении на табуретах сидят солдаты в форме морских пехотинцев: могучие скандинавы, решительные европейцы, задиристые американцы, горячие азиаты и инфантильные африканцы. Большинство в зале русских. Не только по цвету кожи и типу лица определялась национальность, но и по надписям имён на нагрудных нашивках. Были здесь, видать, и земляки, но несколько всего человек, пожилых и с сержантскими на погонах лычками. Все вскочили на ноги и вытянулись по стойке смирно, приветствуя вошедшего офицера. Тот, став за кафедру, достал из нагрудного кармана носовой платок сложенный «конвертиком», развернул – на батисте лежат два небольших цветка меди цилиндрика с радиальной с одного конца головкой. С виду напоминали пистолетные патроны. И продолжил ви-

димом прерванную ранее лекцию: «В состав респиратора не входит обычное: заплечный ранец или подсумок с блоком очистки воздуха, маска из силикона на нос, гофрированный патрубок, одним концом в ранец другим с загубником в рот. Такой тип респиратора представлен вам на манекене военнослужащего регулярной армии Альянса ЗемМария. У меня же в руках респиратор принципиально иного типа, экипированы такими будут пока только спецназовцы. Состоят фильтры – по одной в ноздри – из вот таких двух капсул. Опытные образцы, пока названы «свечами»... Но я бы назвал «макариками» – из-за схожести по виду с патроном «пЭэм», пистолета Макарова. Полагаю, за свою ценность на Земле будут прозваны «валютой».

– Ну, слушал я эту лекцию, когда-то на «Звезде». В этом ролике читана не на спутнике... под водой на глубине, в тире подлодки. Ну, похож лектор на полковника Курта, но не факт, что он, на самом деле. Подлог.

– Не буду как-то иначе доказывать, то, что твой дядя жив, сейчас возглавляет нашу службу безопасности, в это самое время проводит занятия в тире базы, прими на веру. Только напомню тебе, Лебедько с Чоном Ли после гибели прусского взвода, одни, всех прогнав, обмывали трупы сослуживцев. Не дали Геку постричь и побрить Чука, уговорили не брить твоего дядю и его солдат. Тебе не показалось это странным? В волосе солдат и крестьян Отрадного – кстати, среди последних, тех кого уложили «платки и «простыни»,

была группа из моей «команды А» – накопился антинекротик от известной тебе островной ягоды. Сейчас они – все живёхонькие – несут службу под началом твоего дяди.

– Крестьяне Отрадного живы!?! А как же стопор-ядра «умок»? Лазерная дробь, сам видел, косила крестьян. Не могли выжить!

– Стреляли стопор-ядрами, начинёнными препаратом «оскоминицын», под воздействием которого крестьяне и солдаты впали в состояние летаргического сна без признаков жизни, так и были погребены. В могилах жизнь поддерживалась антинекротиком накопленным в волосах, бородах, ушах и мочках. Лебедько разыграл комедию с голосами на кладбище, ты запретил посещать могилы... чем и воспользовалась «команда А»: шахтами под погостами спустили спящих в реанимацию. Должно быть, догадываешься, Бабешка вовсе не остров – «колокол донный».

Ахренеть!!

– Твою полуроту на Бабешке планировалось разоружить. Вооружение и экипировка у спецназа самые передовые, оружие и оснащение Вооруженных Сил Пруссии ты видел. На острове, ещё в бытность здесь стройки, Русь снимала батальную сцену из художественного фильма о Великой Отечественной войне, после решения строителей создать своё независимое государство, съёмочная группа и актёры от демократии бежали, бросив реквизит. Операцию разоружения разработал сам полковник Курт, но не обошлось без накла-

док: по пути из ЗемМариин не передали тебе дядино письмо с инструкциями, поэтому высадили ты на остров раньше запланированного времени и не в урочном месте. Твоих разведчиков на водокачке приняли за пиратских лазутчиков. Впрочем, цель операции была достигнута: пусть не полуроту целиком, взвод один заточили на острове – оставили на нашей стороне. Земляки с жизненным опытом, да и молодые здоровые небёны нам нужны. А дядины и твои, так не просто здоровые – долгожители, питались чуть ли ни одной ягодой-оскоминой. В тире на лекции тебе показанной не присутствовали, их нечему обучать, да и образин таких на камеру не снимают. Им предстоит небезынтересная жизнь... Всё сложилось, как нельзя удачно...

– Стоп! Хватит! Уберите от глаз монитор, хочу видеть вас, лжецов. Вы прокололись! Дядя ни какой не образина. Таким свежим, красавцем, мужчиной в расцвете сил я его видел последний раз на «Звезде». Сейчас в тире на подлодке он должен быть весь в меху, с обезображенными зубами и ушами!

– У него рецидив амнезии, поэтому оскомину временно не потребляет. Ты же знаешь, в таком разе образина возвращает себе обычный нормальный человеческий вид – временно, пока кризис не уйдёт и человек не примется снова употреблять ягоду. Ладно, шутки в сторону. Говорю, всё сложилось, как нельзя удачно. Иза Белл с Хизатуллиним посчитали, что Пульхерия Сумаркова совершила подвиг – пожертвовала своим «камнем»... подсадили в поражённый болез-

нью мозг Капитану бин Немо. Были основания так ошибиться, ведь после прекратились угрозы уничтожить ЗемМарию ядерной ракетой. Руководители операции «миссия бин» посчитали, что таким необычным способом была выполнена задача ликвидации Немо. На самом же деле, до сего дня «камень» Спасителя регенерируется в черепе муфлона. Монитор убрали, смотри на этого великого человека... Недолго ему осталось пребывать в облике барана, человеком станет. Нам удалось переправить крупную партию эмбрионов с Марса на Землю. Сюда – на Бабешку. К тому времени, когда год назад Селезень и компания с Донгуаном – ты был свидетелем – вскрыли саркофаг, дело было сделано.

– Год назад?! – Я скосил глаза на свою грудь, выбритую мной перед походом в Мирный. Не блестит закорницей! В меху!

– Где я?!

– Под Бабешкой, в «колоколе» на глубине. Конкретно, в звездолёте. Здесь твои марпехи и дядины десантники. До встречи, Франц... Спаситель, Донгуану оставить его член?

– Нет, пожалуй. Отрежь и замени им мой – наплюжу ягнят могучих, пока я ещё баран. Тело мне, не уговоришь этого Фому неверующего, моё вернёшь, как договаривались. Иначе останусь муфлоном.

* * *

Солнечные лучи били по глазам через узкое оконце. Я си-

дел на табурете за столиком. Одет был в хэбэлёнку, мне не по росту, короткую.

Похмелья не чувствовал и не помнил, когда, как сюда... – колхозное правление узнал я помещение – в трубу попал.

Крикнуть дневального? Кстати, и пожрать чего принесёт... Гильза на полу... Телефона на столе нет.

Но что это?! В окне амбар! Где столовка?

В оконце правления виден колхозный амбар, а должна быть столовка, вагон-ресторан.

Тут вспомнил, такое однажды уже раз случилось – на юбилей возрождённого колхоза «Отрадный». Изрядно накушавшемуся киселём мне взбрело в голову уединиться. Силыч мой уход заметил и скоро тоже пришёл к правлению. Подкатив и встав на камень у трубы, поднявшись на цыпочки (ему, великану, ходули не нужны), прильнул к оконцу и не найдя меня на месте за столом резонно посчитал, что председатель лежит под столом. А пытался, подпрыгивая, убедиться в том, заметил мои руки, торчащие из лаза: я не дополз до стола – уснул во входной отводной трубе. Завхоз кликнул мужиков, хлопцев послал сбегать за сапёрками. Подкопали они трубу и развернули врезкой на сто восемьдесят градусов... оконцем теперь не на столовку, а на амбар. Проспавшись, я выполз из лаза на стол. Табуретку, покидая правление, я засовывал под столешницу, поэтому никакой смены расположения обстановки в помещении я не заметил: столешница круглая и сиденье табуретки тоже, как стояли по центру

круглого помещения, так и после разворота трубы остались так стоять. Постучал зажигалкой по металлу и скоро Хлеб на ходулях приставил к оконцу котелок с киселём, а я высунул в оконце гильзу. Глядь, сзади за кашеваром... амбар, тогда как должна быть столовка, вагон-ресторан. Я оторопел, ничего не мог понять. Не помог и кисель, выщеженный через гильзу одним духом... На воротах амбара висит кусок гофры с прорезной – клинковой с перемычками – надписью: ПУ-СТО. Глазеть днями на пустующее строение, предназначенное под сбор и хранение урожая, мне, председателю колхоза, понятное дело, не хотелось, поэтому заставил вернуть трубе первоначальную ориентацию «входа» и оконца относительно строений вокруг ратушной площади. Вид на вагон-ресторан с вывеской «СТОЛОВКА ВХОД», оно поприятнее будет, хоть и там, на столе, было чаще всего негусто, а то и пусто, одна оскомина.

Но догадка, что снова со мной пошутили, скоро улетучилась: я не увидел на месте за амбаром и стены «миски». Купол-ПпТ не накрывал деревню! Прильнул к оконцу и насколько позволял узкий проем, посмотрел по сторонам. Нет «миски», нет амбара, столовки, спального барака, в Отрадном остались только юрты да чумы, ветхие, заброшенные.

Резко вдохнул и засунул пальцы в нос, проверить «свечи». Нет! Как же так! Не отравился, но осоловеть уже должен: сижу хоть и в трубе, но не под «миской»-же. Не сквозит (чему я тоже подивился), но воздух-то поступает в жерло над голо-

вой – от колоколов.

Тваю... колокола пропали. Спёрли! И лестницы с пере-
кладной нет! Что за хроньё!

Обескураженный вконец я лёг животом на стол и полез в
лаз – на выход. Упёрся в заслонку, но выдавить её руками и
головой не смог. Надавил сильнее, не поддалась. Пробовал и
пробовал пока не допёр, что света проникавшего по конту-
ру заслонки сейчас не наблюдается. Пошарив, под пальцами
не ощутил рифления гофры из пластикового листа, по кото-
рому некогда Силыч вырезал надпись «ПРАВЛЕНИЕ КОЛ-
ХОЗА. ВХОД».

Заслонка не из пластика, не Силычева из гофры, из ме-
таллического листа, сваркой к трубе приварена. Да что за
хроньё!

Полез назад. На столе развернулся кругом и теперь пополз
на выход ногами вперёд. Не выбить заслонку и ногами. Ни
щёлочки – ни лучика света. Точно, приварена.

Выхода через «вход» из правления нет, и я пополз назад в
трубу. Поставил табурет на стол и обнаружил... дверца сей-
фа открыта настежь, внутри пусто. Дна, тыльной стенки у
шкафа, нет. Чернота. Провал. Руку опустил по плечо. Тянет
холодом. Пошарив, нащупал стену из камня – сырого, склиз-
кого. Ниже наткнулся на скобу.

Колодец! Лаз!

Полки в сейфе убраны. Исчезли ротный штандарт, спец-
назовские ножи, неприкосновенный запас «свечей». Но в

сейфе имелось отделение с дверцей на кодовом замке, в нём хранилось трико-ком погибшего ротного комиссара, его и мой ножи. Код помнил, набрал лихорадочно. Всё на месте. Закреплял – благо, комиссар был моего роста и комплекции – на запястьях браслеты, заметил с изнанки расстёгнутой манжеты рукава гимнастёрки метку нитками «ЯН». Балаянова хэбэлэнка: обмундирование своё так старшина помечал.

А надевал по местам браслеты, больше пущего поразился. Ногти! Растопырил я свои пальцы. Без «каменной»! Подрезаны и наманикюрены!

Сбросил ботинки.

Педикюр!

Провёл вверх, вниз и по сторонам языком во рту.

Нет бюгеля! Зубы! Новые! Должно быть, по японской, как у Камсы, технологии выращены.

И я начал припоминать:

– Марго!

Предполагать:

Я бежал от Марго и Немо?.. Этим подземным ходом. Вряд ли самостоятельно, сюда в отвод меня притащили в забытии, ведь ни чего не помню. Оставили одного, посчитав, что из правления сам выберусь... Не будь так, наверное, уже был бы конём. Мой «камень» Марго собиралась в мозг Донгуану подсадить, предварительно подшив матку от двенадцати овец. И баранье – муфлона Спасителя – тело по обмену пред-

лагала! Ба-а! Марго и своё тело, то, что в саркофаге, предлагала!

Кто выручил? Лебедько? Балаян? Старшина – его хэбэ-лёнка. Или дядя? Не Селезень же. Смыть мне надо. Добраться до ЗемМари и найти возможность сообщить Салавату, что Немо жив. И Марго с ним.

В отделении сейфа оставался пенал с флешками-ком и ротной печатью. Я всё выгреб и вылез из-под стола. Флешки и печать по карманам, ножи – за краги, ошейник на шею.

До неба в трубе три метра. Осталась бы перекладина на месте, ремень с португеей накинул, и нет проблем. Пяток скоб, но их нет. Можно применить клинки ножей. Правда, их из четырёх штук на нож два только бронебойных, и пробить двухсантиметровую сталь из «патрона» в вытянутой вверх руке, без налёга всем телом на рукоять клинка, не просто.

С табурета на столе, стоя на клинке, дотянусь до среза трубы и подтянусь, прикинул я.

Третий и четвёртый выстрелы дали осечки, пришлось последние полтора метра подниматься «враспорку». Сбросил и взял в зубы Балаяновы ботинки, подтянул и затянул на икрах потуже краги и, пальчиками, пальчиками елозя по металлу, добрался как-то до цели. Подтянулся из последних сил.

Осмотрелся на все четыре стороны света. И у меня заныло в новеньких зубах: из строений в деревне, оставался только галюн. Будка лежала в стороне от отхожей ямы и вне фундамента ратуши, на плацу. Внизу под оконцем правления ва-

лялась сиротливо одна ходуля, булыжником придавленная. Поодаль за околицей различил в пылевой взвеси водокачку. «Змеевик» на месте – таким родным повеяло. «Домна» меня чуть успокоила и придала надежды, что не всё потеряно.

На такой высоте пыль радарам-бит не помеха. У немовцев должны быть, поди, секут всех и всё на острове. Я поспешил приспуститься ниже обреза трубы, «утонул» в ней.

Снял обмундирование, скатал в свёрток с перетяжкой поясом и сбросил под трубу. Как я сумел в положении виса, сидя в распорном шпагате, снять с себя хэбэлёнку, раскатать из ошейника и браслетов рубаху-ком, рейтузы-ком, носки-ком и рукавицы-ком – это лекция не для рекрутов молодых, а для спецназовцев опытных и бывалых. «Пятёрка» забарахлила и я «рискнул здоровьем»: спрыгнул на врезку отвода, спрятав член в рукавицах. Конечно, в таком положении устоять не удалось – с трёхметровой высоты я свалился кулем. Не вставая, раскрутил-таки «чехул».

А хрона теперь меня засекёте и поймаете.

Через дырочку в «чехуле» я помочился на трубу. Прощай, «капэ». Поднимался побежать к водокачке, вскрикнул от боли в ноге – вывихнул. Вправить – нет вокруг ничего подручного, во что ступню зажать. Свёрток закрепил к ошейнику и вправил в капюшон-ком за затылком, чтобы не засекли радары-бит. Вытащил из-под булыжника ходулю и, опираясь как на костыль, поковылял к водокачке. Весёленько: если высматривали, в мониторах немовцы видели одну толь-

ко ходулю, шагающую по пустырю.

Боялся, входная дверь башни на замке, а кода отпереть я не помнил, но та оказалась настежь отворённой. По винтовой лестнице поднялся в смотровую и прильнул к окну. То, что я увидел, заставило меня всматриваться и не верить своим глазам. За крестьянским кладбищем на горизонте деревни Мирное не наблюдалось. Пусто, всё исчезло: «миска», силосные башни, водокачка, юрты, чумы. Там где раньше стояли строения, угадывались в пылевой взвеси пляжный берег, за ним океанский простор. У пирса болтались на волнах проржавевшие сейнера, все четыре. Не хватало китобойного судна и шаланд.

Бросился к окну со стороны Быково, и меня сразило совсем. За воинским кладбищем на полпути до Быково нет на месте лифтовой трубы с факелом! Котлован засыпан! Но это что. Всю площадку деревни Быково занимало огромных размеров строение. Прямо «египетская пирамида», только, судя по блеску граней, из металла. Вспомнился астероид с пирамидой на спине андроида-самура Альберта.

Вдруг завибрировало под ногами. Я лёг на пол и ощутил всем телом лёгкие толчки. Землетрясений на острове не было, с чего сейчас ему быть. Послышался отдалённый нарастающий гул. Медлить было нельзя.

За секунды, применив станину сигнального фонаря, вправил ногу, и вниз по лестнице я летел, рискуя пересчитать ступеньки хребтом. Боялся, не успею – рухнет башня.

Теперь входная дверь оказалась затворённой. Толкнул её – не поддавалась, пробовал выбить ногой – не поддавалась: перекосило от толчков, завалило песком.

У Силыча мотыги, бросился я под лестницу. В кладовой темно и пусто. Заполнялась она колхозным инвентарём для работ в поле, осенью топинамбуром, из которого кладовщик гнал самогон, но сейчас ни земляной груши, ни мотыг здесь не оказалось. «Сапёрки», – вспомнил я про тайную каптёрку со спецназовским снаряжением.

Опустился на колени. Циновка на месте, под ней люк. Без ручки! Убрана. Вправил в браслеты рукавицы-ком... В ротную каптёрку я попал, погубив наманикюренные ногти.

В специальном кармане крышки люка не оказалось площадки с зажигалкой. Спустился по лесенке в крошечной темноте и хотел, было, пройти вперёд на ощупь, но вспомнил, что в нише ниже люка за лестницей должна лежать амуниция ротного старшины Балаяна. Протянул руки и нащупал что-то гладкое с выемками. Подпорка из обожжённой глины в нише. На ней клинковая резьба – та магическая, что Силыч резал.

Ощупал всё на полках.

Экзоскелет.

ФРКУ.

КНТМ.

БККСКП.

БККСКП. Две пары? Бацулы Силыча!! Здесь прятал.

Сапёрка.

Фляга.

Отвинтив колпачок, понюхал. Спирт. Фляга одна, второй нет.

Оделся в одно КНТМ, времени облачиться в доспехи не оставалось: вибрация, толчки и гул усилились резко, и тряхануло так, что глиняные стеллажи внизу рассыпались. Из фляги глотнуть успел. Схватив сапёрку, полез из каптёрки.

Подкопал дверь, но открыть не удавалось. Метнулся обратно в каптёрку. Забросив раму ФРКУ за плечи – агрегат мешал – достал бацулы Лебедько. Обулся...

...Вышиб дверь и выскочил, наконец, из башни.

Грохот – оглушил. Полумрак – напугал.

Обогнув башню, выбежал на сторону со склоном плато к Мирному и... увидел «стену». Из океанской воды! Цунами! Пока на горизонте, волна близилась.

Содрогнулась земля, я обернулся. Рушилась водокачка. Резервуар с водой проседал, подминая под собой стену из керамзитовых блоков. Стоять осталась труба увенчанная баком для воды – сердечник конструкции. Да вокруг спиралью змеившийся змеевик Силычев.

Заклубилась поднятая пыль, и вдруг её притянуло к земле, как магнитом. В тот же миг меня распластало на земле кокой-то неодолимой силой...

Рвать! К пирамиде, отдал себе приказ, поднялся и рванул со всех ног. Пробежал метров триста, теряя под ногами опо-

ру, падая часто.

Пирамиду я видел отчётливо – воздух стал необычайно прозрачным. Обернуться назад, глянуть как там стена цунами, близко ли, я побоялся. Успею ли.

На мне только трико-ком, значит, не видим на радарх-бит! Скаताю, – голого и засекут. Дам обнаружить себя, спасут, осенило меня.

«Чехул» снова забарахлил, я его оставил и скатал рейтузы-ком – подумаешь, узрят меня на мониторах с пустым местом в паху. Не до жиру, быть бы живу.

Вправились в «единичку» и «двойку» рукава с рукавицами, провернул рычажок задействовать приёмник для гольфа... и ошейник подал сигнал сбоя. Ну да, свёрток из балажановой хэбэлёнки с ботинками и крагами в капюшоне-ком не дал.

– Тваю... Рвал бегом когда за спиной шлем-ком! Не задействовать ФРКУ!

Свёрток из капюшона достал и подцепил к поясному ремню. Силычевы бацулы сбрасывал, откинув прежде из рамы ФРКУ подмышковые прихваты, в голос ругал себя:

– Болван, бежал в пудовых гирях!

Закрепив свёрток и к раме, подвесив бацулы на прихваты, заправив в браслеты носки-ком, поднял по салазкам и опустил шлем на голову. Отсоединил и сбросил всю «упряжь» ФРКУ – на прихватах и скобах продержусь. Креститься и читать молитву не стал. Заправил запястья в ремешки, ухва-

тился за скобы по ободу шлема и выбрал в меню опцию СОВМЕСТИМЫЙ. Дал команду ОТ ВИНТА, но оторваться от земли ещё не успел, как ноги подломились в коленях, и я упал на спину. Зарылся «стрекозными крылышками» в песок и меня юзом поволокло куда-то в сторону. В бивикаме замигали тревожные индикаторы. На мою удачу руки из ремней не выскочили, а с очередным толчком меня высоко подбросило, приземлило, тут же снова подбросило, и я успел дать агрегату форсаж.

Взлетал рывками – ФРКУ глух, и тяга, то возрастала, то падала. Все же агрегат «прочихался», загудел ровней, стрекозы крылышки разогнались, стали совсем невидимыми.

Шептал молитву – просил помощи. Была б рука свободной – крестился.

Крейсерской скорости я так и не набрал. Шестая включилась, но тут же на экране возникла строчка сообщения: «Агрегат имеет поломки, способен лететь со скоростью 4». Кажется бы, раз я набирал высоту, остров должен отдаляться, но плато внизу под ногами приближалось.

Бабешка взлетает?!

Нет, остров накренился. Там, за спиной погружался в воду пляж на месте Мирного, если уже не утонул.

Не выдержал, обернулся. Меня нагоняли все четыре сейнера, беспорядочно крутясь на приливной воде. За судами возвышалась волна цунами.

Не успеть мне!

И не успел бы, если бы не весть, откуда взявшийся вертолёт.

Через триплекс кабины я увидел уши с серьгами под наушниками. Пилот поднял большой палец. Чон Ли, китаец!

Выбросили верёвочную лестницу. Мне повезло, на счастье забрало шлема сбарахлило: триплекс в «борьбе» шлема-ком с земным тяготением задвинулся под кумпол, и я поймал лестницу своими новенькими зубами.

Забраться в кабину и разоблачиться от ФРКУ мне помогла девушка. Назвалась Степанидой.

– У вас, Франц Геннадьевич, красивый педикюр, – сказала, подавая свёрток с балаяновой хэбэлёнкой и смущённо отводя глаза.

Стешка!.. Ну, каких ей четырнадцать, лет двадцать, промелькнуло у меня в голове.

Я плюхнулся на сиденье голым задом. На мне оставались ошейник, браслеты и «пятёрка». Усевшись, положил, демонстрируя загубленный маникюр, скрещённые руки на «чехул»...

Дотянуть вертолёту до цели керосина не хватило, нас подобрало китобойное судно, отрадно-ское, как оказалось – китобой форсили комлогами на штормовках.

Тому, что отстреленный гарпун приняла подводная лодка, я не удивился. Тянула на буксире, идя под водой. Китобойному судну зарываться носом в волну не привыкать. Нагнали и высадили на ветролётоносец менялы Зямы. Подни-

мались на борт, с палубной посадочной площадки взлетала БММП. За шторкой в бойнице, мне показалось, увидел лицо старшего сержанта Брумеля, я поднял руку в приветствии, но тот отвернулся. Спросил у Чона Ли, Брумель ли, – пожал плечами.

* * *

Врач, по голосу смутно его помнил, привёл меня в чувство, две медсестры помогли встать с кровати.

– Господин Вальтер, как ваше состояние? Голова кружится, шум в ушах, поташнивает?

– То и то, себя не чувствую, – ответил я. Попытался осмотреться, но понял: на глазах повязка. Тело, руки, ноги плотно завёрнуты в плед. Медсестры оказались санитарками. Под медхалатом у одного плечом ощутил за поясом «узи» – магазин торчал, выдал.

– Скоро всё пройдёт. Вам освежили память, а ощущать себя начнете, как от пледа освободим. Не мешало бы ещё полежать, но получил распоряжение срочно доставить к хозяину судна. Вас посадят в каталку, наденут наручники... инструкция. От пледа освободят и повязку с глаз снимут на месте.

Перед дверью каюты ослабили затяжку пледа, но оставили закутанным, повязку с глаз сняли. Вкатили в просторное помещение, засланное по полу и увешанное по стенам коврами. В углу на оттоманке в окружении четырёх молодых в золоте и перьях возлежал меняла Зяма. Курил кальян, под-

нося мундштук после затяжки и к клюву внушительных размеров попугая, восседавшего посреди развесистой чалмы.

Чудит старик, посмеялся я, щурясь от слепящего в каюте света, попугай-то – чучело.

– Доброго здоровьишка, господин Вальтер. Знакомьтесь, следователь по особо важным делам Прокуратуры Сохрана Исхода... Гера, отстань! – прикрикнул вдруг меняла: оказалось, присмотрелся я, в чалме восседало вовсе не чучело, а попугай, вполне себе живой. Шипел на молодца: «Брысь, паскуды».

Булькало в колбе кальяна, я не разобрал фамилию следователя. Но узнал: мой одноклассник по прозвищу Доцент. Старше моего выглядел потому, что пробуждён в Анабиозарии Исхода раньше моего. Но вида, что узнал, я не подал. Не потому, что запомнил его имя и фамилию, а потому, что сам он, когда санитары удалились, оставив меня сидеть в кресле-каталке под лучом яркого света от лампы на столе, и глазом не повёл. Спросил: «Хотите курить?» и вызвал конвоира поднести мне, скованному наручниками за спиной, сигарету и зажигалку.

– Приведите обоих, – распорядился Доцент по селекторной связи.

Дверь у меня за спиной отворили и я – шли далеко по коридору – узнал шаги одного.

Внесли Евтушенко, и вошёл, прижимаясь боком к паланкину, Степан. Козёл, мотая головой, дёргал зубами за шнур-

ком, от чего камуфляж на его жилетке, забранной плечевыми ремнями от офицерской портупей менялся, то под листву, то под снег. Портупею я узнал – моя из кожи осветлённой, у ремешков пряжки не уставные: в эмблеме ВДВ по сторонам парашюта не самолёты, а вертолёты. В курсантах ещё выпендрился, благо ни кто из командиров не замечал.

– Этот мужчина утверждает, что он... Сумаркова Пульхерия Харитоновна. Что вы на это скажете?

Я глубоко затянулся сигаретой и ответил:

– У меня амнезия, два, а то и три, если не все четыре, года жизни стёрты из памяти, но со всей ответственностью могу заявить, что это так. Мне об этом сообщил секретарь сельсовета деревни Мирное Балаян Жан-Поль. Сопоставив некоторые факты, я ему поверил. Да, это Сумаркова. – Я выпустил дым кольцом. – Марго.

На меня нашло. Знал, Прокуратура Сохрана Исхода под пятой Партии англосаксов, им выдать истинную Марго – в теле Мальвины – что-то остановило.

К моему удивлению, этому моему заявлению несколько не удивились, переглянулись и засмеялись почему-то.

– А козёл кто?

– Немо, – пустил я вторую порцию колец.

Степан оставил шнур-ком, подбежал и, рогами поддев, распахнул на мне плед. Санитары вбежали, оттащили патлатого и плед запахнули.

– Уведите. Уважаемый Зяма, распорядитесь одеть под-

следственного. Привели нагишом, девушки «бегемота» увидели, смутили. Хоть бы плавки какие надели или наручниками сковали с переду. Стыдоба.

– Конвой! – позвал Зяма, – Оденьте заключённого. Франц Геннадьевич, как вам мой говорливый грач? Цыплёнок. Пока два только слова говорит, а вырастит. Правда, красавчик, – пошурудил мундштуком в чалме и из её развесистых половин «вылупилась» птица с выкриком: «Брысь! Паскуды!».

Присмотрелся. Туловище, да, в сизых с синим и чёрным перьях, но голова не с огромным крючковатым, с малым клювом. И глаз – без характерной для гиацинтового ары жёлтой по окружью «баранки».

Помесь, сплюнул я на пол. Поднялся Зяма, не одних предал, чтоб такого прикупить, таких не меняют. И опомнился: – Я заключённый?! Это какого хрона!

Каталку вытолкали из каюты, в коридоре опустили повязку на глаза, сняли наручники и одели в хэбэлёнку. Защёлкивали браслеты за спиной, я умудрился поддеть повязку за магазин «узи» – чуть приспустил её.

Катили по палубе, из-за угла надстройки навстречу вышла конвоируемая Степанида. Залюбовался девушкой: высокая, стройная... пышногрудая, бёдра крутые, ноги стройные, правда, с икрами излишне толстоватыми. Не скажешь, что юная, женщина в соку.

– Здравствуй, Степанида.

– Доброго здоровья, дядя Жан-Поль.

Я оторопел. Жан-Подем назвала! Балаяном! Да с какого такого хрена!

Конвоир покатил каталку. Одно сейчас у меня было желание, ощупать нос, проверить, у Балаяна он папашин, чемпион-носовика. Но, надели хэбэлёнку, руки наручниками мне сковали снова за спиной. Ноги пледом укрыли, ступней не видать. Пятьдесят шестого размера!

Весь путь в каталке до больничной кровати желал чтоб длилось передвижение по палубе вечность: боялся, уберут плед, снимут оковы, – увижу лапы разлапистые, огромные и волосатые. Истинного армянина. И хэбэлёнка, её рукава с пометкой ЯН на манжетке по длине окажутся мне впору.

* * *

К ней меня привёл тайком врач.

– Зачем ты это сделала? – придвинул я к кровати табурет и присел. Степан, лежавший рядом на полу, отстранился.

– Мне не жить... А ты не всё, но многое знаешь. Не помнишь, но память к тебе вернётся... Ты не задавался вопросом: как могло случиться, что среди переселенцев на Марс оказались твои одноклассники из глухой провинции: ты, я, Салават Хизатуллин, Стас Запрудный, Дама Вандевелде, Изабелла Баба, Саша Даничкин... Истребитель, запомняла его фамилию... и другие наши сверстники?

Истребитель. Царапины на телефонных аппаратах в виде

литеры «И» его Командующего ОВМР монограмма!

– Наша учительница и твоя жена Маргарита Астафьевна, твои родные сестра Катька и дядя Франц? И какое положение на «Звезде» все заняли. Многие служат во властных структурах Марса, управляют предприятиями по добыче коралла, являются командирами вооружённых сил. Я работала в секретной научной лаборатории. Ты, твой дядя, Салават – офицеры спецназа, Истребитель – командующий, Стас – министр в правительстве, Иза Белл – Помощник Коммандера Сохрана Исхода, а сам Коммандер – Дама Вандевельде. Иза Белл о том долгое время не знал, считал свою старушку обыкновенной домохозяйкой, которая ждала его со службы и выслушивала за ужином жалобы на вздорность и безрассудность Коммандера.

Хрон пережил ещё один человек, тебе хорошо известный... Школьная завуч Чеснокова Вера Павловна. Она – космический пришелец. Наблюдатель. По её заверениям мы, земляне, не самые худшие «дети» триоков из далёкой «стороны жизнеизначалья». Она, а не Капитан бин Немо, – спаситель...

Я сидел у ложа Марго. Она была укрыта до подбородка. Голова в плотно повязанной косынке, видимо без волос, лицо в морщинах и бледное. Её лицо – Сумарковой Пульхерии. Врач на пороге палаты предупредил, что привёл к ней, однокласснице и подруге дохронной. Не к Мальвине, не к Евтушенко, как я мог бы ожидать, будучи в непонятках в чьём

всё же теле пребывала Марго. Выяснил случайно: вернула себе своё тело, что покоилось в саркофаге. О том, я подслушал сквозь сон: мои санитары-охранники, разбирая к чистке «узи», судачили. Я не поверил, посчитал, в дремоте причудилось.

Говорила Марго, тяжело дыша, каждое слово ей давалось с трудом.

– Франц, под пряжкой правого наплечного ремня на Степане заколота бусинка на иголке, возьми её и воткни себе под кожу в месте темечка.

Степан шарахнулся от меня, но притих под рукой Марго.

– Готово.

– Сейчас тебе будет видение конца света. То, что ты увидишь случиться не завтра, не через год, не через сто лет, уже случилось тысячи лет назад. Случиться и в будущем. Зажмурься и смотри.

Я закрыл глаза и ощутил холодные пальцы на своём запястье.

Земля! Стремительно приближается. Так не бывает!

Пятак... блюдце... и различимы стали отдельные стационарные комплексы на орбитах... Вдруг что-то изменилось! Не с Землёй, не со мной. Я в скафандре, лечу вперёд ногами, и, если не миную планету стороной, врежусь в её атмосферу. Изменилось другое: всё перед глазами стало проистекать, как в кино с замедленной съёмкой. И боковым зрением я отметил движение среди звёзд – в стороне от Земли. Точка

разрасталась: из звёздочки – в горошину... апельсин... большое яблоко.

Корабль? Шарообразный! Таких конструкций не может быть!

Астероид? Нет, слишком правильной формы.

Планета?

Летающая планета!!

Застыла...

Потускнела.

Импульс был коротким, еле уловимым: к Земле от планеты пролёг луч.

Всё началось рушиться и исчезать. Первыми – спутники и станционные комплексы: срывало и уводило с орбит. За ними – порода. Да, порода: почва и камень! Вперемешку с водой. Океанами, морями, озёрами, реками. Лесами и горами. Мостами, автострадами, городами! Все это скомканным светящимся шлейфом – куда-то в космос. Как будто ураганом с головы манекена сорвало и унесло парик.

Я пролетал мимо и видел участки Земли, как в увеличительном стекле.

Пустыня!

Пустыня!!

Пустыня!!!

Скоро камеры заднего и верхнего обзора оставляли мне только образ моей погибшей Земли...

Куда лечу?! К Солнцу.

Миную Венеру, Меркурий.

Сгорю.

Я очнулся – врач вырвал бусинку.

– Что это было?

– Переселенцы на Марсе выживут. Возродится и Земля.

Люди освоят Солнечную систему, расселятся по дальнему Космосу, но всё, в конечном счёте, для них кончится плачевно – ты видел... Пирамида на Бабешке, до которой ты не добежал, спасаясь от цунами, – звездолёт триоков. Сейчас он в пути курсом к одному из рукавов Магелланова облака... там эмбрионов Колумбария Исхода ждёт планета – компилированная Земля. История людей... в очередной раз повторится в точности до времени освоения ими Космоса, но за пределы своей звёздной системы они уже более не проникнут. Таков план Спасительницы. И триоков...

Открылась Вера Павловна мне и Даме в день твоей свадьбы... Ты женился на Маргарите Астафьевне, а мы лежали в больнице в одной палате... с перерезанными венами. Вера Павловна навещала нас. Она многому нас научила, указала цель в жизни. Устроила так, что мы все пережили Хрон. В конечном счёте, все мы, новоземельцы, помогли ей заполнить крио-тубусы, хотя многие из нас и препятствовали тому, исполняя «миссию бин». Как теперь понимаешь, на самом деле, операция эта была прикрытием – подстроена Командером Сохрана Исхода, Дамой.

После якобы случившейся смерти Капитана бин Немо его

требование вернуть на Землю эмбрионы Колумбария Исхода проводилось теперь уже вождями волков, мустангов и драконов. Но не столь рьяно, поэтому разведка Сохрана Исхода дала слабину: спихнули проблему спецназу ВДВ – Истребителю и Хизатуллину. А те уже играли по нотам Дама, через Изу Белла, разумеется. Дама придумала заселить Бабешку, создать на острове государство Пруссия и угрожать отсюда ЗемМариин уничтожением ядерной ракетой, а под этим прикрытием свозить крио-тубусы на космический корабль триоков – в «Пирамиду» под островом-колоколом. Случайные обстоятельства оттянули доставку эмбрионов и старт звездолёта. Плывшая на Бабешку субмарина утопила груз, когда её обнаружило научное судно «Булатного треста». В тех контейнерах, конечно же, были не просроченные удобрения – ядерная ракета, топливо, оборудование стартовой шахты. Подделки, разумеется, муляжи. Последние Старики ядерные запасы с оборудованием уничтожили всё подчистую. Но наиболее важным был груз другой – первая партия эмбрионов. Подъём с глубины потребовал времени. Тогда же случилась и другая беда: Вера Павловна, служившая в штабе обороны Твердыни, была тяжело травмирована – несчастный случай. Спасти ей жизнь удалось, подсадив её «камень» в мозг Донгуану. Выполнять миссию наблюдателя жеребец не мог: «камень», подсаженный в мозг животному, функционирует, но не как человеческий. Подсадка удалась, как ты теперь знаешь и видел, и в случае спасения Капитана бин Немо – подса-

дили муфлону. Наличие вымени с сосками, молока, это уже его, Капитана, причуда, как и желание, заполучить половой член жеребца и прежнее своё человеческое тело. Знаешь, видел, в сознании у животного с человеческим «камнем» превалирует безудержное сексуальное влечение. Кстати, не в Президента Пруссии с телом Капитана бин Немо, как посчитали Истребитель с Батыем, был перемещён мой «камень»... подсажен был в мозг козла Степана. Так что, и ты ошибался, грешил на Евтушенко, а он не причём. Я понадеялась, в саркофаге мой рак будет подавлен, но не случилось. Теперь, как видишь, я при своём теле, со своим больным мозгом. Евтушенко сейчас под следствием, до сих пор его принимают – на основании и твоего заявления – за Марго. То, что в мозге Президента Пруссии – в теле Капитана бин Немо – поняли позже, но снова ошиблись. Будучи «на крючке» у гвардии СИ Евтушенко изъявил желание оказать содействие: Истребителя и Хизатуллина обрёл на заблуждение в том, что слепой Президент Пруссии на самом деле Пульхерия Сумаркова в теле Капитана бин Немо, что та своей такой аферой ликвидировала вождя Хрона. Слепой старик пил горькую, безудержно чесался и онанировал, потому изрядно поизносился, отчего вождь – живёхонький и бодренький муфлон – воспротивился возврату в своё прежнее тело, выбрал тебя, но после твоего несогласия и побега переключился на тело другого человека. В случае с Верой Павловной «камень» её из Донгуана, ещё до посадки жеребцу маток двенадцати

овец, пересадили покойнице Мальвине, спрятанной мной во время Хрона в тайной усыпальнице на Луне. Все операции проделаны моими учениками на медицинском оборудовании триоков в «Пирамиде». За тем и доставили Донгуана в составе экспедиции «Булатного треста» на Бабешку. А в звездолёте Вера Павловна выдавала себя-Мальвину за меня потому... что ей так было надо... Обо всех коллизиях с тобой после происшедших я долгое время не знала, участия в них не принимала, сам понимаешь. Твой дядя тебя убедил, и ты согласился собой пожертвовать, но донором Капитану бин Немо – почему, ты вспомнишь – стал не ты. Найди Комиссарова, он на судне. Ему удалось вырастить рассаду оскоминицы; полноценной ягоды она не даст, но ему, тебе и Чону Ли оскомины некоторое время будет необходима... Кстати, Чон – пришелец от триоков, как и Вера Павловна, но он этого давно не осознаёт по каким-то причинам. И ты ему об этом не говори. Проживёте вы долго. Моя же судьба сложилась так: с Марса на самом деле не бежала, была отправлена на Землю Дамой воплотить её задумку. На Бабешке, выдавая себя за актёра с псевдонимом Кастрица, влилась в съёмочную группу «Мосфильма»... Под конспиративным именем «Политрук Кастрица» – в фильме играла роль политрука – организовала и возглавила революцию. Пробыла на острове первым Президентом государства, после первым председателем колхоза «Отрадный»... Я устала... Прощай, Франц... С этой кровати я не встану... Капитан бин Немо остаётся на

Земле, задался целью помирить волков, мустангов и драконов. Те готовы заключить соглашение, но при условии ликвидации ЗемМарии. Далась она им. Альянс последние годы оружия у них не отбивает, ну, вылавливает антарктический криль, поставляет на Марс, так его развелось уйма. Марсу не до «калашей», у них там революции одна за другой, дерутся на мечях из коралла «тумканье железа». «Валюта» твоя только и приводит в чувства: сунут в нос или в анус, хватают рачков... и хохочут... рогочут до упаду. Похоронят меня в земле, на Бабешке, в саркофаге... Степана рядом... Селезень организует... И на прощание хочу попросить тебя, передай Салавату... любила я только его.

Последние слова Марго прошептала сдавленно, совсем отвернувшись к стене и спрятав руку под простыню.

Я кивнул, шумно сглотнул, взял и сжал её холодные пальцы...

* * *

Сижу на краю поля босыми ногами в грядке. Растрёпанная ниже плеч седая шевелюра, необычайно густые брови, широкая по грудь борода скрывают мне лицо, торчит только выдающийся крючковатый нос. Одет в форму офицера Войска береговой охраны Альянса ЗемМария. Во всё как положено: фуражка, китель, брюки, тельник, прогары. «Дудочки» мне длинноваты, скрывают голые лодыжки – прогары без носков. Под кителем тельник из трикотажа – некогда зна-

менитая тельняшка матросов военного флота, морских пехотинцев и десантников-парашютистов. Теперь – моряков береговой охраны. И отличается с виду – тем, что синие по белому полосы чередуются с полосами всех цветов радуги. Под тельником этим «позорным» тельняшка «вэдэвэшника» – не моя, с плеча полковника Франца Аскольдовича Курта, моего дяди. На память мне оставил. Мне длиной по колени, с рукавами по запястья закатанными. Ещё на мне офицерская портупея марского пехотинца-межпланетника, пряжки наплечных ремней неуставные, самолёты заменены вертолётами. На шее ошейник, браслеты на руках и ногах, «пятёрочка» в трусах. Эти мои майора Франца Геннадиевича Курта – табельные.

Вытащил застрявший меж пальцев ног цветок мака – подцепил, когда шёл через поле напрямик, – тербил и переминал бутон в пальцах. Не моих. Мои, хоть и были заскорузлыми с «костяшками» и «мозолями» мастера единоборств, но всё же поизящнее пальцев широкого в кости армянина, «украшали» кисти моих рук не столь разлапистых. Ну, это ладно, былую внешность не вернуть, мучит другая неприятность: я теперь по поводу и без повода матерюсь. Что прискорбно, ничего с этим поделать не могу, и сознанию моему претит то, что никому в колхозе матом ругаться не позволяю, просеку – пресеку. Одно радует, мягко: не калечу там какими приёмами каратэ или чонлиновских «крестов», так чуть придушу хваткой «сибирского вьюна». «Камень» рас-

порягается пресечь, помнит как – тело слушается.

Думаю о том, что сельхозработы затянулись. Вообще, давно можно было посчитать, что про моё подразделение спецназа забыли, если бы не доставлял меняла Зяма сюда на остров посреди Тихого океана «свечи», и не забирал их – уже «кондиционными», с названием «валюта» – обратно в Зем-Марию. В Руси «валюту» пакетируют с засушенными рачками крыля и отправляют на Марс. Он же, меняла, сообщал о событиях на Красной планете. Рассказывал об очередном правительственном на «Звезде» перевороте, поддержанном революцией на Уровне и в Метро. В Правительстве Марса, если и помнили о моей полуроте марпехов, то просто – чтобы не кормить – оставляли не у дел. Как и некогда роту спецназа ВДВ моего дяди, полковника Курта.

По весне меняла Зяма привёз контракт на поставку колхозом «Отрадный» «Звезде» сельской продукции сроком на семь последующих лет – это удар, которого я не ждал, но предвидел.

На Марс мне уж не вернуться – здесь помирать. Ни кого, ни когда не увижу. Ни Батыя, ни Плохиша, ни Истребителя, ни Даму с Портосом, ни сестры Катьки. Ни жёнушки милой, ни дочурок моих. Ждут они мужа и папку – высокого русского красавца, а заявится коренастый армянин. Ладно бы, только крючконосый, так ведь, по всему телу бурой шерстью заросший, со светлыми «пятнами» на груди, животе, в ладонях, на подошвах ступней, да на ушах огромных.

Чебурашка, как есть. Нет уж, померло так, померло – здесь в колхозе сдохну.

Год, видать, неурожайным случится: «земляной груши» – и той не вдосталь песочек даст. Не избежать, стало быть, голода, потому выдам экзоскелеты, комби с доспехами, ножи и сапёрки... иначе не выжить. Разбойничать примутся, – стало быть, такова судьба островитян. Нет, судьба не селян Мирного и Быково, деревни смыло цунами. На Бабешке после обосновались пираты, базу ремонта и заправки шаров здесь устроили. На острове волки, мустанги и драконы, не в пример собратьям на континентах, нашли общий язык: объединились и теперь совместно грабят земмариийские меняльные пути. Мои спецназовцы каких-то столкновений с ними пока не имели, но они неизбежны: топинамбур и оскоми́на этим годом не уродят, а потому «отцепной» «Фирмы» не нагопишь, и тюльки с факелами (развлекать пиратов) не будет.

В голод нам, бывшим марпехам, теперь полеводам колхоза «Отрадный», «кондиционных свечей» – «валюты» – не произвести, Зяма в ЗемМарию этой навигацией пустым вернётся. Так что, поделятся «джентльмены удачи» добычей.

Иначе каюк колхозу. Собственно он наступил сразу, как только вернулись на обезлюдивший после цунами остров с задачей возродить хозяйство. Из уцелевших генераторов-ГпТ соорудили на руинах Отрадного «миску», из обломков юрт слепили чумы, по весне рассаду высадили, отсеялись. Но... урожая собрать не довелось: не родила больше

земля Бабешки, ни какие сельхозкультуры. И вообще, песок из жёлтого серым с какой-то ржавчиной стал. Топинамбур только временами и родит, да всяким разом не вдоволь. Как только не изгалялись, каких только удобрений из Зем-Мариин не завозил меняла Зяма – всё без толку. Привёз и саженцы яблонь – на добрую память «уважаемому компаньону» Францу Аскольдовичу Курту. Высадили во всех пяти местах острова с ключами, поливали, но не принялись. А вообще, Зяма уже который год не увозит с острова в Зем-Марию, как в былые времена, продовольствие для Руси, наоборот, сюда привозит, чтоб с голоду не протянули ноги. Огурцы привозит – свежие летом и консервированные заключительной в году навигацией. В стеклянных банках трёхлитровых. Опорожненные банки не забирает, не зачем: волки-копатели, «разгружая» Росрезерв, нашли по схронам Приуралья несметное их количество. Предприимчивый зампотылу с земляками-умельцами нашли той таре применение. Замуровали в стену башни водокачки и теперь по ночам после отбоя заслушиваются проникавшим сквозь купол «миски» музыкальным воем с посвистом. Ягода-оскомина на Дальнем поле время от времени появляется, правда, только «пятнами» оскоминицы под землёй, и копать глубоко приходится. Потому в пюре «Отрада» её теперь не подмешиваем, так пригоршней съедаем, запивая дарственной от Зямы колой и квасом. По утрам – в строю на плацу перед марш-броском по округе Отрадного. На прополку не ходим, но как-то надо

хотя бы полдня находиться вне «миски», чтоб «макарики» в «валюту» обратить. Затем, понимал я, и держат взвод на острове.

Стычек, а то и войны с пиратами ни как не желаю, надеюсь, Капитан бин Немо поможет избежать беды. Зимой, голодали, заявился на Бабешку – он у пиратов в фаворе, в советниках у предводителей волков, мустангов и драконов. Привёз из Австралии морской контейнер замороженных кроличьих тушек и верблюжьего кумыса в бурдюках из шкурок собаки Динго. И нас отрадновцев щедро наделил. Но что знавались, вида не подал. На байке «Харли Дэвидсон» съехал по сходням на причал и на первой передаче, братву приветствуя, напрямик к шатру Заправуправления. Не ехал, «плыл», словно ледокол. Огромный великан в байкерском облачении, весь в коже с заклёпками и шипами, в знаменитых бацулах на ногах, на голове – украшают каску – два огромных закрученных в баранку муфлоньих рога. Чёрная майка под кожанкой украшена набивным Весёлым Роджером. Над сверкающим белизной черепа с костями изображён силуэтно борец сумо.

Я в числе содиректоров заправки встречал гостя на крыльце, тоже протянул ему руку поприветствовать, но великан к Зяме отвернулся, потрепать «говорливого грача» у того в чалме, дравшего горло: «Согласия и добра в хату! Миру мир!». Час только побыл на острове и отбыл. Въехал на ветролётоносец, обернулся и состроил мне «рожки» – две «сар-

дельки», торчащие из не менее знаменитых, чем бацулы, митенок, приставил к каске над рогами муфлоньими. И, подмигнув, «забычился». Я знаю – не в курсе всё заправуправление и братва – в мозгу этого быка-сумоиста «камень» вождя Хрона.

Цунами приближалось к Бабешке, мою полуроту и граждан Пруссии «запрессовали» в «Иркутск», гиноиды-пирани вмиг управились. АПЛ нас доставила в Австралию, где в центре континента – за забором – ожидали... андроиды-самура, взвод ВС Пруссии и жители деревни Отрадное. Все живёхонькие. Задолго до цунами гиноиды-пирани из Быково ходами под землёй эксгумировали могилы «Воинского» и «Крестьянского» кладбищ, похитили «трупы». Оказалось, газом в окопах, стопор-ядрами на Дальнем поле прусские солдаты и полеводы Отрадного (и андроиды-самура с ними) были ввергнуты в глубокий анабиоз без проявления видимых признаков жизни. Погибли только разведотделение Милошевича, комиссар Вильгельм, да кобыла Маринка. «Винной» тому чуду ягода-оскомина – антинекротик, годами потребляемый и копившийся в организмах селян и «вэдвэвэшников». Ну, это ладно... в «чувство» их всех привели и обитали теперь все они в... «Пирамиде». Номинально: инопланетяне их поселили неподалёку от звездолёта – в отгородке за забором. Заняли выводом из крио-тубусов кроликов, собак Динго и верблюдов. С эмбрионами в крио-тубусах этих животных была доставлена с Марса первая партия Колум-

бария Исхода, та в подводных контейнерах, которые утопили и подняли из тихоокеанской пучины. Коллежский ассесор «прикололся». Встретиться с однополчанами и отрядновцами нам не дали. Когана одного только сводили за забор. Но не затем, чтобы от нас привет передать, скорее, показать «зверям» и «рыбам» человека нормального. У завхоза язва, ягоду-оскомину не потреблял. Поговорил с полковником Куртом, свидеться с племянником дядя отказался.

Я обуваю прогары, встаю, оправляя китель, отряхиваю песок на заду «дудочек». В Отрадное от Дальнего поля возвращаюсь всегда, обойдя «миску» кругом. Захожу на кладбище «Воинское», посидеть у обелиска с надписью:

ФРАНЦ КУРТ

24.11.2034 X 09.08.**32

Воин,

полковник, командующий ВС Пруссии.

Господи, упокой душу Бати.

Хрон в печень виновникам его гибели

– Где ты сейчас, дядя, среди каких созвездий? Как тебе там моё тело, не жмёт?

После, снова обойдя водокачку, возвращаюсь к кладбищу «Крестьянскому» и подхожу к обелиску в углу погоста. Когда-то гладкий, как стекло, столбик стал матовым, в выбоинах и трещинках. Алюминий миски на макушке темнел, надписи становились неразличимыми; просил завхоза, тот считал налёт и подновлял эпитафию.

Вырезанные ножом буквы, с выборкой в металле под клинковую резьбу, забивались песком. Очищаю и всякий раз, не веря глазам, перечитываю.

ХАРИТОНОВИЧ АННЫ

ПАУЛЬ КАСТРО

01.01.2151. X 16.02.**31.

Основатель и первый председатель колхоза «Отрадный».

В прошлом биохимик, нейрохирург, академик

Обронив «Таки дела, подруга», допиваю из фляжки остатки киселя и бреду мимо башни водокачки к проходу под поселковую «миску».

Успеваю к побудке. Строю полуроту на плацу и лично разношу по рядам корзинку с ягодой-оскоминой и квасом в бурдюке. Каждому запикиваю в рот пригоршню и даю запить. Но марпехи особо не прикладываются к горлышку бурдюка: остерегаются брожения в желудке на марше, с финальным последствием неприглядным. Финишировав на плацу, выстраиваются в очередь перед нужником. Практически все не выдерживают «великого стояния со скрещёнными руками и ногами». Зампотылу всякий раз долго, нарочно, не сходит с очка (у него к язве прободение прямой кишки добавилось), рогочет захлёб, наблюдая через дверную щель позорную для спецназовца – а среди марпехов есть в прошлом десантники, и даже морпехи – картину. Так что, и другие полдня все заняты: отмываются и стираются. На зампотылу зла

не держат, майор своим приказом – в обход мне – установил списочную очередь кому и когда пить из бурдюка или только губами прикладываться к горлу. Конечно, я заметил уловку, но вида не подаю, надо давать передышку мальчикам и старикам – потому как запивавшие утром ягоду вечер хохочут до упаду и обмороков. От мятежа, не сомневаюсь, уберегло то, что из Твердыни на Бабешку доставили 2-рой взвод полуроты; марпехи вернулись с кинопроектором и приказом:

День заниматься производством «валюты», по вечерам – кино; показывать драмы из советского и индийского кинофондов, чтобы отдыхать от хохота. 2-рому взводу, разведотделению и оруженосцам заняться восстановлением колхоза «Отрадный» – пропитанием 1-ый взвод обеспечить. Последующей навигацией на остров придут 1-ый и 2-ой взвода 1-ой роты».

После построения спешу к колхозной животине. Вхожу в хлев и бужу Чонку.

В полутёмном помещении огромный, белый, патлатый – с налобным остатком отпиленных муфлоньих рогов – баран молотит задом по прутьям тесной клетки. Лошадь под ним стоит на коленях, тяжело поводит крупом и роняет с губ пену.

– Чон.

Китаец поднимается с лежака в углу, подходит и разворачивает тряпицу. Позёвывая, просит:

– Поменьше возьми. Мало осталось, и я пустой. Коню чуть

больше дай, совсем ослаб, а ему рожать.

– Камса на заправке устроился, рассаду высадил.

– Всё пытается «оскомину», ягоду «садовой» сделать. Ну, ну. Да, минёт его Хрон погибельный.

Облизываю языком ладони и прилаживаюсь поочерёдно к порошку в тряпице.

– Балаян... Силыч, – зову я коня и барана.